

ISSN 1816-5435  
ISSN (online) 2224-8935

№ 4 / 2016

международный научный журнал  
International Scientific Journal

[www.psyjournals.ru/kip](http://www.psyjournals.ru/kip)

культурно - историческая  
ПСИХОЛОГИЯ



cultural - historical  
PSYCHOLOGY

*Международный научный журнал*

*International Scientific Journal*

**Культурно-историческая психология**

**2016. Т. 12. № 4**

---

Cultural-Historical Psychology

2016. Vol. 12, no. 4

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

# Содержание

<b>К 120-ЛЕТИЮ Л.С. ВЫГОТСКОГО, Н.А. БЕРНШТЕЙНА И Б.М. ТЕПЛОВА</b>	
Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст <i>Е.И. Изотова, Т.Д. Марцинковская</i> .....	4
Выготский vs Фрейд: о переосмыслении психоанализа с точки зрения культурно-исторической психологии <i>Е.Ю. Завершнева</i> .....	14
Заметки по поводу театральных рецензий Л.С. Выготского <i>В.С. Собкин</i> .....	26
Футурист в физиологии: к 120-летию Николая Александровича Бернштейна <i>И.Е. Сироткина</i> .....	39
Принципы физиологии активности Н.А. Бернштейна в психологии восприятия внимания: проблемы и перспективы <i>М.В. Фаликман, Е.В. Печенкова</i> .....	48
<b>К 85-ЛЕТИЮ В.П. ЗИНЧЕНКО</b>	
В поисках единиц анализа исполнительной деятельности <i>Е.Б. Моргунов</i> .....	67
КЛАССИК: несколько штрихов к портрету (К 85-летию Владимира Петровича Зинченко) <i>В.А. Мазилев</i> .....	74
В.П. Зинченко — на перекрёстке путей в будущее психологии <i>А.И. Назаров</i> .....	80
<b>КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ</b>	
Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) <i>О.С. Павлова, В.М. Миназова, О.Е. Хухлаев</i> .....	90
<b>ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ</b>	
Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 2 <i>С.А. Смирнов</i> .....	100
<b>НЕКРОЛОГИ</b>	
Людмила Филипповна Обухова. Человек, в котором живет «внутренний ребенок» .....	113

# Contents

## IN CELEBRATION OF THE 120<sup>TH</sup> BIRTHDAY

### OF L.S. VYGOTSKY, N.A. BERNSTEIN AND B.M. TEPLOV

The Problem of Experience in the Concepts of Vygotsky and Teplov: A Modern Context <i>Ye.I. Izotova, T.D. Martsinkovskaya</i> .....	4
Vygotsky vs. Freud: on the Rethinking of Psychoanalysis in Terms of Cultural-Historical Psychology <i>Ye.Yu. Zavershneva</i> .....	14
Notes on L.S. Vygotsky's Theatrical Reviews <i>V.S. Sobkin</i> .....	26
Futurist in Physiology: In Celebration of the 120 <sup>th</sup> Birthday of Nikolai Aleksandrovich Bernstein <i>I.Ye. Sirotkina</i> .....	39
N.A. Bernstein's Principles of Physiology of Activity in Psychology of Perception and Attention: Problems and Perspectives <i>M.V. Falikman, E.V. Pechenkova</i> .....	48

## IN CELEBRATION OF THE 85<sup>TH</sup> BIRTHDAY OF V.P. ZINCHENKO

In Search of Unit of Analysis in Executive Activity <i>Ye.B. Morgunov</i> .....	67
The Classic: Details to the Portrait (In Celebration of the 85 <sup>th</sup> Birthday of V.P. Zinchenko) <i>V.A. Mazilov</i> .....	74
V.P. Zinchenko: On the Crossroads to the Future of Psychology <i>A.I. Nazarov</i> .....	80

## CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic) <i>O.S. Pavlova, V.M. Minazova, O.E. Khukhlaev</i> .....	90
---	----

## THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

Smart Body or the Problem of Human Corporeality Development in the Context of Outsourced Life. Paper Two <i>S.A. Smirnov</i> .....	100
--	-----

## OBITUARY

Lyudmila Filippovna Obukhova. The Person with the 'Inner Child' Inside .....	113
--	-----



**К 120-ЛЕТИЮ Л.С. ВЫГОТСКОГО, Н.А. БЕРНШТЕЙНА  
И Б.М. ТЕПЛОВА**  
*IN CELEBRATION OF THE 120<sup>TH</sup> BIRTHDAY OF L.S. VYGOTSKY,  
N.A. BERNSTEIN AND B.M. TEPLOV*

## Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст

**Е.И. Изотова\***,

ФГБНУ ПИ РАО, ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия,  
*teoretic@mail.ru*

**Т.Д. Марцинковская\*\***,

ФГБНУ ПИ РАО, ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия,  
*tdmartsin@gmail.com*

Представлен сравнительный анализ подходов к категории переживания в концепциях Л.С. Выготского и Б.М. Теплова. Показано значение идей Л.С. Выготского о переживании как динамической единицы, соединяющей эмоциональные и когнитивные аспекты и открывающей путь к изучению социальной ситуации развития детей. Раскрывается сходство идей двух ученых в понимании роли интеллектуальных и аффективных компонентов переживания. Анализируются и отличия в позициях Выготского и Теплова. Показывается специфика концепции Б.М. Теплова, в которой эстетические переживания связывают человека с миром культуры, формируя его отношение к ее смыслам и ценностям через взаимное обогащение художника и зрителя-слушателя обобщенными образами, содержащимися в переживании. Раскрывается значимость категории переживания для современной психологии, актуальность идей двух ученых в изучении социальных (эстетических) переживаний современных детей и подростков, их влияние на процесс их социализации и инкультурации. Доказывается, что в категории переживания могут быть выделены два аспекта — когнитивный и динамический (интенциональный) и две формы переживаний — персональные и социальные. Персональные связывают отдельные представления о себе в единое целое, в то время как социальные маркируют отношение к событиям и предметам окружающего мира.

**Ключевые слова:** переживания, аффект и интеллект, динамический и когнитивный аспекты переживаний, социальная ситуация развития, эстетические переживания, музыкальная одаренность, персональные и социальные переживания.

**Для цитаты:**

Изотова Е.И., Марцинковская Т.Д. Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 4–13. doi:10.17759/chp.2016120401

\* Изотова Елена Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт РАО (ФГБНУ ПИ РАО); заведующая кафедрой возрастной психологии факультета дошкольной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Россия. E-mail: teoretic@mail.ru

\*\* Марцинковская Татьяна Давидовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт РАО (ФГБНУ ПИ РАО); заведующая кафедрой и лабораторией психологии развития личности факультета психологии, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), Москва, Россия. E-mail: tdmartsin@gmail.com

Проблема переживания не случайно в последнее время привлекает внимание все большего числа исследователей. В настоящее время актуализируется интерес к проблеме личности, к вопросам развивающего обучения (в век научно-технического прогресса это неизбежно), но не столько к усвоению готовых знаний, сколько к формированию познавательной мотивации, креативности, к развитию способностей учиться и формировать новые знания, переосмысливая уже имеющиеся понятия. Растет внимание и к проблеме становления идентичности, социализации и морального развития детей, что связано, прежде всего, с возрастанием роли личности, ее активной позиции в развитии общества, а также с серьезными изменениями в социальной ситуации развития человека, нарушающей целостность социокультурной идентичности людей.

Современная социальная ситуация диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей людей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются. В связи с этим встает вопрос о значимости исследования одной из центральных личностных характеристик — идентичности и тех факторов, которые влияют на становление процесса социализации и целостной и позитивной идентичности, соединяющей в себе как ее социокультурные, так и личностные формы.

При этом конечной целью при изучении факторов, влияющих на становление индивидуального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, т. е. присвоению социальных норм и ценностей. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения.

Эти положения актуализируют изучение подходов к проблеме переживания в концепциях Л.С. Выготского и Б.М. Теплова, анализ их влияния на современные подходы к исследованию переживания и его роли в развитии идентичности и социализации людей.

В основу исследования категории переживания нами был положен историко-генетический подход, который дает возможность на базе сравнительного историко-психологического анализа найти подходы к решению современных проблем [10; 11].

### **Переживания: динамический синтез аффекта и интеллекта**

Работы Л.С. Выготского открыли новую страницу в исследовании категории переживания [2; 3]. Свою концепцию он выстраивал на базе философских теорий эмоций, в его оппонентный круг попали практически все ведущие философские и психологические теории переживания: Р. Декарта, В. Дильтея и, конечно, его любимого Б. Спинозы. С точки зрения

Декарта разум рассматривается как основание индетерминизма человека, в то время как эмоции — как причина детерминизма человеческой психики, снижающая возможность свободного поведения людей. Переживания, связывая разум и эмоции, обеспечивают возможность когнитивной оценки и снижают порог осознания, уничтожая барьер между субъектом и объектом. Поэтому неудивительно, что в философии Декарта в переживании выделяется, прежде всего, когнитивный аспект, а сам процесс переживания определенной ситуации непосредственно связывается с процессом ее интуитивного постижения. Позиция Спинозы была ближе к психологической интерпретации эмоций. Для него переживания связаны не с когнитивным, но с энергетическим, динамическим аспектом и мотивацией людей. При этом Спиноза подчеркивал, что понимание причины переживаний является залогом свободной воли, отсюда и его тезис о том, что свобода это познанная необходимость.

Выготский, как и Спиноза, подчеркивал энергетический и этический потенциал эмоций. Не менее важной для Выготского была и мысль о связи эмоций с другими категориями философии и психологии. Так как эмоциональная составляющая является непременной частью мотива, то, естественно, что категории мотива и переживания тесно связаны. При этом переживания рассматриваются как эмоциональный отклик человека на явления внешнего мира и на свои поступки и мысли. Регуляторная функция переживания связывает его с категорией деятельности. Изучение взаимосвязи внешней и внутренней деятельности, процессов интериоризации и экстериоризации вновь выводит на первый план проблему переживания, так как на переживании основывается сама возможность присвоения опыта, перехода внешней деятельности во внутренний план. Все эти вопросы актуализируют представления Выготского о роли переживания в процессе современной «жидкой» социализации.

Важным моментом в концепции Выготского была связь переживаний не только с интенциональными, мотивационными и ценностными структурами, но и с понятием «личность», которое в начале XX в. только начинало появляться в психологии. Выготский постоянно подчеркивал, что личность — это сплав аффекта и интеллекта и поэтому, говоря о ее развитии, необходимо исследовать обе эти стороны — и развитие мышления, и развитие эмоций ребенка. С этой точки зрения, он не опровергал позицию Декарта о том, что осознание переживаний тесно связано с разумом, поэтому у взрослого человека причины его поступков и его переживания являются достоянием самосознания. Однако он оспаривал идею Декарта о том, что эмоции не являются интенциональной, динамической категорией и не могут определять отношение к миру. Это положение, важное и для взрослых, особенно значимо для детей, у которых уровень рефлексии еще невысок.

Исследуя развитие интеллектуальной сферы детей, Выготский фокусировал внимание на развитии самосознания ребенка, говоря, что понятие «личность», как культурное, социальное образование, тождественно

самосознанию. При этом в процессе развития самосознания происходит и овладение ребенком собственной психикой и собственным поведением, уменьшается его зависимость от непосредственно окружающей его действительности, поэтому среди важнейших элементов развития личности Л.С. Выготский выделяет и развитие воли, которая позволяет ребенку действовать под влиянием своего мировоззрения.

В процессе формирования личности ребенок переходит от неосознанного миродействия к осознанию своего «Я», своего внутреннего мира и к формированию устойчивого и сознательного отношения к окружающему, к другим людям. Так как личность, по мнению Л.С. Выготского, является результатом культурного развития, то, как и все высшие психические функции, она формируется в процессе интериоризации социальных, культурных форм поведения, которые становятся способами индивидуального приспособления, поведения и мышления. Отсюда становится понятным значение для ученого анализа роли среды, прежде всего культурного окружения, для становления всех сфер психики.

Этот анализ привел Выготского к открытию «социальной ситуации развития» ребенка. Новым является и сам подход Л.С. Выготского к среде, которую он не считал неизменной, стабильной. Он отмечал, что в зависимости от возраста, от развития сознания ребенка значение даже неизменной на первый взгляд среды для ребенка изменяется, он по-другому переживает одни и те же факты и, следовательно, в разные периоды жизни среда оказывает на ребенка разное влияние. Такое изменение социальной ситуации развития ребенка как раз и происходит в период кризисов, выводя ребенка на новый уровень развития.

И здесь на первый план выходит понятие «переживание». Говоря о влиянии среды на развитие личности, Л.С. Выготский приходил к выводу, что среда определяет развитие личности через переживание ребенком воздействий среды. Таким образом, хотя в центре структуры личности стоит интеллект, самосознание и мировоззрение ребенка, однако формируется эта структура прежде всего под влиянием эмоционального отклика ребенка на изменение среды.

Выготский считал переживание действительной динамической единицей, из которой складывается сознание, в которой представлены все основные свойства сознания. В переживании дано единство аффекта и интеллекта, поэтому переживание — наиболее полная величина по отношению к структуре сознания и выступает как конкретная форма проявления целостной личности.

В переживании заключено внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности. Переживание — это единство личности и среды. Выготский пишет, что необходимо учитывать, чем данный момент среды является для конкретной личности. Одна и та же ситуация по-разному переживается разными детьми, поэтому среда определяет развитие ребенка через переживание им воздействий этой среды. Сама по себе ситуация, взятая безотносительно к ребенку, не может опреде-

лить характер воздействия на ход его дальнейшего развития. Среда дана здесь в соотношении к ребенку, в том, как он переживает эту среду. Это «как» зависит, в какой мере все особенности, свойства личности, сложившиеся в ходе развития, участвуют здесь в определенную минуту, в данное время в данной конкретной ситуации.

Выготский говорит о динамике переживаний в переходах ребенка от одного возрастного кризиса к другому и показывает связь переживаний с конфликтными ситуациями. В это время дети особенно остро воспринимают обычную жизненную ситуацию, и это отражается в их переживаниях. В разные возрастные периоды ребенок по-разному воспринимает воздействия среды, по-разному переживает ее влияния. Например, во время кризиса семи лет ребенок теряет непосредственность, что возникает из-за обобщения своих переживаний. У дошкольника тоже есть переживания, и каждую реакцию взрослого ребенок переживает как хорошую или плохую его оценку, но эти переживания сиюминутны, они существуют лишь в отдельный момент жизни, а потом быстро проходят. В семь лет происходит обобщение единичного опыта общения со взрослым. На основе такого обобщения у ребенка впервые появляется самооценка, он вступает в новый период жизни, в котором начинает формироваться самосознание. Переживания здесь являются индикатором различных периодов истории жизни детей, показателем того, что ребенок перешел на новый уровень развития. Следовательно, в переживании представлена личность в социальной ситуации развития.

Таким образом, в концепции Выготского переживание выступает в качестве первичного и исходного психологического факта, в котором интеллект и аффект смыкаются в единое целое и образуют динамическую единицу, в большей или меньшей степени осознаваемую детьми. Функция переживания, по Выготскому, представлена в социальной ситуации развития, так как именно в переживании как единстве аффекта и интеллекта, личности и среды наиболее полно представлено специфическое для данного возраста отношение между личностью и средой.

### **Эстетические переживания: единство ценностей и смыслов культуры**

Проблема переживания была одной из центральных и в творчестве Б.М. Теплова. Однако для него в подходе к ее решению ведущими стали не философские, но эстетические концепции, так же как и во взглядах гештальтпсихологов и в теории одаренности [14; 15].

Понятие «переживание» представлено у Теплова как феномен культуры, его развитие детерминировано ценностями культуры и соединяет в себе эмоции и смыслы. Можно сказать, что Теплов также объединяет в переживании аффект и интеллект, но в ином, по сравнению с Выготским, контексте — как единство эмоций и интеллекта в отношении к смыслам и ценностям культуры.

Первоначально Теплов сосредоточился на анализе переживаний, вызываемых живописью. При этом главным для Теплова стал не столько анализ восприятия цвета, но анализ его эстетического воздействия на зрителя, исследование факторов, вызывающих не просто узнавание определенного объекта, но эмоциональные и эстетические реакции — не просто сад, но красивый, весенний, радостный и т. д.

Хотя ссылки на работы гештальтпсихологов достаточно часто встречаются в этих работах Теплова, но четко видны и существенные отличия в его позиции. Если гештальтпсихологи прежде всего обращают внимание на механизмы, обеспечивающие определенный эффект от восприятия цвета или формы, то мысль Теплова идет в ином направлении. Он стремится изучить механизм возникновения не просто образа, но «эмоционального, эстетического» образа, который формирует культурную память человека, его эстетические, а затем и этические пристрастия и установки.

В развитии концепции переживаний большое значение имела для Теплова и работа, посвященная анализу переживаний, вызываемых оперными жестами. Рассматривая способы, при помощи которых актеры вызывают эмоциональную реакцию у зрителя, он подчеркивал, что актер должен следовать за музыкой, ему необходимо понять и прочувствовать эмоции, вызываемые музыкой еще до выхода на сцену, чтобы верно отразить их в движениях. Им были проанализированы исполнители партий Ленского и Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин», при этом особое внимание Теплов обращал на особенности восприятия и переживания зрителей при исполнении партии разными певцами. Он исходил из предположения, что различия в исполнении партии отражают особенности личности певца и выражаются в индивидуальности жестов, их ритме и кульминациях.

Исследуя жесты, Теплов обращал внимание не только на ритм, которому он подчинен, но и на его смысл, рассматривая жест как определенный символ в контексте данной постановки и данной культуры, а также в контексте социальных установок и традиций данного исполнителя. Так он смог составить партитуру наиболее характерных, типичных для каждого исполнителя жестов и ритмических параметров, которые также рассматривались с символической стороны, так как ритм придает жесту художественную выразительность, делая его фактором искусства, т. е. собственно эстетического восприятия. При этом жест становится не только символом состояния актера, но и знаком, передающим его отношение или состояние и являющимся понятным зрителям именно как знак.

Особенно ярко этот подход к категории переживания проявляется в поздних работах Б.М. Теплова. Теплов, который несколько лет был учеником выдающегося пианиста и преподавателя К.Н. Игумнова, обратился к проблеме музыкальных способностей и, соответственно, к музыкальному переживанию, которое испытывает человек при восприятии и исполнении музыки. В контексте исследования музыкальных способностей Теплов связывал переживание с представлениями, в том числе с музыкальными представле-

ниями человека. Он доказывал, что существуют такие способности, воплощенные в эстетических переживаниях, которые относятся не к практической деятельности, но к культуре. Обращение к культуре, постижение ее смыслов и ценностей, помогает человеку обогатить свою духовную жизнь, наполнить свое самосознание.

Теплов подчеркивал различие между чисто сенсорными и музыкальными формами общения человека с действительностью. Применительно к музыке, воздействие внешнего раздражителя коренным образом отличается от других физических стимулов, а эффектом его воздействия служит не привычный сенсорный образ, а чувство, например, чувство ритма или чувство гармонии. Чувство указывает на субъектность. Для человека, воспринимающего музыку, реальностью являются звуки не физической природы, а культуры, упорядоченные одной ей присущим «алгоритмом». В чувствах тембра, ритма, гармонии воссоздаются не звучания сигналов среды обитания и выживания, а выражения некоторого содержания. Следовательно, сенсорика рождает образы, музыка — переживания.

Главным компонентом музыкальной одаренности Теплов называет музыкальность, основным признаком которой является переживание музыки как выражения некоторого содержания. Содержанием музыки становятся чувства, эмоции, настроение. Сравнивая речь с музыкой, Теплов утверждает, что если основной функцией речи является обозначение, то центральной, функцией музыки является выражение. При этом он уточняет, что имеет в виду именно прозаическую речь, поскольку для художественной речи обе функции — и функция обозначения, и функция выражения — имеют основное, значение.

В то же время Теплов подчеркивал, что эстетическое переживание должно быть эмоциональным, но оно не должно быть только эмоциональным. То есть эмоциональное переживание и эмоция — это не одно и то же. Не только настроения, но и мысли и образы должны входить в эстетическое (музыкальное) переживание. Таким образом, в переживании эмоциональная составляющая выступает нераздельно связанной со смысловой, с пониманием содержания воспринимаемого произведения. Это и отличает эстетическое переживание от других эмоциональных состояний. Эмоционально переживая, человек постигает, открывает для себя некоторые смыслы, заключенные в творении.

Теплов считал, что переживания, вызванные произведением искусства, и в частности музыкальным произведением, обусловлены внутренними формами культуры. Рожденные в процессе творчества композитора переживания кристаллизуются в музыкальные формы, восприятие которых вызывает родственные переживания у слушателей. В этом проявляется культурно-историческая заданность смысла музыкального текста. Композитор пишет свою музыку, будучи «внутри», а не «вне» своего времени и пространства. Поэтому заложенные в его произведении переживания близки и понятны слушателям, так же как картины — зрителям, а стихи и проза — читателям. Поскольку музыка является частью культуры, то и эстетические переживания не могут не быть куль-



турно-историческими. В то же время любые художественные произведения вбирают в себя не только переживания, связанные с конкретной социокультурной ситуацией, в которой живет творец, но и предвидение будущего, переживания и представления, отражающие внеисторические обобщения, входящие в культурный фонд всех времен и народов. Это и делает произведение бессмертным.

Свой подход к обобщенному представлению как содержанию переживания Теплов пояснял, сопоставляя его с тем типом обобщения, который выработала лингвистика применительно к звукам речи. То есть обобщенное представление в переживании соотносилось им с единицей речи (фонемой), которая, при множестве индивидуальных акустических вариаций, сохраняет инвариантные различительные признаки. Нечто подобное, согласно Теплову, присуще также обобщенному музыкальному представлению. Так, каждое конкретное исполнение какой-либо мелодии варьирует от одного исполнения к другому. Соответственно различается и ее восприятие, каждый раз приобретающее свои внутренние формы.

Без внутренней формы, сохраняющей при неповторимости личностного переживания устойчивый смысл, музыкальное творение не могло бы служить средством общения между людьми. Здесь, как и в речи, общение связано с соотношением понимания/непонимания, т. е. с соотношением значения и смысла, объективного и субъективного. Так, концепция внутренней формы слова и художественного произведения, разрабатываемая В. Гумбольдтом, А.А. Потебней, Г.Г. Шпетом [4; 13; 16], нашла свое продолжение в работах Теплова, посвященных эстетическим переживаниям.

Труды Л.С. Выготского и Б.М. Теплова крайне важны для теоретико-эмпирических исследований роли переживания в развитии идентичности и социализации людей [1; 12; 9]. Доказательством служат материалы эмпирического исследования специфики социальных переживаний детей и подростков, а так-

же анализ переживания как механизма социализации и идентификации [5; 6; 8].

### **Эмпирическое исследование социальных (эстетических) переживаний современных детей и подростков**

Для анализа социальных переживаний детей и подростков нами использовалась рисуночная методика «Самое красивое–самое некрасивое». Она построена на традиционном подходе к обработке неструктурированных рисуночных методов. Методика была разработана под руководством Т.Д. Марцинковской и апробирована в ряде экспериментальных исследований [7].

В эмпирическом исследовании принимали участие 42 ребенка дошкольного возраста (от 4,4 до 5,6 лет), воспитанников детского сада № 1773 ФГУП «ГКНПЦ имени М.В. Хруничева» ЗАО г. Москвы; 39 детей младшего школьного возраста (от 7,5 до 9,5 лет), учащихся ГБОУ Прогимназии № 1644 ЮЗАО г. Москвы; 40 подростков (от 13 до 15,2 лет), учащихся ГБОУ СОШ № 49 ЮЗАО г. Москвы. Общий объем выборки – 121 человек.

В результате анализа полученных данных нами выявлена достаточно высокая степень сформированности у детей и подростков представлений о социальных ценностях, нормах и требованиях, а также категоризации социально заданных эталонов «прекрасного» и «ужасного», «красивого» и «некрасивого», выраженного как в объектах, так и в действиях и отношениях (красивое дерево, ужасный поступок, любовь к маме, абсолютное зло, герой и злодей) (табл. 1).

Ведущим амбивалентным эталоном, как в дошкольном, так и в школьном возрасте, является «природа», преимущественно в пейзажных формах. Далее для разных возрастных групп – «Люди, антропоморфные персонажи» и «Фантазийный контент». При этом категоризация эталонов у дошкольников

Таблица 1

#### **Амбивалентные и дифференцированные эталоны в дошкольном, школьном и подростковом возрасте (в процентах)**

Категории эталонов	Самое красивое (в %)			Самое некрасивое (в %)		
	1	2	3	1	2	3
Пейзажи	18	48	3	31	40	4
Животные и насекомые	12	21	6	25	19	32
Природные явления, катаклизмы	4	12	14	1	7	18
Рукотворные объекты (дома, строения, мосты, городская архитектура)	12	27	12	13	15	6
Средства передвижения (транспорт)	15	6	9	8	10	4
Люди, антропоморфные персонажи	27	21	18	23	13	12
Фантазийный контент	3	11	22	2	7	19
Абстракции, декоративные узоры, каракули	6	2	11	25	13	14
Психологические феномены, имеющие морально-этическую окрашенность (дружба, предательство, любовь, самопожертвование)	3	9	13	4	11	18
Социальные явления (война, потребление, глобализация, информатизация)	2	5	6	3	13	24

Примечание: 1 – дошкольный возраст, 2 – школьный возраст, 3 – подростковый возраст.

и школьников осуществляется в разных процентных соотношениях. Так, природа в качестве самого красивого используется дошкольниками в 18% случаев, что гораздо меньше, чем у школьников (48%). При этом природа в качестве «некрасивого» эталона в дошкольном возрасте гораздо более востребована, чем в качестве эталона красоты. В школьном возрасте ситуация принципиально меняется и эталонной становится «красивая природа».

Очевидно, что амбивалентность эталонов при синхронии их категорий демонстрирует каждая возрастная выборка, но только в одной из представленных категорий. Так, синхронный выбор эталонов для изображения самого красивого и некрасивого (природные пейзажи) осуществляют школьники, причем речь идет о большинстве детей данного возраста. Если рассматривать изображения природы в качестве эстетического эталона, то школьный возраст является самым чувствительным для эстетизации понимания и категоризации окружающего мира. Для дошкольников эталоном одной категории, но разного социального значения является человек и антропоморфные персонажи (члены семьи, друзья, сказочные герои). При этом положительная оценка закрепляется за близкими и значимыми людьми, безотносительно их социальных деяний, а отрицательную оценку получает субъект негативных, табуированных поступков. Так, самым красивым для ребенка-дошкольника является мама, а некрасивым — злобная фея Трикс. В подростковой выборке синхронная категоризация эталонов наблюдается только в пространстве фантазийных изображений. Мы можем наблюдать одновременное присутствие персонажей комиксов Marvel / DC в их обычном и трансформированном состоянии (к примеру, Халк до и после превращений).

Достаточно показательным является появление в школьном и подростковом возрасте новых категорий, связанных с представлением о себе, о своей индивидуальности, а также разными аспектами окружающей социальной действительности. В рисунках школьников присутствует война, военные действия, природные и социальные катаклизмы, что, безусловно, связано с расширением их социального опыта и способности интерпретировать новую для них информацию. В рисунках дошкольников также периодически появляется военная техника, она тщательно прорисовывается, на ней присутствует патриотическая символика, но эти изображения апеллируют в большей степени к интересу детей к транспортной атрибутике. В подростковом возрасте война изображается как социально-психологическое явление, акцент делается на страданиях, лишениях и социальных последствиях военных действий (смерть, голод, потеря близких и пр.). Старшие подростки характеризуются также выраженным осознанным отношением к социальным явлениям, связанным с изменением современного социума, глобализацией и брендингом социальных отношений. Очень показательным в этом отношении является саркастический рисунок «Самого некрасивого» с изображением зеркального портрета современного молодого человека, искажающего свою

реальность в виртуальном мире и демонстрирующего наличие брендовых аксессуаров. (рис. 1) Примечательным является тот факт, что противоположной категорией в изображении «Самого красивого» у этого участника исследования является лесной пейзаж с изображением птицы крупным планом как эталона естественности, натуральности.

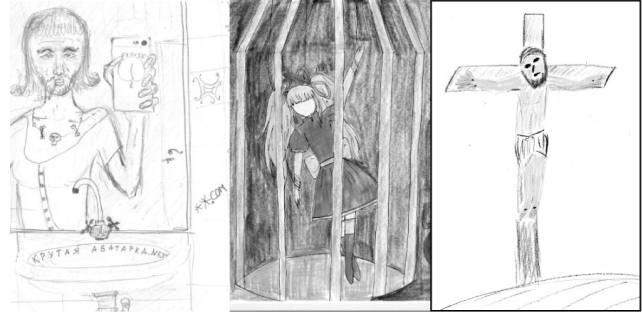


Рис. 1. Иллюстрации амбивалентных эталонов «Самого некрасивого» в подростковом возрасте с обращением к явлениям насилия, несвободы, зависимости от чужого мнения, неискренности и предательства

В качестве примера эстетизации эталона «самого красивого» можно привести два изображения. Они являются иллюстрацией обращения к классическому пониманию эталона как совокупного представления об отношении к нормированному обществом явлению или объекту. На одном из них изображены мама, папа в волшебном замке как апогей семейного счастья и благополучия, другой — отражает гармонию внутренней реальности человека с окружающим миром (рис. 2).

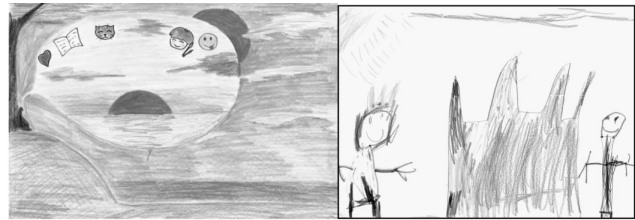


Рис. 2. Иллюстрации эстетизации эталона «Самого красивого» в дошкольном и подростковом возрасте

При этом дети не всегда демонстрируют эмоциональную категоризацию эталонов, т.е. принципиальные различия эмоционального отношения к ним. При индифферентном отношении к ценностям, заданным обществом, дошкольники, реже школьники выбирают идентичные изобразительные средства или останавливаются на монохромном изображении как самого красивого, так и самого некрасивого. В случае выраженной эмоциональной категоризации эталонов наблюдается смена цветовой гаммы или ее расширение за счет включения новых цветов. Например, на рисунке самого красивого можно увидеть все красочные цветы или деревья (волшебный лес), а на рисунке самого некрасивого опадающие или сухие листья, дождь и слякоть (мертвый лес) в монохромном исполнении. У подростка «красивый», т.е. желанный для него фантазийный мир, может быть изображен

в мультицветовой гамме, а «некрасивое», например, лишение свободы представлено одним или двумя цветами. Ссылаясь на результаты эмпирического исследования, можно обозначить возрастную закономерность эмоциональной дифференциации эталонов, которая выражается в переходе от ярко выраженного эмоционального отношения к эстетическим эталонам в дошкольном возрасте (многоцветное изображение) к его более свернутым формам (монохром) в подростковом возрасте (рис. 3).

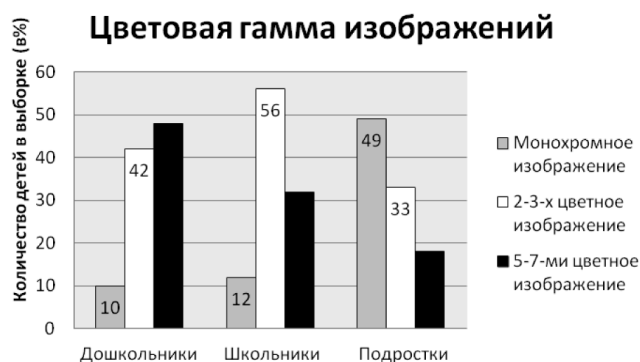


Рис. 3. Возрастная динамика эмоциональной дифференциации эталонов при переходе от дошкольного к подростковому возрасту

Таким образом, мы можем констатировать характерные для современного социума тенденции к расширению арсенала эталонных значений шкалы красивый–некрасивый. Сегодня для данной шкалы становятся актуальны категории, связанные с представлениями о себе и о социально-психологических явлениях, характерных для современного мира. Отмечается также выраженная эмоциональная дифференциация эталонов при формировании эмоционального отношения к значимым явлениям и объектам и нивелирование различий в цветовой гамме эталонов на этапе эмоционального принятия их содержания и социальной оценки.

### Исследование роли персональных и социальных переживаний в процессе социализации детей и подростков

Исследование процесса социализации невозможно без изучения механизмов интроспекции внешних норм, ценностей и эталонов. Можно предположить, что одним из таких механизмов может быть эмоциональный опыт — переживание. Принципиально новым в этой позиции является тот факт, что процесс социализации и структура идентичности изучаются в их взаимосвязи с переживаниями, вызванными отношением к себе и социальному окружению. При этом переживания рассматриваются не как особое состояние человека, но как механизм, позволяющий связать различные аспекты идентичности в единое целое и, таким образом, органично соединить социокультурную и личностную идентичность, обеспечить успешность социализации человека в меняющемся мире.

На основании сопоставления и анализа теоретических материалов и экспериментальных данных нами было выявлено несколько функций переживаний и показано их значение, как с точки зрения теории, так и с позиций психологической практики. При этом наиболее важным моментом, отличающим переживание от других эмоциональных состояний и делающим его основным механизмом личностного становления, является соединение в нем двух аспектов — динамического (интенционального) и когнитивного.

Особенно значимым в когнитивном компоненте является тот факт, что переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность снять (или существенно снизить) барьеры, встающие на пути познания внешнего мира. Недаром именно переживание является важным параметром формирования образа мира уже в раннем детстве. В качестве одного из ведущих моментов переживание выделяется и в процессе интуитивного познания окружающего, и в процессе творческого озарения, и, особенно, в процессе социального познания.

Когнитивный компонент переживания дает возможность не только более точно понять ситуацию, но и более адекватно сконструировать ее образ, а также отношения, необходимые для реализации своих потребностей в данной ситуации и с данными людьми. В этом плане когнитивный компонент переживания способствует социализации и инкультурации человека. При этом переживания маркируют процесс вхождения в социум или культуру как процесс постижения и конструирования ситуации и отношений в ней и являются в определенной степени продуктом этого процесса — как положительное или отрицательное переживание ситуации в зависимости от успешности или не успешности поведения. И здесь вступает в силу второй компонент переживания — его интенциональный, динамический аспект, связанный с побуждением к определенным действиям с конкретными объектами и с постижением их сути и смысла для субъекта.

Переживания, интериоризируя приобретаемые знания, соотносят их с личностными ценностями, формируя смысл новых знаний, правил и новые мотивы, направленные на достижение и реализацию новых смыслов и ценностей, при этом одновременно и оценивая (или переоценивая) себя в соответствии с этими новыми понятиями. Таким образом, переживания соотносят содержание личностной и социокультурной идентичности, соединяя их в обобщенное и непротиворечивое представление человека о себе и своем месте в окружающем мире. Исходя из этого, они могут рассматриваться как механизм, при помощи которого развивается процесс социализации (и инкультурации, в том числе при вхождении в субкультуру) и формируется идентичность человека как целостная и непрерывная во времени система.

Так, в реальной деятельности переплетаются оба параметра переживания, давая возможность человеку соотносить оба плана в постижении образа мира и себя — объективный и субъективный. Объективный план может конструировать как отрешенную дей-

ствительность, предельно обобщающую реальность, так и образ конкретного бытия. Как правило, человек стремится создать образ конкретной ситуации, который всегда является социальным и объективируется в определенном контексте (социальном, этническом культурном). Образы разного бытия связаны с разными аспектами переживания. Отрешенное бытие — с интеллигентной интуицией, которой не нужны чувственные составляющие познания, а потому барьеры между субъектом и объектом могут быть сведены к минимуму, создавая иллюзию их полного слияния. Социальное же бытие связано с социальными переживаниями, которые отражают отношение человека к социальному окружению и своему месту в нем. Становление личностной идентичности, осознание смысла индивидуального бытия человека корреспондирует с персональными переживаниями, отражающими отношение к себе.

Персональные и социальные переживания имеют разные функции, связанные с принятием себя и формированием самосознания (персональные) или принятием социального окружения и формированием культурного сознания (социальные). И в том, и в другом случае именно развитие переживаний делает субъекта личностью, вводя его в поле культуры. Постигая ее содержание и вырабатывая определенное (положительное или отрицательное) отношение к этому миру, человек идентифицирует себя с этой действительностью (или отторгает себя от нее). При идентификации возникает социальная (этническая,

культурная) идентичность. Связь интенционального компонента переживаний с мотивационным помогает интериоризации культурных ценностей, эталонов и норм, а также принятию себя. Особенно важна отнесенность переживания к мотивации в случае социальных переживаний, так как при положительных переживаниях это приводит к цельности представления о себе, а при отрицательных — к личностной и социокультурной маргинальности. При этом показателем успешной социализации являются положительные переживания, связанные с окружающим миром и своим местом в нем, а также принятие основных культурных ценностей и моральных норм данной группы и общества в целом.

Хотя в данной статье и не ставится цель подробно рассмотреть полученные при исследовании персональных и социальных переживаний материалы, в целом можно констатировать, что только через развитие социальных переживаний можно транслировать знания об окружающем мире таким образом, чтобы сочетать индивидуальность, личностный рост и социализированность детей. Эти данные, безусловно, соотносятся с позицией Л.С. Выготского о роли переживаний в онтогенезе. Идея Б.М. Теплова о важности эстетических переживаний корреспондирует с материалами, показывающими, что наиболее важным аспектом в процессе социализации является инкультурация, так как культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, необходимые для успешной социализации.

#### Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

#### Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
4. Гумбольдт В. [W. von Humboldt] Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
5. Изотова Е.И. Социальные переживания и идентичность современных юношей и девушек [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/222-izotova7.html> (дата обращения: 03.06.2016).
6. Изотова Е.И. Закономерности и инварианты эмоционального развития детей и подростков. М.: МПГУ, 2014. 202 с.
7. Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 215 с.
8. Категория переживания в психологии и философии. Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Прометей, 2004. 456 с.
9. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии. Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 284 с.
10. Марцинковская Т.Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015b. № 4. С. 69–78.
11. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015a. 248 с.
12. Марцинковская Т.Д. Феноменология и механизмы развития: историко-генетический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. № 5(24). С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/700-martsinkovskaya24.html> (дата обращения: 28.05.2016).
13. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
14. Теплов Б.М. Избранные психологические труды. Москва; Воронеж: МОДЕК, 1998. 544 с.
15. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М.; Л.: АПН РСФСР, 1947. 355 с.
16. Шпет Г.Г. Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007. 478 с.



# The Problem of Experience in the Concepts of Vygotsky and Teplov: A Modern Context

Ye.I. Izotova\*,

Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,  
teoretic@mail.ru

T.D. Martsinkovskaya\*\*,

Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Moscow Region State University, Moscow, Russia  
tdmartsin@gmail.com

The paper compares L.S. Vygotsky's and B.M. Teplov's approaches to the category of experience ('perezhivanie'). It reveals the significance of Vygotsky's understanding of experience as a dynamic unit comprising both emotional and cognitive aspects and providing insight into the social situation of development of children. The two scientists had a similar understanding of the role of intellectual and affective components of experience, but there were certain differences, too. Specifically, Teplov's concept focuses on aesthetic experiences that bind an individual with the world of culture, shaping his/her attitudes to its meanings through the mutual enrichment of the artist and the listener/spectator via generalized images contained in the experience. The paper reveals the importance of the category of experience for modern psychology, the relevance of the ideas of the two scientists for studies of social (aesthetic) experiences in modern children and adolescents and their influence on socialization and inculturation. It is argued that the category of experience has two aspects (cognitive and dynamic, or intentional) and two forms (personal and social). Personal experiences incorporate one's separate notions about the self into the whole, whereas social experiences mark his/her attitudes towards events and objects in the surrounding world.

**Keywords:** experiences, affect and intelligence, dynamic and cognitive aspects of experiences, social situation of development, aesthetic experiences, musical talent, personal and social experiences.

## Funding

This work was supported by grant RSF № 14-18-00598

## References

1. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Personality Psychology: cultural-psychological understanding of human being development]. Moscow: Smysl Publ., 2007. 528 p.
2. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. Problems of mental development]. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. 368 p.
3. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 vol. Vol.4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. 432 p.
4. Gumbol'dt V. [W. von Humboldt] Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress Publ., 1985. 448 p. (In Russ.)
5. Izotova E.I. Sotsial'nye perezhivaniya i identichnost' sovremennykh yunoshel i devushek [Elektronnyi resurs] [Social experience and identity of modern youths and girls]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: *elektron. nauch. zhurnal*, 2009, no.5(7). Available at: URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/222-izotova7.html> (Accessed: 03.06.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Izotova E.I. Zakonomernosti i invarianty emotsional'nogo razvitiya detei i podrostkov [Regularities and invariants of emotional development of children and teenagers]. Moscow: MPGU Publ., 2014. 202 p.
7. Martsinkovskaya T.D. (ed.). Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire: Sbornik metodik [Identity and socialization in the modern world]. Moscow: MPGU Publ., 2015. 215 p.
8. Martsinkovskaya T.D. (ed.). Kategoriya perezhivaniya v psikhologii i filosofii: Kollektivnaya monografiya [Category of emotional experience in psychology and philosophy]. Moscow: Prometei Publ., 2004. 456 p.
9. Martsinkovskaya T.D. (ed.). Kontseptsii sotsializatsii i individualizatsii v sovremennoi psikhologii: Kollektivnaya monografiya [Concepts of socialization and individualization in modern psychology]. Moscow: Obninsk: IG-SOCIN Publ., 2010. 284 p.

## For citation:

Izotova Ye.I., Martsinkovskaya T.D. The Problem of Experience in the Concepts of Vygotsky and Teplov: A Modern Context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 4–13. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120401

\* Izotova Yelena Ivanovna, PhD in Psychology, associate professor, leading research fellow, Laboratory of Adolescent Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; head of the Chair of Developmental Psychology, Faculty of Preschool Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: teoretic@mail.ru

\*\* Martsinkovskaya Tatiana Davidovna, PhD in Psychology, professor, head of the Laboratory of Adolescent Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; head of the Chair and Laboratory of Psychology of Personality Development, Faculty of Psychology, Moscow Region State University, Moscow, Russia. E-mail: tdmartsin@gmail.com

10. Martsinkovskaya T.D. Istoriya, kul'tura, razvitie kak obrazuyushchie istoriko-geneticheskoi paradig [History, culture, development as basis of historical – genetic paradigm]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2015b, no.4, pp. 69–78.
11. Martsinkovskaya T.D. Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoi paradig [Socialization in historical – genetic paradigm]. Moscow: Smysl Publ., 2015a. 248 p.
12. Martsinkovskaya T.D. Fenomenologiya i mekhanizmy razvitiya: istoriko-geneticheskii podkhod [Elektronnyi resurs] [Phenomenology and mechanisms of development: historical – genetic approach]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: *elektron. nauch. Zhurnal*, 2012, no. 5(24), pp. 12. Available at: URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/700-martsinkovskaya24.html> (Accessed: 28.05.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Potebnya A.A. Estetika i poetika [Esthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 614 p.
14. Teplov B.M. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow-Voronezh: MODEK Publ., 1998. 544 p.
15. Teplov B. M. Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostei [Psychology of musical abilities]. Moscow-L.: APN RSFSR Publ., 1947. 355 p.
16. Shpet G.G. Filosofiya i psikhologiya kul'tury [Philosophy and psychology of culture]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 478 p.

# Выготский vs Фрейд: о переосмыслении психоанализа с точки зрения культурно-исторической психологии

Е.Ю. Завершнева\*,

Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова,  
Москва, Россия,  
zavr71@yandex.ru

Динамика отношения Выготского к теории Фрейда анализируется на материале опубликованных работ Выготского и его личных записей. В статье суммирована критика Выготского в отношении психоанализа, включающая указание на недостатки и прогрессивные положения теории Фрейда. Показано, что заочная полемика Выготского с Фрейдом определялась логикой развития культурно-исторической психологии и достигла стадии потенциального соперничества научно-исследовательских программ в конце 1932 г. Обсуждается возможность переосмысления классического психоанализа в контексте идей последнего периода научной биографии Выготского (1932–1934), а именно идеи сознания как динамической смысловой системы, представления о смысловом поле, о связи нормального и аномального развития и о свободе как основной характеристике человеческого бытия. Утверждается, что Выготский не стремился к элиминации конкурирующих теорий (в частности, психоанализа), но поддерживал диалог с ними и способствовал прояснению их оснований.

**Ключевые слова:** психоанализ, культурно-историческая психология, вершинная психология, теория сознания, смысл, динамическая смысловая система, свобода, норма.

## Проблема исследования отношений между теориями Выготского и Фрейда

В неопубликованной записной книжке «Конференция по исследовательским темам. 27–29 октября 1933 г.» Выготский, намечая план дальнейшей работы, заявлял: «Перспективы: сохранение основного положения Freud'a (психоневроз — результат неудавшегося вытеснения, конфликт Я и Оно, высших и низших слоев психики в новой системе): Freud рассматривает сознание в свете учения о бессознательном; мы — бессознательное в свете учения о сознании. *Новая теория детского психоневроза*. Ни открывать наново Америку, ни считать ее неоткрытой. Кто хочет строить научную психологию, должен идти другим путем: Фг. не дал учения о сознании; нельзя просто дополнить Фг. учением о сознании; надо его факты и теории перестроить в новом целом»<sup>1</sup>.

Этот тезис, высказанный при обсуждении доклада психоаналитика В.Ф. Шмидт на «внутренней конференции», является свидетельством из первых

рук, выражающим отношение Выготского к теории Фрейда. Указанная в тезисе задача — переосмысление психоанализа в контексте культурно-исторической теории — была обозначена Выготским еще в 1925 г. в предисловии к книге Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (совм. с А.Р. Лурией [18]). Анализируя предисловие, Р. ван дер Веер замечает, что для его авторов единственным «приемлемым вариантом аннексии» являлось изучение базовых принципов психоанализа и их проверка в свете собственной теории, однако конкретный способ такой аннексии оставался неясным [34, с. 60]. В нашем исследовании мы попытаемся показать, каким образом данная задача, заявленная в 1925 г. как чистая декларация намерений, постепенно перешла в разряд решаемых, а полемика Выготского с Фрейдом достигла уровня потенциального соперничества научных программ.

Обсуждение отношения Выготского к психоанализу представляется важным в силу следующих причин. Прежде всего, Выготский и Фрейд заложили основы двух крупнейших направлений, каждое из ко-

### Для цитаты:

Завершнева Е.Ю. Выготский vs Фрейд: о переосмыслении психоанализа с точки зрения культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 14–25. doi:10.17759/chp.2016120402

\* Завершнева Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент факультета клинической психологии, Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова, Москва, Россия. E-mail: zavr71@yandex.ru

<sup>1</sup> Здесь и далее все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат авторам цитат.

торых имеет выход в метапсихологию и является, по существу, антропологической практикой. В отличие от ряда других концепций, где изучаются функции или процессы переработки информации, т. е. «частичный человек», разъятый на элементы и рассматриваемый вне измерения смысла, в этих системах предпринята попытка построения онтологии человека, теоретического понимания его «второй природы» и ее направленного формирования посредством воспитания или терапии. Однако фундаментальные различия в основаниях подходов делают невозможным их бесконфликтное объединение в рамках общепсихологической теории, к созданию которой стремился Выготский. В цитированном выше тезисе по докладу Шмидт, как и в более ранних тезисах «Проблема сознания» (5.12.1932; [12, с. 156–167]), теории Выготского и Фрейда противопоставлены друг другу как полярные системы — вершинная и глубинная психологии. Арифметическая операция сложения глубин и вершин в итоге даст ноль (см. критическое отношение Выготского к фрейдомарксизму [12, с. 330–331]), поэтому вопрос о том, на каких основаниях возможен диалог между этими подходами, остается открытым.

Несмотря на высокую значимость темы отношений между психоанализом и культурно-исторической психологией, ее исследования весьма немногочисленны. Причиной этого является, с одной стороны, объективная трудность методологической работы по соотнесению двух концепций, основания которых не до конца прояснены и уходят за пределы психологии в философию. С другой стороны, анализу препятствует недостаточная изученность поздних работ Выготского, в особенности, исследований смысловой динамики сознания. Ни в одной из найденных нами статей, где проводятся параллели между психоанализом и подходом Выготского [19; 32; 33; 35 и др.], последний не представлен как единое целое, в его финальной версии 1932–1934 гг.; для большинства авторов вклад Выготского в психологию ограничивается теорией знакового опосредствования и монографией «Мышление и речь». Однако следует отметить и положительную тенденцию: центральная тема пересечений между данными концепциями — роль языка и социума в развитии личности — так или иначе обсуждается всеми авторами.

Характерно, что указанные исследования проводились, в основном, на Западе в 1990-х гг. (вероятно, в рамках Vygotsky-boom, связанного с выходом собрания сочинений Выготского на английском языке). Как правило, идеи Выготского выступают в них в роли эвристик, проецируемых на теоретические положения психоанализа или на проблемы взаимоотношений аналитика и пациента<sup>2</sup>. Несмотря на разнообразие тем, эти исследования являются «стыковыми»: в них изучаются связи между подходами на уровне отдельных вопросов. Единственное ис-

следование, которое созвучно задаче, обозначенной самим Выготским в 1930-х гг., предпринято в статье Е.В. Улыбиной, где рассматривается перспектива «построения единого теоретического пространства, в котором дальнейший содержательный анализ позволяет, в частности, рассматривать феномены, описанные Фрейдом, с точки зрения культурно-исторической психологии» [28; с. 72]. Однако и здесь присутствует та же смещенная оптика: к анализу привлечены работы «инструментального периода», тогда как более поздние труды Выготского — и вместе с ними теория динамических смысловых систем — остались вне поля зрения автора. В итоге наиболее значимые параллели между подходами остаются за кадром, что приводит к существенной неполноте исследования, содержащего, однако, ряд интересных идей, высказанных не только в связи с ортодоксальным психоанализом, но и в отношении его лакановской версии.

Не подвергая сомнению ценности «стыковых» исследований, мы предлагаем иной — по сравнению с общей линией зарубежных исследований — аспект рассмотрения проблемы; мы проанализируем динамику отношения Выготского к теории Фрейда, опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а затем перейдем от исторического к теоретическому плану переосмысления психоанализа с позиций культурно-исторической психологии.

#### Динамика критического отношения Выготского к психоанализу в 1925–1931 гг.

Полемика Выготского с психоанализом отличается рядом особенностей, свидетельствующих об исключительном положении Фрейда в оппонентном круге Выготского. Дискутируя с представителями других научных систем, Выготский вживается в ход мысли своего оппонента, следует за ним, выявляет точки роста теории, чтобы затем эффективно опровергнуть ее и дать свое, более эвристичное объяснение тем же фактам или закономерностям, полученным в рамках рефлексологии, гештальтпсихологии, теорий В. Штерна, Ж. Пиаже, К. Коффки, К. Левина и других. И только в случае с психоанализом мы не наблюдаем этой интеллектуально острой и эмоционально заряженной игры (исключение составляет разве что «Психология искусства»). Дело даже не в том, что ее открытая фаза возникла слишком поздно; к примеру, решающие аргументы в споре с Коффкой по вопросам детского развития появились в одной из последних статей Выготского [12, с. 238–290], аналогичная ситуация имела место и в споре с Левином [10]. Дело в другом: в опубликованных работах Выготского практически отсутствуют попытки вести игру на поле оппонента, примерить на себя

<sup>2</sup> Особо отметим серию исследований А. Wilson и L. Weinstein, в которой анализируются связи между понятиями «трансфер» и «зона ближайшего развития», внутренняя речь рассматривается как средство общения между аналитиком и пациентом, а представления Выготского о природе речевого мышления применяются для расширения топографической модели бессознательного [37; 38; 39].



его мысль, разыграть ее, доведя до абсурда там, где будет располагаться основная линия атаки, и найти зерно истины в шелухе ложных гипотез. Вплоть до переломного 1932 г. Выготский ограничивается «дежурной» критикой в адрес психоанализа, которая не создает моментов конфронтации, присущих критике других подходов.

Начало полемики можно отнести к 1925 г., когда Выготский впервые высказывает свое отношение к работам Фрейда, причем его отзывы являются скорее хвалебными, чем критическими. В вышеупомянутом предисловии к книге Фрейда, в статье Лурии «Психоанализ как система монистической психологии» [26], а также в более поздней аналитической записке «К вопросу о психоанализе и марксизме» (семейный архив Л.С. Выготского), которую Выготский и Лурия направили в Российское психоаналитическое общество и Психологический институт в апреле 1927 г. (рис. 1), разработка психоанализа в рамках марксистской идеологии настоятельно рекомендовалась авторами как перспективная область исследований. Прочитируем заключительный пассаж записки, где в качестве положительных аспектов психоанализа выделялись: «... динамическое понимание психических процессов (вытеснение в бессознательное, превращение аффектов, влияние влечений на психические процессы, сублимация и т. п.); материалистическое по существу рассмотрение всей психической жизни как развивающейся на основе первичных материальных (сводимых в итоге к физико-химическим процессам) потребностей-влечений; детерминизм в объяснении психики и, наконец, попытки дать объективное построение психических понятий на основе изучения бессознательных процессов». Однако вскоре позиция Выготского меняется, и он подвергает резкой критике не только статью Лурии, но и сходные по замыслу работы Залкинда и Фридмана [12, с. 328–333]. «Объективность» Фрейда исчезает

ет из списка его сильных сторон, как и «монизм», и «сквозной социологизм» его теории, а «материализм по существу» отныне становится материализмом факта, который всегда искажен в психоанализе идеалистической трактовкой этого факта.

Первая и последняя попытка открытой конфронтации с психоанализом в работах, опубликованных при жизни Выготского, прослеживается в гл. IV «Психологии искусства», где главной мишенью критики является ошибочное сведение творчества к сублимации. Спектр критических замечаний чрезвычайно широк, концепции Фрейда противопоставляется собственная точка зрения, отраженная в теории катарсиса, искусства как социального чувства и т. д., однако «аннексированная территория» сводится к одной закономерности: Выготский высоко оценивает фрейдовское истолкование феномена остроумия в энергетическом и экономическом аспекте и заявляет, что результаты его исследования находятся в известном соответствии с этим истолкованием, хотя сама энергетическая метафора представляется ему «несколько произвольной» [11, с. 294]. Масштабной аннексии не происходит: несмотря на то, что вся «Психология искусства», по сути, и есть *другое объяснение творчества*, Выготский занят не столько опровержением противника, сколько построением своей теории.

Критика Фрейда в «Психологии искусства» заметно контрастирует с предисловием к его книге, написанном в том же году. Судя по всему, в процессе написания «Психологии искусства» несовместимость психоанализа с марксистской психологией стала очевидной для Выготского; кроме того, как мы указывали ранее, «Психология искусства» могла дорабатываться в 1926 г., а в середине того же года появились первые тезисы культурно-исторической теории и русло собственных исследований было найдено [22]. Так или иначе, перемена происходит, и другим ее источником, вероятно, послужили работы В.Н. Волошинова [3; 4], в которых критикуется не только Фрейд, но также Лурия, Залкинд, Фридман и другие фрейдомарксисты<sup>3</sup>. Отношение Выготского к теории Фрейда становится более сдержанным и вплоть до 1932 г. Выготский предъявляет ей следующий набор критических замечаний:

1) антиисторизм, отраженный в трактовке развития как эпигенеза [11, с. 105–106; 16, с. 161–162];

2) натурализм теории, рассматривающей «психику человека как чисто природный естественный процесс» [11, с. 103–104, 319; 14, с. 19–20];

3) двойственность подхода: Фрейд действует как материалист, когда он стоит на почве фактов и стремится к их детерминистическому объяснению, и как идеалист, когда пытается интерпретировать факты исходя из философских концепций Шопенгауэра, Липпса и Гербарта [см., например: 12, с. с. 136, 145–146, 332; 13, с. 25];

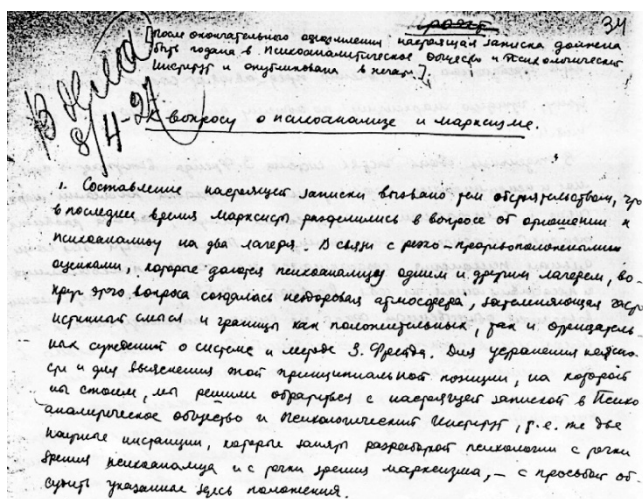


Рис. 1. «К вопросу о психоанализе и марксизме». Фрагмент рукописи, с. 1

<sup>3</sup> О том, что Выготский был знаком с трудами Волошинова, свидетельствует ссылка на последнего в статье «Психика, сознание и бессознательное» [9, с. 61], снятая при публикации статьи в собрании сочинений.

4) принятие частных закономерностей за всеобщие [11, с. 103; 12, с. 117–118; 6, с. 1033]; это возражение затрагивает проблему нормы в психологии [см.: 12, с. 293] и указывает на то, что в психоанализе невротический сценарий развития принимается за тип, а норма — за редкую разновидность;

5) темнота научного языка, путаница в системе понятий [12, с. 333, 335];

6) «малая убедительность фактических подкреплений» [там же], означающая не дискредитацию фактического материала, но слабость и спекулятивность объяснительных гипотез [например, о триаде черт анального характера см.: 16, с. 161];

7) и, конечно, пансексуализм и фиксированность символики — наиболее общее место в критике психоанализа за все время его существования [11, с. 103–104; 17].

В известной степени эта критика была стандартной, т. е. воспроизводила распространенные возражения против психоанализа. В те годы назвать «буржуазного» психолога идеалистом — значило почти наверняка не сообщить о нем ничего нового или сколько-нибудь содержательного; «двойственность» же была универсальным контраргументом Выготского, обращенным против любой теории оппонентного круга: она указывала на проявление кризиса в психологии, явно или неявно разделенной на два идейных лагеря<sup>4</sup>. Область, в которой Выготский к 1930 г. мог противостоять Фрейду аргументировано, очерчена пунктами 1 и 2, поскольку в рамках «инструментальной психологии» он уже создал теорию развития ВПФ, объяснявшую процесс трансформации натуральной психики на основе представлений об инструментальном акте; он мог противопоставить свой генетический метод антигенетику психоанализа и по-иному интерпретировать роль социума в развитии ребенка. Однако на рубеже 1920–1930-х гг. Выготский этого не сделал.

Элементы противостояния имеются в «Истории развития высших психических функций» (написанной не позднее 1930 г.), где Выготский не только дал краткую — на одной странице — критику психоанализа в связи с его натурализацией высшей психики и недооценкой роли культуры в развитии человека, но и изложил свою концепцию развития. Однако и здесь Выготский, скорее, решает собственные задачи: аргументы не адресованы Фрейду, в основной части монографии он лишь дважды бегло упомянул, а единственный фрагмент полемики, который можно принять за «аннексию» фактов, относится к обсуждению природы инфантильной амнезии [14, с. 321; см. также: 12, с. 148]. Характерно, что только этот факт из арсенала психоанализа понадобился Выготскому при обсуждении ключевого вопроса о роли речи в развитии психики.

По-видимому, открытая полемика с Фрейдом не входила в планы Выготского, да и не могла состояться по объективным причинам. Теория развития ВПФ на тот момент распространялась преимущественно на познавательные функции и затрагивала аффективно-волевою сферу только по касательной. Теории высшего аффекта у Выготского не было, не существовало ни периодизации развития, которая появится в 1930-х гг., ни тем более теории личности, которую он так и не создал в явном виде. «Педология подростка» (1931) свидетельствует о появлении новых исследовательских интересов в области клинической психологии, однако приводимый в ней фактический материал по истерии, шизофрении и прочим заболеваниям заимствуется у других авторов. Заметим, что публикации 1930–1931 гг. не отражают того факта, что Выготский, уже имеющий в активе многолетние исследования аномального детства (слепоглухонемые, умственно отсталые дети), в эти годы интенсивно работает в клинике и наблюдает детей с невротическими, психотическими и прочими диагнозами. Подчеркнем, что до сих пор в литературе о Выготском не упоминалось ни одного случая из его практики, однако записная книжка «Клиника ЭДИ» (1931) содержит описания 37 историй болезни; в данном документе детально представлены два случая (Коля С., Наум П.), в которых Выготскому удалось снять с пациентов психиатрический диагноз и заменить его на диагноз «задержка развития». Оба случая иллюстрируют пробное практическое приложение будущей «вершинной психологии»: отправной точкой является личность пациента, возможности ее роста и компенсации дефекта путем развития культурной надстройки, реорганизации системы ВПФ, в том числе третичных связей и связей характера<sup>5</sup>.

Наряду с формальной критикой Выготский неизменно выражает свое уважение к оппоненту в столь же сдержанных, сколь и красноречивых указаниях на достижения психоанализа. Признание заслуг Фрейда со стороны Выготского, на наш взгляд, более информативно, чем критика недостатков, ибо оно в большей степени указывает на те научные задачи (строгая причинность, генетическая теория аффекта, характера, личности), которые у них совпадали при всей разнице в базовых установках. Психоанализ, по мнению Выготского, был прогрессивен по ряду аспектов, среди которых особо выделяются:

1) исследование проблемы соотношения биологического и социального в развитии личности, представление о характере как о надстройке над системой влечений, имеющей социальное происхождение [11, с. 29; 12, с. 96; 18]; 2) разработка принципа

<sup>4</sup> Закономерным образом Выготский впоследствии обнаружит признаки двойственности не только в «инструментальной» версии своей концепции, но и в более позднем ее варианте [21; с. 124, 129].

<sup>5</sup> В том же 1931 г. состоялся и первый из известных нам «внутренних» докладов В.Ф. Шмидт, посвященный психоаналитической теории эмоций, которому Выготский активно оппонирует, заявляя об ошибочной стратегии Фрейда, напрямую выводящего высшие эмоции из влечений (записная книжка «Аномальное развитие ребенка», 1931).

детерминизма и опирающегося на него косвенного метода, в котором, по мнению Выготского, нуждалась современная ему психология: «Попытка Фрейда заключается в тенденции продолжить осмысленные связи и зависимости психических явлений в бессознательное, предположить, что за сознательными явлениями стоят обуславливающие их бессознательные, которые могут быть восстановлены путем анализа следов и толкования их проявлений» [12, с. 136]; 3) теоретическое освоение новых областей (бессознательное, влечение к смерти), сопровождающееся вниманием к «аномалиям», т. е. фактам, которые поначалу ставят теорию под удар, но впоследствии приводят к ее обновлению (например, сны травматических невротиков) [11, с. 109; 12, с. 92, 336; 14, с. 59; 18]; 4) изучение эмоций в их развитии [13, с. 428–429].

Однако наиболее красноречивым фактом в этой полемике является не критика и не признание заслуг, а умолчания. На наш взгляд, самое существенное умолчание касается попыток Фрейда работать со смысловой сферой своих испытуемых с помощью речи (единственное упоминание об анализе осмысленных связей см. в приведенном выше списке, в п. 2). Выготский утверждает, что с теоретической точки зрения здесь находится слабое место психоанализа, представители которого пытаются воздействовать словом на бессознательное, т. е. на область, заявленную в теории как совокупность процессов, недоступных для вербализации [12, с. 148]. Это возражение остается нераскрытым: оно требует дополнительного комментария, которого Выготский здесь не дает. Напомним, что речь в психоанализе рассматривается в качестве посредника, который позволяет бессознательному прорастать побегими («отпрысками») в сознание [29, с. 181–182], она же создает буферную зону предсознательного и фактически является средством преобразования первой природы во вторую. Современная психология отмечает здесь точку соприкосновения между подходами, однако у Выготского встречается только одно косвенное указание на это обстоятельство: «Фрейд, как и Пиаже, совершенно правильно держится той точки зрения, что речь играет чрезвычайно важную роль в акте осознания» [8; с. 244–245]. Возможно, умолчания обусловлены тем, что именно по линии речевого опосредствования и проходила главная ось соперничества подходов. В отношении речевой природы сознания Выготский располагал отдельными догадками, сложившимися воедино только в 1932 г., и с этого момента в критике психоанализа появляется решающий антитезис.

### Переход полемики Выготского с Фрейдом в стадию противостояния научных программ (1932–1934)

Начиная с 1932 г. в опубликованных работах и лекциях Выготского в центр полемики попадает гипотеза первичного аутизма ребенка, онтогенетическое пер-

венство принципа удовольствия и противопоставление его принципу реальности [13, с. 36–37, 403, 442; 15, с. 313–314], а психоаналитическая теория, помимо более раннего эпитета «метафизическая», приобретает новый эпитет: «солипсическая». Выготский по-прежнему уходит от столкновения с Фрейдом, полемизируя с его «заместителем» Пиаже, который, по мнению Выготского, заимствует у Фрейда выше-названные гипотезы, чем значительно ухудшает свои теоретические позиции. Однако в ряде случаев собственная точка зрения напрямую противопоставляется психоаналитической: ребенок рассматривается как изначально социальное существо, находящееся в непрерывном взаимодействии с реальностью; в контексте полемики с психоанализом эту точку зрения подкрепляют, в частности, исследования эгоцентрической речи. Впервые открытое опровержение получает и «репрессивная» гипотеза влияния социума и культуры на развитие ребенка; психоаналитическому пониманию среды в ее функции давления и ограничения [13, с. 67] противопоставлено понимание развития как сотрудничества ребенка со взрослым. Собственные наработки по линиям прежней критики (антигенетизм, натурализм теории Фрейда) в ход идут крайне редко, к примеру, в дискуссии по проблеме высших эмоций [13, с. 434–436], где позиции Выготского настолько сильны, как в отношении других психических процессов. Любопытно, что он продолжает пунктирную «контактную борьбу» в горячих точках собственных исследований (это касается и психологии развития: в последние годы жизни Выготский только переходит к изучению его *внутренней детерминации* и вводит фундаментальные категории зоны ближайшего развития и переживания). В частности, Выготский заявляет об игнорировании Фрейдом роли мышления в формировании личности и указывает, что развитие высшего аффекта невозможно объяснить без привлечения к анализу межфункциональных связей аффекта с мышлением, воображением и речью [13, с. 436, 446].

По мере того, как критика Фрейда в печати постепенно сходит на нет, полемика с ним, необходимая для стимуляции собственной мысли и отраженная в личных записях Выготского, только усиливается. Он штудирует недавно изданное продолжение фрейдовских лекций по введению в психоанализ [31] (рис. 2), проводит внутренние конференции, посвященные теории Фрейда (1931, 1933), и, самое главное, обнаруживает те точки опоры, на которых строит конкурирующее объяснение, не прибегая к аннексии психоанализа, но находясь на пульсирующей линии контакта с ним.

Например, в тезисах по первому докладу Шмидт (проблема эмоций, 1931) Выготский перечисляет свои разногласия с Фрейдом: «1. Недоразвитие = приостановка. 2. Антисоц. развитие. 3. Патол. формы эмоции. 4. <...> Мышл. на службе эмоций!!!» (ср. фрагмент из «Педологии подростка» с указанием на то, что при неврозе интеллект и воля находятся в подчинении у аффекта [15, с. 168]), а также дает свое объяснение ключевым — с точки зрения психоанализа — механизмам развития: «Вытеснение: эмоц. вы-



ключается из сознания. Сублимация: эм. есть, цель другая. Ср. системы и сублимация, вытеснение: там доля правды — в перенесении в разные системы». Однако конкретная программа появляется позднее, когда Выготский намечает общие контуры теории сознания. В заметках по второму докладу Шмидт («Проблема развития ребенка-психоневротика», 1933) он предлагает свой антитезис к фрейдовским представлениям о природе бессознательного: «3. Глубинная — поверхностная — вершинная психология. — Внешний мир — враждебная внешняя сила или источник высшего развития (идеальные формы). — Доминирование ранних стадий развития. — Заимствованный свет бессознательного. — Развитие у Freud'a — реализация, модификация и комбинация задатков. Новообразования. <...> 9. Основные положения вершинной (акмеистической) психологии contra Tiefenpsychologie [глубинная психология] (иногда *implicite* заключенные в последней, но развитые нами *explicite*): отношение Я к Оно, нарушенное в психоневрозе, есть производное от развития (сознательного) Я и его отношения к внешнему миру; contra Lust- und Realitätsprinzip [принципы удовольствия и реальности]: их единство; contra натурализм и метафизика — про историзм (очеловеченная природа); бессознательное возникает из развития сознания; осознание аффекта; неподвижность аутистического мышления; не глубинные, а вершинные закономерности определяют судьбу личности; contra история высшего из сублимации; contra сознание = восприятие» [ср.: 12, с. 166].

Какие новые положения концепции Выготского дают основание для столь решительных заявлений?

Главной инновацией был принцип смыслового строения сознания, введенный в 1932 г.; на его основе и разрабатывается теория сознания, замысел ко-

торой фрагментарно отражают как опубликованные работы («Мышление и речь», «Проблема сознания» и др.), так и записные книжки. Реконструируя этот замысел, можно сказать, что сознание рассматривается как способ активного отношения к среде и одновременно как особый формат связи психических процессов. Выготский сохраняет принцип знакового опосредствования в составе новой теории; он утверждает, что этот специфически человеческий тип отношения к среде возникает при использовании знака, но если ранее его интересовала внешняя структура знаковой операции, то в последние годы жизни он занимается преимущественно ее внутренней стороной — значением. Выготский показывает, что осмысление мира становится возможным благодаря союзу речи и мышления, который позволяет видеть мир как целое, где каждое событие воспринимается в закономерной связи с другими событиями (сознание — «знание в связи» [12, с. 165]). Богатство наших представлений о мире, их упорядоченность и соответствие реальности определяются уровнем развития значений слов: «Ступени речи — ступени абстракции — ступени сознания» (запись «Мои замечания», предп. 1933 [см. также: 27, с. 116]) Внутренний мир также строится посредством реорганизации природных психических процессов; он становится все более обширным и дифференцированным по мере того, как человек познает внешний мир и взаимодействует с другими людьми [подробнее см.: 20; 40]. В категориальном аппарате Выготского появляется и понятие «смыслового поля», которое определяется как семантический план обобщения; исследуя его генетически, Выготский показывает, каким образом оно выполняет на разных ступенях развития свою главную функцию опосредствования отношения человека к миру и самому себе [5; 26], в частности, позволяет осуществлять операции превращения текучей динамики мысли в динамику действия и является основой волевого поведения [подробнее см.: 23].

Расширяя возможности своей теории, Л.С. Выготский также перерабатывает левиновский метод формально-динамического анализа и его представления о развитии личности. В ряде исследований Выготский и его сотрудники дают схематические описания строения личности и динамики ее поведения, опираясь на левиновские методы диагностики, модифицированные под собственные задачи [1; 10; 27 и др.]. В этих работах выделено несколько планов анализа — аффективные системы, смысловое поле, практическое действие — и показано, что они определяются общими закономерностями как в структурном, так и в динамическом аспекте. Динамические процессы, связывающие эти планы, описывает модель свободного осмысленного действия, включающего три основных фазы: «1) превращение динамики психологического поля, динамики ситуации в динамику мышления; 2) развитие и развертывание динамических процессов самой мысли, ее обратное превращение в динамику действия; 3) действие, преломленное через призму мысли, превращается уже в другое действие, осмысленное, осознанное и, следовательно, произвольное и свободное» [10, с. 444].

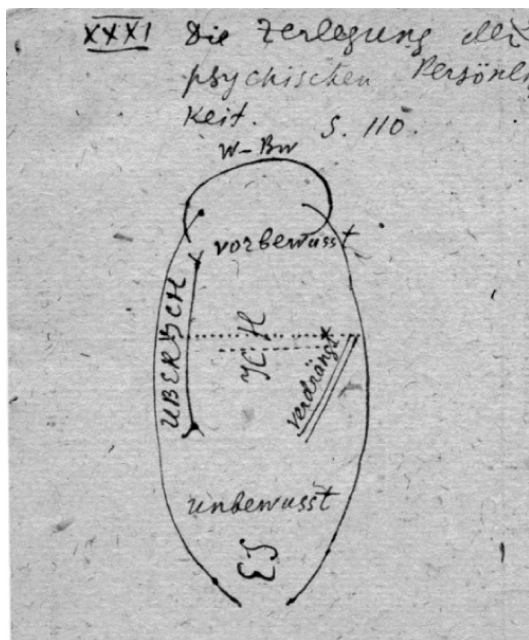


Рис. 2. Конспект книги З. Фрейда «Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse» (1933), написанный Л.С. Выготским. Фрагмент (с. 3)



В этой модели аффект выступает в качестве энергетической основы свободного действия, а центральной характеристикой человека, его специфическим отличием от животного, становится сама способность быть свободным. Психологически она понимается как способность «встать над полем» — не только над внешним, но и над смысловым полем и собственным аффектом. Отраженный в понятиях, аффект осознается, преобразуется и связывается вторичным образом с другими психическими процессами в новую психологическую систему. По сути, это и есть процесс, лежащий в основе формирования личности, которая развивается по мере «оречевления» природных процессов и получает возможность выстраивать себя как иерархию третичных связей сознания. Таким образом, свобода поведения вводится в теорию как фундаментальная характеристика человеческого бытия. Это положение, граничащее с чистой философией, и определяет онтологию человека в культурно-историческом подходе: оно задает представление о норме, которое является точкой отсчета для исследований аномального развития.

Именно утратой свободы поведения характеризуются все отклонения от нормы, включая невротические и психотические расстройства. Наиболее тяжелые формы утраты этой способности свойственны шизофрении, которая определяется как «... патологическое изменение смыслообразования (смысловой системы связей и организации сознания) и нарушение межфункциональных связей внутри сознания» (запись «К проблеме психологии шизофрении», не ранее 1932), вызванные распадом речевого способа общения человека с миром и самой собой. В последний год жизни Выготского его научная группа успевает провести исследования некоторых нозологических форм [1; 7; 27 и др.]; методологически эти исследования также выстроены с точки зрения вершинной психологии: особенности функционирования аффективных систем, структура личности пациентов, характер их практического взаимодействия с реальностью (типы структур, их дифференцированность, проницаемость границ, тугоподвижность или, наоборот, патологическая лабильность динамических процессов) изучались в своей специфике, сравнивались между собой, но сама специфика болезни выявлялась на фоне нормы [подробнее см.: 24].

Очевидно, что введение вышеназванных категорий и методов заметно усиливало позиции Выготского в дискуссии с психоанализом. В отличие от фрейдовской онтологии, которая описывает невротическую личность в том или ином модусе несвободы, вынужденную искать компромисс между требованиями среды и собственными влечениями, Выготский предложил иную точку зрения на человека, все закономерности развития которого так или иначе связаны

со способностью быть свободным. В этой онтологии фрейдовский «идеал человека» может рассматриваться как искаженный вариант нормы, поскольку бегство в болезнь становится возможным только как срыв свободного решения. Казалось бы, здесь возникает область потенциальной реинтерпретации фрейдовских положений с позиции культурно-исторического подхода (как положений «частного случая» по отношению к общим закономерностям), однако говорить об этом нужно с предельной осторожностью, поскольку подобные вопросы в науке не решаются на уровне высших принципов: сталкиваться должны не философские концепции, а научные гипотезы (см.: И. Лакатос о невозможности прямого опровержения твердого ядра научных программ [25]). Кроме того, взаимосвязь нормы и патологии — один из труднейших вопросов, не имеющих решения и по сей день<sup>6</sup>.

Заметим, что для Выготского ответить на вопрос о том, почему один человек оказывается свободным, а другой — нет (перефразируя психоаналитически: почему один выбирает путь сублимации, а другой уходит в болезнь) — не значит сослаться на аксиому о свободе, но рассмотреть развитие личности генетически: «Свобода не дана, а задана. Она ... достигается в трудной внутренней борьбе. <...>. Она не в начале, а в конце пути человека» (запись «К Спинозе», предп. 1933). Положение о свободе получает обоснование из других принципов твердого ядра концепции Выготского, в частности, положения о том, что человек становится человеком (синонимично: становится свободным) постольку, поскольку он учится говорить и мыслить (точнее, мыслить, говоря). Речь создает каркас для существа человека; пронизывая его мысль, речь выводит ее к существованию и дает человеку возможность сбываться в мысли и в поступке. И здесь обнаруживается еще одно потенциальное поле диалога с психоанализом (в особенности, с его лакановской версией).

Неоднократно отмечалось, что психоанализ, по сути, представляет собой рациональную терапию осознанием, однако в его объяснительных схемах как мышление, так и само осознание вынесено за скобки как постоянная величина: оно используется, но не исследуется. Приведем цитату из записи «Молнии Спинозовской мысли» (не ранее 1932), в которой Выготский связывает свою позицию с философией Спинозы: «Фрейд — лечение осознанием, связь с аффектом и влечениями. [На полях пометка со стрелкой к слову «Фрейд»]: Наши исследов. о понятии по спиноз. линии. <...> Понятие аффекта есть активное состояние и есть свобода. Свобода: аффект в понятии» [подробнее см.: 24, с. 91–93]. Именно этот пласт опосредствования в теории Фрейда не представлен, не изучался и вопрос о том, почему речь способна производить изменения в психике пациента.

<sup>6</sup> В 1931 г. Выготский, выступая с докладом «О связи между современной психологией и психопатологией», в котором обсуждался принцип единства закономерностей развития и распада психики, столкнулся с резкой критикой коллегии экспертов (записная книжка «Аномальное развитие ребенка»); входившие в нее известные психиатры С.В. Крайц, И.Д. Сапир, Б.Д. Фридман единодушно заявили, что общих законов у нормы и патологии нет, а специфика болезни не может быть целиком выведена из нормы — и в этом была доля истины.

Данное обстоятельство напоминает, в частности, о характеристике П. Рикера, называвшего психоаналитическую теорию «наивным энергетизмом», а ее язык описания — «языком ментальной гидравлики», а также о высказывании Л. Бинсвангера, считавшего психоанализ знанием, не осознающим своего логоса. Мнение Бинсвангера разделял и Выготский [12, с. 335]), который поставил сознание и речевое мышление в центр своей концепции и исследовал их экспериментально.

Рассматривая развитие высшей психики через призму смысловой динамики, Выготский распространил «вершинную» точку зрения и на проблему детерминизма. Еще в 1930 г. он обсуждал прогрессивное значение теории Адлера, которому удалось показать, что цели могут быть более значимыми детерминантами, чем причины [17, с. 75] (ср. известное высказывание В. Франкла: «... причины толкают, цели притягивают»). Психолог должен понимать не только *почему* невротик уходит в болезнь, но и *зачем* он это делает, в частности, ответить на вопросы, связанные с детерминацией развития, идущей как из прошлого и настоящего, так и из будущего. В подходе Выготского эта детерминация задана через концепцию ЗБР и представление об идеальной форме развития.

Признавая центральную посредническую роль слова в становлении человека, Фрейд и Выготский предлагают диаметрально противоположные представления о его вхождении в культуру: в психоанализе акцентируется ее травмирующая сторона, связанная с утратой объекта желания и последующими поисками утраченного, в культурно-исторической психологии — ее поддерживающая сторона, раскрытие и преобразование бытия человека в слове и в сотрудничестве с другими людьми. Социум, по мнению Выготского, является важнейшим *источником*, генерирующим как средства развития, так и его образцы [2, с. 122—123; 8, с. 83—88]. Сотрудничество ребенка со взрослым в ЗБР отнюдь не беспроблемно, оно столь же драматично, как и само развитие, поскольку ни средства, ни образцы не заимствуются личностью автоматически. Преломление влияния, идущего извне, возможно только через внутреннее, через переживание, которое выступает в подходе Выготского в качестве единицы исследования личности и ее социальной ситуации развития. Добавим, что личность определяют события *значимые*, не сводимые без остатка к детским травмам или травмам вообще, и что формирование личности продолжается и во взрослом возрасте, где в идеале оно совершается в поступке, основанном на свободном выборе.

И тем не менее, даже с учетом всех нововведений говорить о полномасштабной дискуссии с психоанализом преждевременно. Теория сознания как динамической смысловой системы и представление о свободном осмысленном действии были даны Выготским эскизно, их реконструкция потребовала от нас тщательной «сборки» отдельных положений, рассеянных по публикациям и личным записям. Можно сказать, что последняя версия подхода Выготского осталась в начальной стадии разработки.

В ней по-прежнему отсутствуют явно сформулированные теории аффекта (т. е. эмоций и мотивации) и личности, без которых полемика с психоанализом невозможна, как и без развернутых гипотез о природе бессознательного; в практическом аспекте нельзя не отметить проблему психотерапевтических приложений. Кроме того, сопоставлять подходы сложно еще и потому, что их архитектоника до конца не прояснена. В идеале, для того чтобы привести эти подходы в соприкосновение, необходимо воссоздать их метапсихологические постулаты, базовые теоретические положения, операционализирующие их гипотезы среднего уровня, наблюдательные техники и практики, однако эта задача представляется трудновыполнимой. И все же мы как минимум можем задаться вопросом о том, что именно Выготский мог противопоставить топической, динамической и экономической модели психики, предложенной Фрейдом. Выводимо ли из работ Выготского другое объяснение природы бессознательного и его основных симптомов (невроза, парапраксиса и сновидений)? Способна ли его точка зрения дать теорию психозов, имеющую большую объяснительную силу, чем концепция вторичного нарциссизма? Эти вопросы выйдут за рамки данной статьи, однако мы планируем обсудить их в продолжении нашего исследования.

## Заключение

Предпринятый в данной работе анализ показал, что специфика отношения Выготского к теории Фрейда отражала совпадение их исследовательских интересов и стремлений построить науку, опирающуюся на генетический анализ становления личности. Если принять во внимание и другие пересечения, касающиеся социальной природы личности и роли речи в ее развитии, становится понятным, почему Фрейд был одной из важнейших фигур оппонентного круга Выготского. Мы показали, что динамика отношения Выготского к психоанализу определялась внутренней логикой развития культурно-исторической психологии, и что это отношение приобрело черты противостояния научных программ в 1932—1934 гг.

Пространство для полемики между подходами возникло благодаря энергетической метафоре, которую Выготский использовал в качестве методологического «моста»: сначала в «Психологии искусства», затем в работах, реинтерпретирующих ряд положений теории Левина. Мы не знаем, планировал ли Выготский сохранить данную метафору в составе своей научной программы или применял ее как средство *ad hoc*, однако ее прогрессивная роль очевидна, поскольку она способствовала возникновению диалога — фактически, полилога, — в котором заочно участвовали три ведущих психологических подхода того времени. И все же нельзя не отметить, что она вызывает ряд вопросов философско-методологического характера относительно своей применимости в психологии, как и поле-

вая метафора, послужившая мостом между теориями Выготского и Левина [20, с. 123–126].

Добавим, что диалог Выготского с другими научными системами развивался по схеме, предложенной в его ранних методологических работах, где отрицалась возможность прямой аннексии территорий других научных систем: «Кто берет чужой платок, берет и чужой запах; кто берет у психоаналитиков — учение о комплексах Юнга, катарсис Фрейда, стратегическую установку Адлера, — тот берет и добрую долю запаха этих систем, т.е. философского духа авторов» [12, с. 329]. За каждым фактом и закономерностью, согласно Выготскому, стоит не просто наблюдательная техника или эмпирическая гипотеза, но и теория в целом. С этой точки зрения, резонно задать вопрос о том, насколько необходим захват теории, построенной на «репрессивной» версии культуры, при наличии собственной концепции, где роль культуры понимается принципиально иначе? Подлежит ли аннексии, к примеру, история маленького Ганса, в которую неустрашимым образом вплетены неприемлемые с точки зрения культурно-исторического подхода постулаты и интерпретации? Как показывает анализ работ Выготского, случаи открытой аннексии психоаналитических областей в них единичны (инфантильная амнезия, остроумие); они относятся, скорее, к защитному поясу теории оппонента, чем к его ядру, или ограничиваются техническими принципами вроде принципа вытеснения или регресса. Но даже эти факты и принципы, минимально нагруженные идеологически, не заимствуются в неизменном виде, но подвергаются переосмыслению и «снятию», т.е. получают новую интерпретацию с точки зрения культурно-исторической психологии.

Подчеркнем, что полемика Выготского с Фрейдом, Левином и другими оппонентами представляет собой образец взаимодействия подходов, практически не имеющих аналогов в истории психологии. Давно замечено, что развитие психологии заметно отклоняется от схем, предложенных, к примеру, Поп-

пером или Лакатосом: научные программы не сражаются за лучшее объяснение и не вытесняют друг друга. В целом для психологии характерна скорее ситуация схизиса (Ф.Е. Василюк), когда контакты между отдельными направлениями не являются интенсивными, а критический эксперимент — обычной практикой. Несмотря на то, что аномалии играют значимую роль в развитии научных программ, они не приводят к элиминации теорий даже в самых вопиющих случаях (см. вопрос о парадоксальной «жизнеспособности» психоанализа, развивающегося вопреки многолетней острейшей критике [30, с. 436–438]). В этом отношении обращает на себя внимание научная стратегия Выготского, который не стремился к вытеснению теорий своих оппонентов, но создавал для них пространство диалога, где могли бы проясняться основания этих теорий. Он хорошо понимал природу мысли, возникающей, подобно электрическому разряду, при наличии разности потенциалов на двух полюсах; ему нужен был собеседник с иным взглядом на природу вещей. Именно Фрейд он называл одним из самых бесстрашных умов современности [18, с. 3]: стиль мышления основателя психоанализа определяли и умение видеть аномалию в хаосе фактического материала, и способность задавать вопросы, имеющие эвристический потенциал, и стойкость в защите собственных взглядов. Работы Фрейда, писал Выготский, учат *искать истину*, что гораздо важнее, чем преподнесение готовых истин [12, с. 336]. Определяясь в полемике с такими собеседниками, как Фрейд или Левин, Выготский шаг за шагом создавал культурно-историческую психологию, однако это была борьба не столько за свою концепцию, сколько за психологию как таковую, в которой «снятие» точки зрения оппонента означало не ее уничтожение, но включение в более широкий контекст, в пределе — в общепсихологическую теорию. Поэтому продолжение этой полемики представляется нам одной из задач психологии в ее настоящем и будущем.

### Литература

1. Биренбаум Г.В., Зейгарник Б.В. К динамическому анализу расстройств мышления // Советская невропатология, психиатрия и гигиена. 1935. Т. 1. № 6. С. 75–98.
2. Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая) // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 117–126. doi:10.17759/chr.2015110113
3. Волошинов В.Н. По ту сторону социального: О фрейдизме // Звезда. 1925. № 5. С. 186–214.
4. Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. М.; Л: ГИЗ, 1927. 164 с.
5. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития. СПб: Питер, 2001. С. 56–79.
6. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Психология развития человека. М.: Эксмо, 2005. С. 1020–1038.
7. Выготский Л.С. К проблеме психологии шизофрении // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1932. Т. 1. № 8. С. 352–364.
8. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 304 с.
9. Выготский Л.С. Психика, сознание и бессознательное // Элементы общей психологии. Вып. 4. / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. С. 48–61.
10. Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995. С. 426–450.
11. Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. / Под ред. В.В. Иванова. М.: Искусство, 1986. 573 с.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

14. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
15. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
16. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. 366 с.
17. *Выготский Л.С.* Сон и сновидения // Элементы общей психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. С. 62–75.
18. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Предисловие // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Современные проблемы, 1925. С. 3–16.
19. *Гонзалес А.* Автореферат книги «Фрейд в Выготском. Бессознательное и язык» // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 114–120.
20. *Завершнева Е.Ю.* Две линии развития категории «смысл» в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 116–132.
21. *Завершнева Е.Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–136.
22. *Завершнева Е.Ю.* «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 123–141.
23. *Завершнева Е.Ю.* Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 119–135.
24. *Завершнева Е.Ю.* Проблема свободы как отличительной характеристики человека в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 89–105.
25. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
26. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: ГИЗ, 1925. С. 47–80.
27. *Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С.* К вопросу о структуре деменции при болезни Пика // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1934. Т. 3. № 6. С. 97–136.
28. *Улыбина Е.В.* Знаковое опосредование в культурно-исторической теории и психоанализе. Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 64–72.
29. *Фрейд З.* Бессознательное // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 151–193.
30. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
31. *Freud S.* Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. 254 p.
32. *Kozulin A.* The concept of regression and vygotskian developmental theory // Developmental review. 1990. № 10. P. 218–238.
33. *Pešić J., Baucal A.* Vygotsky and psychoanalysis: Toward dialogue // Journal of Russian and East European Psychology. 1996. № 34(1). P. 33–39.
34. *Van der Veer R.* Tatyana on the couch: the vicissitudes of psychoanalysis in Russia // Cultural psychology and psychoanalysis: pathway to synthesis / S. Salvatore, T. Zittoun (Eds.). Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2011. P. 49–55.
35. *Wertsch J.V.* A meeting of paradigms: Vygotsky and psychoanalysis // Contemporary Psychoanalysis. 1990. № 26(1). P. 53–73.
36. *Wilson A., Weinstein L.* An investigation into some implications of a Vygotskian perspective on the origins of the mind: psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part I // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1992. № 40. P. 357–387.
37. *Wilson A., Weinstein L.* Language and the psychoanalytic process: Psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part II // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1992. № 40. P. 725–760.
38. *Wilson A., Weinstein L.* Language, thought, and interiorization: A Vygotskian and psychoanalytic perspective // Contemporary Psychoanalysis. 1990. № 26(1). P. 24–41.
39. *Wilson A., Weinstein L.* The transference and the zone of proximal development // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1996. № 44(1). P. 167–199.
40. *Zavershneva E.* The problem of consciousness in Vygotsky's cultural-historical psychology // The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / A. Yasnitsky, R. van der Veer, M. Ferrari (Eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. P. 63–100.



# Vygotsky vs. Freud: on the Rethinking of Psychoanalysis in Terms of Cultural-Historical Psychology

Ye.Yu. Zavershneva\*,

A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia,  
zavr71@yandex.ru

The paper traces the dynamics of L.S. Vygotsky's attitude towards Freud's theory on the material of Vygotsky's published works and personal notes. It provides an overall picture of Vygotsky's critical views on psychoanalysis, including his accounts of both weak and progressive assumptions of Freud's theory. It has been shown that Vygotsky's polemic with Freud was obviously shaped by the development of cultural-historical psychology and reached the point of a potential rivalry between their research programs in late 1932. The paper focuses on the perspectives of rethinking classical psychoanalysis in the context of the ideas of Vygotsky's last period of life and work (1932–1934), namely, the idea of consciousness as a dynamic system of meaning, the concept of the field of meaning, the relationship between normal and abnormal development, and the idea of freedom as the main feature of human existence. It is stated that Vygotsky did not seek to eliminate any competing theories (in particular, psychoanalysis), but rather remained in dialogue with them and contributed to making their foundations more clear.

**Keywords:** psychoanalysis, cultural-historical psychology, height psychology, theory of consciousness, meaning, dynamic system of meaning, freedom, norm.

## References

1. Birenbaum G.V., Zeigarnik B.V. K dinamicheskomu analizu rasstroistv myshleniya [To dynamic analysis of thought disturbances]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikiatriya i gigiena [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene]*, 1935, vol. 4, no. 6, pp. 75–98.
2. Veresov N.N. Eksperimental'no-geneticheskii metod i psikhologiya soznaniya: v poiskakh utrachennogo (stat'ya vtoraya) [Experimental genetic method and psychology of consciousness: in search of the lost (part two)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 117–126. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.2015110113
3. Voloshinov V.N. Po tu storonu sotsial'nogo: O freidizme [Beyond the social: on Freudianism]. *Zvezda [The star]*, 1925, no. 5, pp. 186–214.
4. Voloshinov V.N. Freidizm. Kriticheskii ocherk [Freudianism: A Critical Essay]. Moscow; Leningrad: G.I.Z., 1927. 164 p.
5. Vygotskii L.S. Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [The play and its role in the mental development of the child]. In *Psikhologiya razvitiya [Developmental psychology]*. Saint-Petersburg: Piter, 2001, pp. 56–79.
6. Vygotskii L.S. Konkret'naya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. In *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Eksmo, 2005, pp. 1020–1038.
7. Vygotskii L.S. K probleme psikhologii shizofrenii [On the problem of psychology of schizophrenia]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikiatriya i psikhogigiena [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene]*, 1932, vol. 1, no. 8, pp. 352–364.
8. Vygotskii L.S. Leksii po pedologii [Lectures on pedology]. Izhevsk: Publ. "Udmurtskii universitet", 2001. 304 p.
9. Vygotskii L.S. Psikhika, soznanie i bessoznatel'noe [Psyche, consciousness and unconsciousness]. In Kornilov K.N. (ed.) *Elementy obshchei psikhologii [Elements of general psychology]*. Moscow: Publ. B.Z.O. pri pedfak 2-go MGU, 1930, vol. 4, pp. 48–61.
10. Vygotskii L.S. Problema umstvennoi otstalosti [The problem of mental retardation]. In *Problemy defektologii [Problems of defectology]*. Moscow: Prosveshchenie, 1995, pp. 426–450.
11. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]. Ivanov V.V. (ed.). 3-e izd. Moscow: Iskusstvo, 1986. 573 p.
12. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p.
13. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2. Problemy obshchei psikhologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 2. Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p.
14. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. Problems of development of the mind]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.
15. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1984. 433 p.
16. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 5. The fundamentals of defectology]. Moscow: Pedagogika, 1983. 369 p.
17. Vygotskii L.S. Son i snovideniya [Sleeping and dreams]. In Kornilov (ed.) *Elementy obshchei psikhologii [Elements of general psychology]*. Moscow: Publ. B.Z.O. pri pedfak 2-go MGU, 1930, pp. 62–75.

## For citation:

Zavershneva Ye.Yu. Vygotsky vs. Freud: on the Rethinking of Psychoanalysis in Terms of Cultural-Historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 14–25. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120402

\* Zavershneva Yekaterina Yuryevna, PhD in Psychology, associate professor, Faculty of Clinical Psychology, A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia. E-mail: zavr71@yandex.ru

18. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Predislovie [Preface]. In Freid Z. *Po tu storonu printsipa udovol'stviya* [Beyond the pleasure principle]. Moscow: Sovremennye problemy, 1925, pp. 3–16.
19. Gonzales A. "Freid v Vygotskom. Bessoznatel'noe i yazyk" ["Freud In Vygotsky. Unconscious and Language"]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2007, no. 1, pp. 114–120. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Zavershneva E.Yu. Dve linii razvitiya kategorii "smysl" v rabotakh L.S. Vygotskogo [Two lines of the development of the category "sense" in L.S. Vygotsky's works]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 3, pp. 116–132. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Zavershneva E.Yu. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovaniya semeinogo arkhiva [Notebooks, notes and scientific journals of L.S. Vygotsky: research of the family archive]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2008, no. 2, pp. 120–136. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Zavershneva E.Yu. "Klyuch k psikhologii cheloveka": kommentarii k bloknotu L.S. Vygotskogo iz bol'nitsy "Zakhar'ino" (1926 g.) ["The key to human psychology": commentary on L.S. Vygotsky's notebook from Zakharino hospital (1926)]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2009, no. 3, pp. 123–141. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Zavershneva E.Yu. Predstavleniya o smyslovom pole v teorii dinamicheskikh smyslovykh sistem L.S. Vygotskogo [The notion of semantic field in L.S. Vygotsky's theory of dynamic semantic system]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 4, pp. 119–135. (In Russ., abstr. in Engl.).
24. Zavershneva E.Yu. Problema svobody kak otlichitel'noi kharakteristiki cheloveka v rabotakh L.S. Vygotskogo [The problem of freedom as a distinctive feature of human in L.S. Vygotsky's works]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 5, pp. 89–105. (In Russ., abstr. in Engl.).
25. Lakatos I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program [Falsification and the methodology of scientific research programs]. Moscow: Medium, 1995. 236 p. (In Russ.).
26. Luriya A.R. Psikhoanaliz kak sistema monisticheskoi psikhologii [Psychoanalysis as a system of monistic psychology]. In Kornilov K.N. (ed.) *Psikhologiya i marksizm* [Psychology and marxism]. Leningrad: G.I.Z., 1925, pp. 47–80.
27. Samukhin N.V., Birenbaum G.V., Vygotskii L.S. K voprosu o strukture dementsii pri bolezni Pika [To the issue of dementia in Pick's disease]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikh-iatriya i psikhogigiena* [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene], 1934, vol. 3, no. 6, pp. 97–136.
28. Ulybina E.V. Znakovoe oposredovanie v kul'turno-istoricheskoi teorii i psikhoanalize [Sign mediation in cultural-historical theory and psychoanalysis]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2004, vol. 25, no. 6, pp. 64–72. (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Freid Z. Bessoznatel'noe [Unconsciousness]. In *Osnovnnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza* [Main psychological theories of psychoanalysis. Essays on the history of psychoanalysis]. Saint-Petersburg: Ale-teiya, 1998, pp. 151–193. (In Russ.).
30. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii [Introductory lectures into psychoanalysis]. Moscow: Nauka, 1991. 456 p. (In Russ.).
31. Freud S. Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse [New introductory lectures on psychoanalysis]. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. 254 p.
32. Kozulin A. The concept of regression and vygotskian developmental theory. *Developmental review*, 1990. No. 10, pp. 218–238.
33. Pešić J., Baucal A. Vygotsky and psychoanalysis: Toward dialogue. *Journal of Russian and East European Psychology*, 1996. Vol. 34, no. 1, pp. 33–39.
34. Van der Veer R. Tatyana on the couch: the vicissitudes of psychoanalysis in Russia. In S. Salvatore (eds.) *Cultural psychology and psychoanalysis: pathway to synthesis*. Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2011, pp. 49–55.
35. Wertsch J.V. A meeting of paradigms: Vygotsky and psychoanalysis. *Contemporary Psychoanalysis*, 1990. Vol. 26, no. 1, pp. 53–73.
36. Wilson A., Weinstein L. An investigation into some implications of a Vygotskian perspective on the origins of the mind: psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part I. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1992. No. 40, pp. 357–387.
37. Wilson A., Weinstein L. Language and the psychoanalytic process: Psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part II. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1992. No. 40, pp. 725–760.
38. Wilson A., Weinstein L. Language, thought, and interiorization: A Vygotskian and psychoanalytic perspective. *Contemporary Psychoanalysis*, 1990. Vol. 26, no. 1, pp. 24–41.
39. Wilson A., Weinstein L. The transference and the zone of proximal development. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1996. Vol. 44, no. 1, pp. 167–199.
40. Zavershneva E. The problem of consciousness in Vygotsky's cultural-historical psychology. In Yasnitsky A. (eds.) *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014, pp. 63–100.

## Заметки по поводу театральных рецензий Л.С. Выготского

В.С. Собкин\*,

ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», Москва, Россия,  
sobkin@mail.ru

В статье обобщены результаты анализа театральных рецензий Л.С. Выготского, которые были написаны им в Гомельский период и опубликованы в газетах «Наш понедельник» и «Полесская правда». Подробно рассмотрены уровни анализа театральных постановок, относительно которых построены рецензии Л.С. Выготского: драматургия, актерская игра (сценическая речь, сценическое движение, перевоплощение и др.), режиссура, зрительская реакция. Обсуждаются различные аспекты оценки Л.С. Выготским актерской игры: индивидуальные особенности актера, своеобразие актерской техники, актерские амплуа, социальные стереотипы и др. Особое внимание уделено выявлению нормативных представлений, относительно которых строятся оценочные суждения в рассматриваемых рецензиях. В статье обозначены содержательные линии, на которые ориентировался Л.С. Выготский, размышляя о развитии театра, искусства и психологии. Отмечена важная роль искусства в личном и профессиональном самоопределении Л.С. Выготского как психолога и мыслителя XX века.

**Ключевые слова:** психология искусства, Л.С. Выготский, знак, смысл, театр, театральные рецензии.

Театральные рецензии Л.С. Выготского периода 1920-х гг. мало известны современному читателю. Между тем, они представляют собой несомненную ценность не только для искусствоведения, но и для психологии. В них ярко выступают истоки неклассической психологии и культурно-исторической концепции. Уже в самых ранних работах Л.С. Выготского о театре достаточно отчетливо проявилась общая логика, определяющая методологическое своеобразие культурно-исторического подхода, которая позднее будет реализована в его фундаментальных психологических исследованиях. Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, посвященных раннему периоду творчества Л.С. Выготского [40–45].

С точки зрения формирования Л.С. Выготского как профессионального психолога важно, что он, в первую очередь, пытался *психологически отреагировать* на сценическое действие, выявив прежде всего собственное аффективно-смысловое переживание. Вместе с тем, сама задача написания театральной рецензии требовала обобщения (рефлексии) опыта этих переживаний, фиксирующего связь аффективно-смыслового переживания с художественными особенностями рецензируемого спектакля.

Предметом анализа для Л.С. Выготского как театрального критика выступали не только его собственные субъективные переживания, но и аффек-

тивно-смысловые реакции зрительного зала. При этом в ходе многочисленных театральных просмотров Л.С. Выготский осваивал богатую феноменологию психологии межличностных, социально-ролевых и социальных отношений, наблюдал проявления характерологических и личностных особенностей в различных конфликтных ситуациях. Отсюда следует понимание важности *актерской психотехники*, связанной с анализом логики и адекватности *действий в предлагаемых обстоятельствах* (К.С. Станиславский) [47], что, в свою очередь, определяется жанровым своеобразием театрального спектакля. Если же понимать жанр как особое ценностно-ориентированное пространство (*хронотон*, по М.М. Бахтину) [1], то можно предположить, что в ходе театральных просмотров Л.С. Выготский (уже как психолог) фиксировал не только сложную психологическую феноменологию, но и *возможности* порождения особых аффективно-смысловых феноменов в специальных условиях, которые заданы жанром театрального представления (его особой пространственно-временной организацией).

Обращение к театральному жанру имеет для Л.С. Выготского принципиальное значение, поскольку жанр выступает как исходная *единица* в его критическом анализе. В разборах спектаклей он, в первую очередь, исходит из специфики общего определения

**Для цитаты:**

Собкин В.С. Заметки по поводу театральных рецензий Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 26–38. doi:10.17759/chp.2016120403

\* Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, руководитель Центра социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», Москва, Россия. E-mail: sobkin@mail.ru

жанра (оперетта, мелодрама, комедия, драма и др.). Рассматривая своеобразие подобного подхода в контексте современных психолого-педагогических представлений, можно сделать вывод о том, что он как театральный критик осуществляет *восхождение от абстрактного к конкретному*. Установка Л.С. Выготского на выявление ключевых противоречий между различными уровнями организации художественного произведения («материалом и формой») выступает в качестве основного приема, позволяющего реализовать диалектический метод мышления в процессе анализа художественного произведения.

Подобный опыт фиксации психологических феноменов не только не беднее, но в культурологическом плане оказывается значительно богаче, чем тот опыт, который приобретает психоаналитик «у кушетки клиента», поскольку здесь эти феномены «спрессованы», выступают в культурно оформленном виде — это уже «вода, претворенная в вино».

### Уровни театрального анализа

Критические оценки Л.С. Выготского строятся относительно разных уровней организации театрального зрелища: драматургия, актерская игра (сценическая речь, сценическое движение, перевоплощение и др.), режиссура, зрительская реакция. Остановимся на них более подробно, иллюстрируя свои положения цитатами из театральных рецензий Л.С. Выготского (1917–1922).

**Драматургия.** Драматургия выступает как один из ключевых моментов, относительно которого строится содержательная оценка в театральных рецензиях Л.С. Выготского. Здесь уделяется внимание своеобразие сюжетных построений, характеристикам персонажей и логике построения действий в различных по своему жанру драматургических произведениях. При этом центральное место занимают вопросы, касающиеся определения основной темы и конфликта пьесы.

Обращение к драматургическому материалу для Л.С. Выготского важно, в первую очередь, для собственного самоопределения и выявления тех смысловых линий, относительно которых им, как рецензентом, и оценивается спектакль; в этом отношении крайне важен принцип: «подлинно не то, что напечатано, но то, что по напечатанному прочтено» [25; 40, с. 286]. Крайне интересны те способы конструирования смыслов, которыми пользуется Л.С. Выготский. Один из них — интерпретация названия пьесы как особой формы смыслового обобщения. Например, разбирая спектакль по пьесе Э. Скриба «Стакан воды», Л.С. Выготский замечает: «Но простим пьесе ее легкомыслие и умение всю жизнь уместить в *стакане воды*» [33; 40, с. 498–499]. Или, оценивая пьесу П. Гиршбейна «Пустая корчма», он отмечает: «И человеческая душа, для автора — такая пустая корчма для древнего хаоса, ночных и темных подсознательных сил духа» [13; 40, с. 318–320]. Позднее в своей монографии «Мышление и речь» (1934) Л.С. Вы-

готский определил этот прием как *вбирание смысла*, когда название выступает как смысловое обобщение произведения. Второй прием связан с обнаружением феномена *двоения смысла*, когда, например, основной конфликт пьесы построен на столкновении наивности мышления и доброты с хитростью и своекорыстием: «Ее комизм несложного химического состава — именно как каламбур. Она двойит все время смысл на острие самых элементарных и грубо-примитивных, плоских даже психологических и сценических ситуаций» [12; 40, с. 219–220]. В основе подобного двоения лежат разнообразные техники смещения понятий, создание двусмысленности, техники, которых, в частности, Л.С. Выготский будет также касаться, обсуждая в своей работе «Мышление и речь» проблематику психологического и грамматического подлежащего и сказуемого.

Еще один прием связан с выявлением скрытых противоречий между декларируемым в произведении моральным принципом и возникающим в процессе его понимания переживанием: «Но в этом лимонаде есть яд: и он убивает» [23; 40, с. 229–231]. Заметим, что в монографии «Психология искусства» (1925) этот принцип, обозначенный Л.С. Выготским как «тонкий яд», будет использоваться как один из основных при анализе противоречий между материалом и формой художественного произведения для выявления механизма катарсического переживания.

Следующий прием касается содержания той основной эмоциональной доминанты, *пафоса*, который характеризует данное произведение: «“На дне” — пьеса *романтического пафоса*, а не бытовые сцены. Гордый человек, с которого слиняли все социальные краски, бывший человек, горьковский босяк — фигура отвлеченная, нежизненная, почти символ, во всяком случае, химера. Проститутка, живущая “Роковой любовью”; шулер, проповедующий сверхчеловека — и еще, и еще — подрумяненные души, иноки мечты и невозможности. Этим и дорога пьесы, а не изображением нищеты и ночлежки» [29; 40, с. 199–202]. Вопрос о содержании эмоциональной доминанты произведения является ключевым, как для анализа драматического произведения, так и для оценки его сценического воплощения. Именно соответствие постановки эмоциональному характеру переживания, заданного драматургией (романтизм, трагедийность, комизм и т. п.), и является, с точки зрения Л.С. Выготского, основанием для оценочного суждения театрального критика по поводу спектакля.

Таким образом, в ходе критического анализа драматургического материала Л.С. Выготский использует разнообразные приемы («техники») выявления смысла: *вбирание смысла, двоение смысла, скрытые противоречия* («тонкий яд»), *эмоциональная доминанта* (пафос). При этом центром, определяющим смысловую интерпретацию, выступает собственное *эстетическое переживание* критика.

При интерпретации драматургического произведения центральное место занимает понятие конфликта. Здесь Л.С. Выготский выделяет различные типы конфликтов: культурные несоответствия; со-



циальные, сословные противоречия; противоречие между личной драмой и общественными социальными отношениями; противоречие внутри линии поведения конкретного персонажа и др. Следует подчеркнуть, что выявление тех или иных конфликтов необходимо Л.С. Выготскому для проявления особой *эмоциональной атмосферы* спектакля, которую и определяет характер драматургического материала. Специальный интерес в этом отношении представляет структурный анализ особенностей организации драматургического материала, который и определяет «архитектонику драмы» [28; 40, с. 288—289].

Подчеркнем, что центральным сюжетом при обсуждении драматургического материала является оценка его современности, точнее сопоставление с современной социальной действительностью, а еще точнее, — с психологией современного человека. При этом, обсуждая вопрос о современности пьесы, Л.С. Выготский вновь делает акцент на *пафосе* произведения, выделяя то *доминирующее социальное чувство*, которое оно должно вызвать у современного зрителя. И здесь, на наш взгляд, позиция Л.С. Выготского близка к позиции С.М. Эйзенштейна, который определял пафос как «...то, что заставляет зрителя «выходить из себя»» [49]. Подобное моделирование возможной эмоциональной реакции *современного зрителя* и определяет своеобразие Л.С. Выготского не только как театрального критика, но и как психолога, для которого особый интерес представляет восприятие новой (революционной) тематики зрителем с «традиционной психикой». При этом он обращает специальное внимание на психологические механизмы рефлексии старых норм и отношений. Одним из подобных механизмов дистанцирования, по его мнению, является смеховая реакция: «Чтобы создать бытовую комедию, надо подняться — и писателю, и актеру — над устоями изображаемого быта и вздернуть его на виселицу смеха» [11; 40, с. 460—461].

**Речь.** Рассматривая вопрос об особенностях сценической речи, Л.С. Выготский выделяет различные аспекты, которые касаются как сугубо технических моментов, так и собственно-психологических; т. е. рассматривает речь в контексте проблематики сценического *действия* и *общения*. При этом сама речь рассматривается Л.С. Выготским как *материал* для актерского творчества: «Звуки и интонации такой же материал для творчества актера, как и краска для художника. Он волен распоряжаться ими, как ему велит его *цель*» [19; 40, с. 334—335]. Следует отметить, что речь как материал при оценке актерского творчества в рецензиях Л.С. Выготского описывается весьма детально. Здесь выделяются ее различные характеристики: интонация, тембр, голосовой диапазон, тон речи и др.

Специальное внимание уделяется *речевым стилистическим особенностям*. При этом Л.С. Выготский разводит бытовые стили и особые речевые стили, связанные с актерским исполнением, например: «Откровенно сценическая, т. е. декламационная, приподнято-торжественная речь. На сцене не говорят, а произносят. <...> В жизни не говорят так, как говорят на

сцене» [19; 40, с. 334—335]. Причем сами стили актерской сценической речи дифференцируются не только в связи с социально-бытовыми характеристиками тех или иных персонажей (купца, королевы, гимназистки, провинциальной героини), но и со стиливыми особенностями различных театральных жанров, театральных направлений и манер актерской игры.

Помимо этого, вопросы, касающиеся стиливых особенностей речи, рассматриваются и в более широком *национально-культурном аспекте* (своеобразие национального колорита, говора, который воспринимается часто как ошибка и «неправильность» речи, а также других стиливых особенностей). Так, например, при обсуждении гастролей в Гомеле Леонида Утесова, Л.С. Выготский обращает внимание на своеобразие одесского стиля речи: «Одесский великий, могучий и прекрасный язык дан, конечно, не тонким художником. В больших дозах он несносен, а в спектаклях он чувствуется в девяностопроцентном растворе» [10; 40, с. 412—413].

Касаясь проявлений в речи особенностей актерской индивидуальности (искренность, страстность, напряженность, волевые особенности характера и др.), Л.С. Выготский уделяет внимание и вопросам *техники речи*: «Какая-то жижа, каша неразборчивых звуков, ужасная дикция, диалектологические особенности говора, полное отсутствие правильно произносимых гласных звуков» [27; 40, с. 295—297].

Важное место в рецензиях Л.С. Выготского отводится собственно-психологическим вопросам *психологии речевого поведения*: целевым моментам (звуками и интонациями актер распоряжается как «велит его цель» [18; 40, с. 334—335]), речевому действию (на сцене «разговаривающие лица, вместо действующих» [9; 40, с. 323—324]), порождению речевого высказывания (речь «рождается тоже на глазах зрителя из живой борьбы» [8; 40, с. 190—192]). В последнем случае имеется в виду не передача актером фразы, полученной от суфлера, а именно эффект ее порождения самим актером в ходе исполнения роли. Обозначенный выше круг вопросов продолжал интересовать Л.С. Выготского и в его дальнейшей профессиональной деятельности как психолога. Так, механизм порождения речи и смыслового понимания текста (речевое намерение, внутренняя речь/внешняя речь) подробно рассматриваются им в монографии «Мышление и речь» (1934), где он, кстати, пользуется также и примерами, взятыми из практики репетиционной работы актера над ролью [32].

**Движение.** Большое внимание в рецензиях Л.С. Выготского уделяется вопросам актерского движения, мимики, традиционным и новым (акробатика, эксцентрика) пластическим формам актерской выразительности и др. При этом движение обсуждается не только как способ выражения особенностей характера персонажа или его чувств, но также рассматривается и как форма *смыслового обобщения*.

Следует обратить особое внимание на принципиальное значение, которое придается Л.С. Выготским *жесту* как средству театральной выразительности. Здесь важно выделить, по меньшей мере, три момента.

Первый, на наш взгляд, напрямую связан с идеями А.Я. Таирова об особой специфике актерского движения в отличие от обыденной бытовой пластики. Так, в одной из рецензий Л.С. Выготского встречаем: «Великолепный и бесконечно выразительный язык человеческого движущегося тела был почти изгнан из старого театра. Но драма родилась из танца, и человеческие движения слагаются в мелодии, как звуки гаммы, и создают великую музыку, полную огромных смыслов. Сейчас драма возвращается к танцу. Пластическая красота и выразительность движения отдельного актера и их групп, музыка жестов — приобретает свое самодовлеющее, а не служебное только значение» [19; 40, с. 334—335]. В рецензиях Л.С. Выготского акцентируется внимание на своеобразии жеста как особой характеристики отношений «актер—роль»: «Что такое стилизованный жест? Это жест откровенно театральный, подчиненный стилю, а не психологическому или *житейскому правдоподобию*, потому что актер этого театра играет не лицо, которое изобразил автор, не живого человека, а сценический образ, им самим созданный, не сливаясь с ним, не растворяясь в нем, а оставаясь все время над ним» [27; 40, с. 295—297].

Второй момент касается актерского жеста как средства воздействия на зрителя, и здесь крайне интересна мысль Л.С. Выготского о «задержанном жесте»: «Его жест и движение всегда <...> на тормозах, задержанное. Рука хочет взлететь — тело броситься, но усилием приведены в неподвижность, порыв подавлен в самом начале. Это очень умный прием и нужный. Задержанный жест — тот же жест и часто огромной силы. Но для этого самый первый порыв, самый замах жеста, разгон движения должны быть сильны и выразительны, чтоб было что тормозить» [12; 40, с. 219—220]. Здесь напрашивается целый ряд аналогий: задержанный рефлекс как признак психической активности (И.М. Сеченов), бессознательное как след задержанного аффекта, след задержанного движения (П. Жане), незавершенное действие (К. Левин) и др. Важно иметь в виду, что уже в первой своей работе о «Гамлете» (1916) Л.С. Выготский касается этой темы, анализируя вопрос о том, *почему Гамлет медлит*; позднее эта тема становится также одной из главных при обсуждении особенностей художественного переживания при восприятии искусства — *реакция с заторможенным концом*.

И, наконец, третий момент затрагивает фундаментальную проблему актерского движения как средства для создания целостного художественного образа, выражающего сложный смысловой конфликт. Особенно отчетливо это проявляется в рецензиях Л.С. Выготского, посвященных балету: «Контраст сухих, коротких, быстрых шажков на вытянутых носках, приковывающих к земле и длинных, протяжных, влажных движений рук, отрешающих и возносящих (*исполнение Е.В. Гельцер «Умиряющего лебедя»*), — был исполнен не задыхания и мертвого трепета, а трагического нажима всей силы духа на крылья рук. <...> Не изнеможение и таяние (это плачет лебедь умирающий), а трагическая сила, взлеты

отчаянья — и простреленное крыло бьет воздух» [5; 40, с. 177—179].

Обсуждение различных аспектов актерской пластики позволяет Л.С. Выготскому акцентировать внимание на движении как особой *языковой системе*. Причем здесь со всей очевидностью проявляется оппозиция натурального и искусственного, которая является ключевой в его культурно-исторической концепции развития психики. В этой связи весьма показателен следующий фрагмент одной из рецензий о балете: «Он (*балетный танец*) — беспредметен. Он ничего не изображает, ни о чем не рассказывает, не выражает никакого конкретного, определенного психологического переживания. Классический танец в такой же мере равнодушен к воспроизведению естественного движения и выражению *маленького психологического смысла*, как музыка — к звукоподражанию; он так же, как и музыка, строит автономно живой пластикой *искусственных* форм, одушевленных ритмом, — свой особый мир большого смысла, не душевного, а *духовного*. Как музыка, потрясает он человеческую душу *искусственным* построением <...> техника классического танца — полеты, прыжки, вращение тела, пуанты и прочее — есть система *искусственного* движения, носящая в себе свой внутренний закон — опять как музыка» [5; 40, с. 177—179]. Помимо отмеченной выше оппозиции натурального и искусственного, в данном рассуждении важно обратить внимание и еще на один принципиальный момент, касающийся противопоставления «маленького психологического смысла» и «большого духовного». Понятно, что порождение подобных «больших смыслов» возникает в особых социокультурных условиях, выходящих за границы повседневной обыденной практики. К сожалению, это направление, касающееся изучения «больших смыслов», на сегодняшний день практически не нашло своего отражения в современных психологических исследованиях.

**Режиссура.** Достаточно большое место в рецензиях Л.С. Выготского отводится вопросам, относящимся к особенностям режиссерской деятельности: сценическая интерпретация драматургического материала, определение сверхзадачи спектакля, его пространственная и временная (темпо-ритм) организация, создание актерского ансамбля, эмоциональной атмосферы и др.

По мнению Л.С. Выготского, одной из главных задач режиссера является обеспечение *целостности театрального произведения* (гармонизации его частей): «В этой неплохой театральной машине были и винты, и колеса, не было только малости: машиниста, который управлял бы ею» [2; 40, с. 275]. В рецензиях Л.С. Выготского деятельность режиссера оценивается относительно широкого круга задач, возникающих на разных этапах подготовки спектакля: от определения замысла до поиска его стиливого решения и конкретного воплощения.

При этом он не ограничивается простыми оценочными суждениями («хорошо/плохо»), а, как правило, предлагает *собственные возможные режиссерские варианты*. Вот, например, его взгляд на постановку

театром «Красный факел» пьесы Л. Андреева «Младость»: «Мне думается, что путь постановки был бы вернее, если бы жизнь, которую перепортили старшие, и показать, как перепорченную жизнь — в подчеркнутой игре, а не на переживаниях, а ключ юности, ключ бурный и мятежный, заставит бежать и кипеть по-пушкински, — играя и журча» [6; 40, с. 361—364].

Сама по себе деятельность режиссера по гармонизации отдельных частей театрального произведения сориентирована на обеспечение *целостности восприятия*: «Но трюки все эти не приведены в систему, не объединены в общий скелет спектакля. В конце концов, это только начинка, а пирога то и нет» [7; 40, с. 369—372].

Именно эмоциональная партитура спектакля, точнее, *эмоциональная партитура переживаний зрителя* и является, по мнению Л.С. Выготского, центральным моментом в деятельности режиссера. С учетом той важной роли, которая отводится понятию *переживания* в его последующих психологических работах, вопрос, касающийся эмоциональной партитуры зрительских переживаний, представляет специальный интерес.

Сам строй эмоциональных переживаний может определенным образом характеризовать *сверхзадачу спектакля*: «Слить это воедино — невероятность и обыденность — задача спектакля <...> возможность показать <...> неподдельное золото чувств» [3; 40, с. 339—343]. Иными словами, вопрос здесь ставится о своеобразной форме *эмоционально-смыслового обобщения* просмотренного спектакля.

Крайне важным оказывается понятие *эмоциональной атмосферы* спектакля: «Гроза разлита во всей пьесе, в каждой ее точке» [34; 40, с. 234—236]. При этом на создание атмосферы, которая определяет ход душевных переживаний, сориентированы различные изобразительные и звуковые элементы спектакля: «Мяуканье кошки и гудок паровоза — все эти мелкие пылинки натурализма не казались странными в том крепком шитье, где каждый шов шит ниткой настоящего душевного движения» [4; 40, с. 431—433]. Создание партитуры переживания зрителя, погружение его в динамику изменения настроения в ходе спектакля является для Л.С. Выготского центральным моментом оценки как целостности постановки, так и своеобразия ее режиссерского решения.

При обсуждении динамики эмоциональных настроений спектакля, Л.С. Выготский стремится выделить те *противоречия*, которые их обуславливают. Например, противоречия между социальной обстановкой самого сценического действия и эмоциональными переживаниями действующих лиц: «И каждое лицо в пьесе отмечено двойным существованием — портянки и романтики...» [21; 40, с. 494—495]. Заметим, что ключевым моментом здесь выступает фиксируемая Л.С. Выготским особая *двойственность зрительского переживания*, которая определяет своеобразие *эстетических чувств* (катарсиса), что невозможно без особой веры зрителя (как и актера) в предлагаемые обстоятельства: «Но как водяные знаки, проступала изящная, лаконическая, какая-то мато-

вая и неподдельная простота рисунка. Эта жизнь на сцене не есть, конечно, жизнь подлинная, а та особая жизнь, которая, в отличие от картины, непременно должна светиться в глазах портрета. И создание этой жизненности есть большой творческий акт театра. Они сумели заставить верить в эту полуизломанную радость и почувствовать в последнем отчаянии каплю сладости». Исходная партитура общей динамики эмоциональной атмосферы выступает для Л.С. Выготского не только важным критерием оценки режиссерской постановки, но и служит характеристической исходного драматургического материала. Особенно отчетливо это у него проявляется при сопоставлении пьес А.П. Чехова и А.М. Горького: «Пьеса Горького построена по законам чеховской драматургии, которые одно время сделали каноном всех современных пьес: нет фабулы, событий, действия: клубок разговоров, объединенных настроением; в сущности, лирическая драма. В эту форму Горький хотел влить широкое социальное и бытовое содержание, показать мещанина и рабочего. При любви Горького к афоризму, к идеологии получилась демонстрация двух идеологий, даже настроений, рабочего и мещанина, но ни живой драматической борьбы между ними, ни необходимой лирической симфонии настроений нет; несоединимое оказалось на этот раз несоединенным. Если “Вишневым садом” социален — это Чехову нужны были краски осени умирающего дворянства, именно как краски, лирический смысл социальной картины. И притом в своей бездейственной драме как заменил Чехов драматические напряжения, интриги колоссальным напряжением настроений: приезд, отъезд, продажа сада. А какая драматичность здесь: в 1 акте пьют чай, во 2 обедают, в 3 только пьют нашатырь, в 4 — опять чай и собираются ужинать. <...> Перенести на театр такую пьесу без убийственной скуки можно только, располагая музыкальными средствами драмы: темпом, ритмом, движением сцен, паузами, настроением» [22; 40, с. 271—272].

Как мы видим, понимание атмосферы, эмоциональной партитуры, наряду со сквозным действием и сверхзадачей, является тем стержнем, который задает линию смыслового восприятия спектакля.

**Зритель.** В рецензиях Л.С. Выготского в качестве одного из центральных моментов, определяющих деятельность режиссера, выступает организация эмоционально-смысловой партитуры переживаний зрителя. В этой связи важно подчеркнуть, что сама палитра зрительских переживаний в его рецензиях связана с разнообразными театральными жанрами: трагедией, драмой, мистикой, комедией, фарсом, сатирой и др.; по мысли Л.С. Выготского, партитура эмоционально-смысловых переживаний должна соответствовать тому или иному театральному жанру. Однако при этом он специально обращает внимание и на важность интеллектуальных аспектов. По его мнению, на спектакле не только не должно быть «зевотно», но и не должно оставаться места «пустосмеху».

Взаимосвязь сцены и зрительного зала, «ответность» зрительской реакции не только определяют атмосферу сценического действия, но и характеризуют



со-держание спектакля, как *совместного удержания* актерами и зрителями. Это относится не только к глубинным личностным смыслам, которые возникают по ходу развития сценического действия, к тем ценностным ориентациям, которые связаны с ожиданиями и идеологией различных социальных групп. Л.С. Выготский в своих рецензиях приводит многочисленные примеры, когда зрительские аплодисменты, выкрики «Правильно!» в поддержку актера или открытые реакции «несогласия» с поступками персонажа явно изменяли исходное содержание и замысел спектакля.

И наконец, важно подчеркнуть, что вопрос о зрителе ставится Л.С. Выготским не только в контексте проблем восприятия и понимания спектакля, но и шире — в социологическом плане, где зритель рассматривается как участник общего театрального процесса: «Разве зритель не такая же неотъемлемая часть театра и не переживает сейчас то же самое, что и актер...» [14; 40, с. 326–327].

### Об актерском перевоплощении

Центральное место в рецензиях Л.С. Выготского занимают оценки, касающиеся актерской игры. Эти оценки весьма разнообразны и затрагивают самые различные аспекты, среди которых индивидуальные особенности актера, своеобразие актерской техники, актерские амплуа и социальные стереотипы и др. Поскольку в своих рецензиях Л.С. Выготский выступает, в первую очередь, как театральный критик, при анализе его суждений об актерской игре особый интерес представляет выявление тех *нормативных представлений*, относительно которых и строятся его оценочные суждения. Остановимся на некоторых ключевых направлениях анализа актерской игры.

**Соответствие созданного сценического образа персонажа социальному стереотипу и театральному амплуа.** Оценивая воплощенный актером образ, Л.С. Выготский довольно часто соотносит его с двумя типами социальных представлений. Один из них лежит в *житейской плоскости* и предполагает сопоставление сыгранного персонажа с тем или иным стереотипом обыденного сознания: возрастным (старик, ребенок, юноша и др.), профессиональным (телеграфистка, горничная, офицер и т. д.), социально-стратификационным (королева, слуга, рабочий и т. п.) и др. Вот несколько характерных примеров: «Актеры спешат сыграть свой титул, а уже потом кое-как свою роль» [33; 40, с. 498–499]; «И в стариках играют, главным образом одно то, что они старики и шамкают» [20; 40, с. 281–282]. Важно подчеркнуть, что в оценках Л.С. Выготского нередко отмечается и другая сторона актерского исполнения, когда актер благодаря своему таланту *преодолевает слабость драматургического материала*: «Она, правда, мало играет сценический образ роли, но <...> с внутренней грацией и сдержанностью обошла пошловатые и рискованные места» [17; 40, с. 483–484].

Другой тип социальных представлений, на который опирается Л.С. Выготский, лежит непосред-

ственно в театральной плоскости и связан с театральными амплуа: комик, герой-любовник, дядюшка в водевиле, героиня, инженер, трагик, злодей, простак, служанка и т. п. И здесь оценка строится на несоответствии амплуа актера исполняемой им роли. Заметим, что в критических оценках Л.С. Выготского как социальные стереотипы, так и амплуа сопоставляются с *актерской индивидуальностью*: «Зритель видел все время, что безвольную королеву, которая не умеет сердиться и у которой нет характера, надо играть не Игоревой (ей бы только сердиться), а Эриной, которая не может и не должна играть энергичную, самую активную в пьесе роль героини. По смыслу комедии им бы надо поменяться своими местами» [33; 40, с. 498–499]. Здесь важно обратить внимание на то, что сам способ сопоставления — социального стереотипа, амплуа, жанра драматургического произведения и актерской индивидуальности — в определенном смысле схож с тем подходом к анализу театральных амплуа, который был предпринят в 1922 г. Вс.Э. Мейерхольдом в его работе «Таблица амплуа» [39]. В ней была сделана попытка создания таблицы из семнадцати пар мужских и женских амплуа, учитывающих необходимые данные актера, приведены также примеры ролей и даны характеристики сценических функций, что позволило систематизировать драматические произведения разных эпох [36; 46].

#### **Оценка актерских эмоциональных проявлений.**

Этот аспект является, пожалуй, одним из наиболее существенных при характеристике Л.С. Выготским актерской игры. В своих рецензиях он неоднократно фиксирует эмоциональность как особую черту актерской индивидуальности, делая акцент на *искренности* актерских переживаний и чувств. При этом он отмечает необходимость создания *не одномерной, а сложной гаммы чувств и переживаний*: «Но разве можно всю роль выдержать на одной слезе? Получается слезливость вместо страдания» [30; 40, с. 212–215].

Вместе с тем, важна и другая линия оценки эмоциональных проявлений актера на сцене, когда они сопоставляются с характером тех переживаний, которые испытывают персонажи в логике отношений, заданных драматургическим материалом. Вот характерный пример: «Играть Достоевского при нормальной температуре, так на 36,6–36,8 — значит погубить его. А Соснин (Раскольников) раньше всего — актер нормальной температуры. Это совершенно иная душевная материя, из которой сделаны герои Достоевского» [29; 40, с. 199–202]. Здесь искренность, «правда чувств» соотносятся с их соответствием стилю и жанру произведения, и актерская индивидуальность оценивается относительно широты тех возможностей, которые доступны актеру в исполнении разных по жанру произведений.

Особенности эмоциональных переживаний актера связываются Л.С. Выготским не только с его индивидуальностью и характером выражения сценических переживаний, но и с определенной психотехникой. Причем сама *психотехника* актерских переживаний связывается с конкретным типом театра. Приведем развернутую цитату: «Система Станислав-



ского и стремится к тому, чтобы искусство представления заменить искусством переживания. Сам автор назвал ее душевным натурализмом. Актер должен взывать в себе всякий раз то чувство, которое он играет, а не изобразить его. Замечательно, что система создавалась как средство борьбы с пустым театральным шаблоном, штампом, ничего не говорящей подделкой. Уже давно указывала критика, что система сама ведет к созданию новых штампов. Самая возможность такой репродукции чрезвычайно важный показатель» [3; 40, с. 339–343].

По поводу приведенной цитаты стоит высказать и еще одно важное, на наш взгляд, соображение. Л.С. Выготский проявляет особую чувствительность к процессам социокультурной динамики деятельности актера, когда технологизация творческого акта приводит к выхолащиванию ее психологического содержания и формированию *штампа*. Эстетический принцип, ориентирующий на создание особой психотехники переживания, теряя свой содержательный импульс, ведет к технологизации деятельности актера, которая обрастает штампами, окукливается. Заметим, что здесь можно провести явную параллель с проведенным позже А.Н. Леонтьевым анализом динамики развития деятельности, когда действия, лишаясь своей мотивационной компоненты, сворачиваются до уровня операций [37].

**Оценка действенной линии роли.** При оценке актерской игры, Л.С. Выготский специальное значение придает действенному анализу особенностей поведения персонажа. Так, в его рецензиях мы встречаем формулировку: «разговаривающие лица, вместо действующих» [9; 40, с. 323–324]. При этом обсуждается широкий спектр вопросов, связанных с анализом действий и поступков персонажей: *мотивация их поступков, мотивационный конфликт* самой роли, определяющий своеобразие переживаний персонажа (например, конфликт между необходимостью вести себя в соответствии с социальным статусом Королевы и поступками, в основе которых лежит женское влечение); *соответствие логики поведения психологическим особенностям характера*.

Особое внимание уделяется тем конфликтам и контрастам, которые задают *динамику развития роли*: «Нельзя выдержать всю роль на одной ноте, нельзя красить два смежных куса роли одной краской. Нужны внутренние контрасты» [30; 40, с. 212–215]. Само понимание внутреннего конфликта часто используется Л.С. Выготским не столько для характеристики *отношений* между персонажами, сколько для фиксации *развития сценического образа*. Причем развитие понимается Л.С. Выготским как диалектическое снятие противоречий, как ряд превращений, *метаморфоз*: «Его путь из подмастерьев в министры вызывает одно только решительное возражение: нет метаморфозы, превращения, трюка, подделки, она не двоятся...» [35; 40, с. 241–242]. Здесь мы сталкиваемся с глубоким пониманием Л.С. Выготским самого процесса развития как фундаментального *качественного* изменения. При этом различие тонких граней самой феноменологии развития оказывается

содержательно связанным у Л.С. Выготского с теми представлениями «о зерне образа», которые встречаются в работах деятелей театра (К.С. Станиславский, М.А. Чехов, Е.Б. Вахтангов, С.С. Михоэлс, и др.). Понимание феноменологии развития, с которым мы сталкиваемся в театральных рецензиях Л.С. Выготского, развернется в его последующих, собственно психологических работах, непосредственно связанных с центральной для культурно-исторической психологии проблематикой развития.

И наконец, говоря о действенном анализе роли, важно обратить внимание на ее *темпо-ритмический рисунок*. Темпо-ритм роли (шире — спектакля) сопоставляется в оценках Л.С. Выготского с особенностями организации действия в различных по своему жанру спектаклях. Здесь проявляется и своеобразная установка на «собственную параллельную режиссуру» просмотренного спектакля у Л.С. Выготского-театрального критика.

**Актер как субъект творчества.** Важно подчеркнуть, что эмоции рассматриваются в рецензиях Л.С. Выготского в контексте проявлений *творческой активности* актера, что и позволяет рассматривать актерскую игру как художественный акт, факт искусства. Без увлеченности, «эмоциональной затраты» актер, по мнению Л.С. Выготского, становится похож на взрослого, который, «увеселяя ребят, изображает собаку — бездарно, добросовестно, старательно — и плохо» [18; 40, с. 479–480]. Заметим, что именно «недоигрывание», игра не «в полный тон, как на репетиции» рассматриваются Л.С. Выготским как проявления ремесленничества. *«Энергетический аспект* (энергозатратность) поведения актера на сцене становится для Л.С. Выготского важным критерием проявлений творческой активности.

Другой важной характеристикой, определяющей творческие проявления актера, является его способность к *поиску разнообразных личностных особенностей*, соответствующих той или иной роли, «сочетание нот» в целостную мелодию. В этой связи следует отметить его мысль о *широте исполнительского диапазона* как важной характеристики творческих возможностей актера, которая позволяет создавать различные образы — от комических до трагических.

Важное место при оценке Л.С. Выготским особенностей актерской индивидуальности занимают собственно психологические характеристики, такие как *изобретательность, интеллектуальность, эмоциональная подвижность, актерская привлекательность (манкость)* и др. Следует подчеркнуть, что Л.С. Выготский не ограничивается фиксацией тех или иных психологических характеристик актера-исполнителя, но порой дает емкие *целостные личностные портреты* актеров, выступавших на гомельской сцене. Например: «Утесов — настоящий мастер эстрадного искусства — куплета, танца, шаржа. Его свист, храп, хрюканье, злопыхательство в «Газете», передающие в сатире тон и дух эмигрантской прессы, сделаны пронзительно и с совершенством часового механизма. <...> Весь комизм современного дельца и спекулянта передан в таких гримасах, ужимках и такой соли задушев-

ных, глубоких интонаций, что заразительно смешит. Злободневность, анекдот, виртуозная техника — на службе у этого мастера одесской стихии жизни и театра» [10; 40, с. 412—413]. Или о балерине Е.В. Гельцер: «Пафос Гельцер — мужественная жестокость, сила, резкость, отчетливость, волевой напор в женственно-дымной, невесомой, растительно-нежной, воздушной, легкой сфере женского танца. Трагическое запечатление этой жестокости на прозрачности танца составляет самое сильное очарование. Ее сила именно в мощности, грандиозности, величественности даже. <...> Это полет тяжелой птицы, рассекающей воздух чуть косящим крылом» [5; 40, с. 177—179].

Понятно, что своеобразии актера как субъекта творчества наиболее отчетливо выражается через отношение «актер—роль». Здесь возникает особый сюжет, в котором можно выделить два момента. С одной стороны, в самом выражении — «есть что сказать по поводу роли» — и проявляется позиция актера как автора, не только исполняющего, но одновременно творящего и интерпретирующего роль. С другой стороны, в высказываниях Л.С. Выготского подчеркивается важность соотношения актерского исполнения с определенной театральной эстетикой. Если в театре переживания авторская позиция актера «скрыта», т. е. непосредственно выражена в создаваемом образе, то, например, в театре Б. Брехта актер существует отстраненно от своей роли, выступая как ее «докладчик». Возможно и иное, игровое отношение «я—роль», как в известной постановке Е.Б. Вахтангова «Турандот». Характерно, что к особенностям существования актера в подобных игровых отношениях «я—роль» Л.С. Выготский специально обращается в своей статье «К вопросу о психологии творчества актера» (1932). Однако уже в ранних театральных рецензиях гомельского периода он отмечал своеобразии подобных игровых отношений в театре: «...передать притворство, сыграть игру, это театр в квадрате...» [7; 40, с. 369—372].

**Актерская техника и перевоплощение.** Понятно, что такие моменты, как сценическая речь, сценическое движение, действенный анализ поведения и др., органично входят как составляющие в обобщенное понятие «техника актерской игры». Вместе с тем, в рецензиях Л.С. Выготского техника актера оценивается не по отдельным элементам или приемам, а как *особая система игры*. И здесь он идет вслед за Станиславским, для которого актерская техника выступала как комплексное понятие, определяющее своеобразии созданной им театральной системы.

В понимании Л.С. Выготского актерская техника связывается, в первую очередь, именно со *стилевыми особенностями актерского существования на сцене*. Так, актер может неплохо владеть отдельными приемами, но эти приемы будут не соответствовать стилю постановки и он будет выглядеть как «иностранец, разговаривающий на чужом для него языке». Таким образом, стиль игры выступает в качестве ключевого понятия для оценки целостности сценического образа, целостности «рисунка роли». В этой связи можно выделить несколько моментов.

Один из них касается *актерского самочувствия*, в котором Л.С. Выготский тонко дифференцирует сложную психологическую феноменологию, связанную с процессом актерского перевоплощения. Подчеркивается различие *внешней и внутренней точек зрения* (понятий, которые широко используются в семиотических исследованиях искусства — М.М. Бахтин, [1] Ю.М. Лотман, [38] и др.): актер переживает роль *именем того, кого играет*. Кроме того, обращает на себя внимание важный психологический феномен, схваченный Л.С. Выготским и определяемый в терминах системы Станиславского как «сквозная линия действия роли». Само указание на *чувство всей роли* отсылает нас к сложному психологическому явлению соотношения части и целого: чувство целого определяет общую структуру восприятия.

Другая характеристика стиля актерской игры связана с примерами, взятыми из описания произведений изобразительного искусства (гравюра, масло, акварель и др.). «Образ <...> совершенно акварельной и прозрачной глубины, тонкости и нежности красок, точно сквозной» [28; 40, с. 288—289]; «Рисунок роли матовый, однотонный, без красок, контрастов — всего пять-шесть линий, но изысканный острый, насыщенный» [15; 40, с. 479—480]. Подобный способ передачи стилизованных особенностей игры актера через использование другого вида искусства (своеобразная синестезия) позволяет Л.С. Выготскому ухватить и метафорически передать ощущение стилизованности актерского исполнения. Заметим, что само по себе актерское творчество динамично, зыбко, подвижно, временно и «не оставляет следов», поэтому применение живописных метафор является одним из способов «остановки», фиксации динамического процесса актерской игры.

И наконец, важно обратить внимание на соотношение понятий стиля и жанра в критических рецензиях Л.С. Выготского. Так, соответствие стиля актерской игры театральному жанру выступает важным критерием в его критических оценках актерской игры: «...ужасающее смешение стилей в игре <...> то играли как водевиль, оперетку, почти фарс <...>, то как мелодраму <...>, то как самую заправскую драму» [31; 40, с. 490—491]. Как мы видим, стилевое единство приемов актерской игры обеспечивает и жанровое единство спектакля. И напротив — смешение разных стилизованных приемов в игре актера (шире — разных способов существования) разрушает это единство.

Вопрос о технике актерской игры рассматривается Л.С. Выготским в двух планах: внешнем и внутреннем. Выше мы охарактеризовали внешний, с позиции соответствия жанрово-стилистическим особенностям спектакля. Вместе с тем есть и другой, внутренний план рассмотрения, где техника актерской игры соотносится с отношением «я—роль», с перевоплощением. И здесь Л.С. Выготский ставит акцент не столько на внешних приемах и средствах выразительности, сколько на *внутренней психотехнике*, когда для полного слияния с ролью важно «...жизненно-конкретное перевоплощение, то же переживание артиста, как подкладка его игры, <...> которая заражает зрителя

и устанавливает его душевную близость к тому, что пред ним проходит» [6; 40, с. 361–364]. Этой внутренней подвижности, психологической способности к перевоплощению противопоставляется неумение «влезть в кожу роли», когда актер «под разными псевдонимами ролей укрывает все то же свое личное имя, предоставляя заботу о перевоплощении костюмеру и парикмахеру» [6; 40, с. 361–364].

Характерно, что неразвитость подобной способности, по мнению Л.С. Выготского, связана не столько с отсутствием технических умений, сколько с общей *мировоззренческой* позицией актеров, несформированностью творческих установок. Разрыв отношения «я–роль» обусловлен не только стремлением следовать актерским штампам и ориентацией на стереотипы обыденного сознания, но и вызван именно *мировоззренческим разрывом*, отсутствием творческого понимания жизненных коллизий персонажа, когда между актером и ролью «выросла стена».

Важно иметь в виду, что представления Л.С. Выготского о внутренней психотехнике «жизненно-конкретного перевоплощения», перевоплощения, основанного на актуализации тех переживаний актера, которые являются психологической «подкладкой его игры», предполагают активное включение зрителя в творческий процесс: переживание артиста «...заражает зрителя и устанавливает его душевную близость к тому, что пред ним проходит» [6; 40, с. 361–364]. Отсюда следует, что само творчество актера рассматривается Л.С. Выготским как *интерактивный процесс взаимодействия актера и зрителя*. И в этой связи весьма важной оказывается потенциально содержащаяся в его театральных рецензиях идея о совместной распределенности эмоциональных переживаний «актер–зритель». Остается сделать лишь шаг к одному из основополагающих принципов культурно-исторической концепции Л.С. Выготского о переходе интерпсихических функций (процессов) в интрапсихические. Собственно говоря, этот переход «интер» в «интра» и осуществляется зрителем на посткоммуникативной фазе восприятия спектакля, когда занавес закрывается и зритель проигрывает увиденное уже наедине с собой.

Учитывая сказанное по поводу совместности эмоциональных переживаний, стоит вернуться к уже затронутой выше теме, касающейся проблемы *пафоса* в сценическом искусстве. Пафос, как определенная эмоциональная доминанта, предполагающая эмоциональный отклик зрителя («выход из себя»), непосредственно связывается Л.С. Выготским с вопросами *современности* и с *правдой жизни*: «Не надо думать, что только большому и тонкому театру доступен пафос. Он там, где жизнь. Техника была первобытна в старом провинциальном театре, но он горел и пафосом страстей, и солью смеха» [16; 40, с. 279]. Здесь важно подчеркнуть нетривиальность самой постановки Л.С. Выготским вопроса о соотношении техники актерской игры и зрительских переживаний. Дело в том, что новый зритель, пришедший в театр со своей особой психологией, требует и новой техники актерской игры, актерского перевоплоще-

ния: «И ключи, которые вчера еще так легко отпирали самые потаенные двери души, сегодня бессильны перед новыми замками, которыми заперты души и не входят даже, как следует, в скважины» [4; 40, с. 431–433]. В этом отношении Л.С. Выготский близок к позиции реформаторов театрального искусства, активно обсуждавших психологию «нового человека», нового зрителя, пришедшего в театр, и отсюда — новые требования к игре актера (Вс.Э. Мейерхольд, С.М. Эйзенштейн и др.).

Стоит обратить внимание и еще на один момент, который затрагивается Л.С. Выготским в связи с проблемой эмоциональных отношений «актер–зритель». Он характеризует психологическое своеобразие существования актера на сцене — *желание нравиться* зрителю. В системе Станиславского уделяется специальное внимание таким аспектам актерской индивидуальности, как сценическое *обаяние* и *манкость*. В его книге «Работа актера над собой» эта тема рассматривается в отдельной главе, где обаяние и манкость обсуждаются как характеристики внешней выразительности актера [47]. Л.С. Выготский же рассматривает данный аспект с точки зрения тех внутренних интенций, которые определяют стремление к самой актерской деятельности: «задача роли — влюбить в себя зрителя» [26; 40, с. 244–246]. Здесь Л.С. Выготский касается важного момента, который связан не только с воплощением сценического образа, но и с особенностями мотивационной структуры самой личности актера, которая включает стремление к получению позитивных эмоциональных реакций со стороны внешнего окружения. Заметим, что в психоаналитической традиции затронутая Л.С. Выготским тема, с известными оговорками, обсуждается в связи с феноменом *нарциссизма*. Причем если у З. Фрейда нарциссизм связывается с самоидентификацией, идеализацией себя путем направленности либидо на себя и отстраненностью от внешнего окружения [48], то Л.С. Выготский обращает внимание на иную, противоположную тенденцию, когда ориентация на себя требует «повышенной любви», внимания со стороны социального окружения.

В целом затрагиваемые вопросы подчинены ключевой ценностной установке, которая, с точки зрения Л.С. Выготского, и определяет процесс художественного восприятия — *художественная правда как правда вымысла*.

**Актерская роль как обобщенный смысловой образ.** Центральным моментом при оценке актерской игры в рецензиях Л.С. Выготского выступает личность созданного сценического персонажа. Как правило, это весьма емкие характеристики, обобщающие *предельные* личностные проявления: «Ничтожество возведено в колоссальную степень. Это какая-то сияющая глупость, сверкающая нелепость, блистательный мыльный пузырь, раздувшееся, героическое ничтожество, человеческая дурость самой чистой воды» [24; 40, с. 510–511]. При этом нередко оценки строятся на основе противопоставления желаемого *идеального* сценического образа и *реального* актерского воплощения: «Соснин в бароне подчеркнул одни бы-



товые черты, а вечного тумана в голове и сердце, великолепной нелепости, живописной и трогательной незащитности и беспомощности этой химерической фигуры не передал. И вышло что-то практически деловитое, даже злое» [29; 40, с. 199–202].

Заметим, что, задавая идеальные представления о персонаже, Л.С. Выготский опирается не только на собственное понимание, но и на материал произведения (реплики, оценки других персонажей, авторские ремарки и т. п.): «...из Хлестакова он сделал обыкновенного вралю, себе на уме. Фантазмагорическое лицо, человек ни то, ни се, фантом — вот Хлестаков от Гоголя и до последнего критика. Он говорит и действует без всякого соображения. В нем все — это сюрприз и неожиданность для него самого — определил Гоголь» [30; 40, с. 212–215].

Таким образом, обсуждая обобщенный портрет сценического персонажа, Л.С. Выготский в своих рецензиях с одной стороны, обращается к широкому культурному контексту (литература, критика, публицистика), а с другой, — опирается на свое собственное понимание драматургического материала и тех ассоциаций, которые возникают по поводу современной общественно-политической жизни. Заметим, что обращение к современным реалиям не просто «осовременивает» спектакль, но и придает ему новый, подчас неожиданный смысл. Причем смысл порождается именно на основе аргументации своей критической оценки конкретного актерского исполнения путем соотнесения игры актера с обобщенным идеальным сценическим образом.

Важно подчеркнуть, что сама ориентация на построение обобщенного образа персонажа предполагает проникновение во внутренний, глубинный смысл его поступков. При этом определяющим моментом в самом анализе является поиск противоречий в характере персонажа. Установка на поиск противоречий в характере персонажа неоднократно встречается в рецензиях Л.С. Выготского. Например, в рецензии на спектакль по пьесе Ч. Диккенса «Сверчок на печи» (театр «Красный факел») он пишет: «Взгляните на смешную, приглуповатую девчонку — няньку Тили (Барская), с ее торчащими врозь косицами, с ее придурковатым смехом: ее приглуповатость только маска чудеснейшего сердца. И у наглого и черствого мучителя Текльтона тоже золотое сердце» [3; 40, с. 339–343]. Подобные оценки, на наш взгляд, весьма интересны, поскольку в них содержится еще одна важная оппозиция, которой пользуется Л.С. Выготский в своих критических оценках актерской игры: *маска—реальная личность*. Причем «психологиче-

ская маска» может строиться как путем акцентуации тех или иных личностных характеристик, так и на основе социально-типических, бытовых проявлений. Именно их и надо преодолеть, т. е. «снять маску», чтобы выявить «подлинную личность». Л.С. Выготский принципиально разводит два различных уровня актерской техники: один из них — техника выражения «внешних примет роли»; второй — техника выражения «движений души».

В целом, анализ рецензий Л.С. Выготского показывает, что в своих обобщенных смысловых оценках созданного актером сценического образа он ориентируется на фиксацию противоречий двух различных уровней. Первый связан с расхождениями между идеальным сценическим образом персонажа и его реальным воплощением на сцене; второй — с выявлением противоречий в характере персонажа. Именно поиск противоречий в характере персонажа ориентирован на выявление смыслового подтекста роли. Причем эти противоречия могут быть различны в зависимости от творческого замысла актера-исполнителя; например, сочетание несовместимого (внешняя придурковатость и чудеснейшее сердце), либо обнаружение личностной сущности, скрывающейся за маской (второй план роли).

\* \* \*

Обозначенные сюжеты определяют лишь общий контур тех проблем, которых касался Л.С. Выготский в своих работах, посвященных театральному искусству. Мы постарались проследить своеобразие его мышления, где отчетливо просматриваются владение принципами диалектической логики восхождения от абстрактного к конкретному и своеобразие его ценностных ориентаций, личностных оценок и критических суждений. В первую очередь, для нас важно было обозначить те содержательные линии, тот «неслышимый диалог», который вел Л.С. Выготский, размышляя о развитии театра, искусства и, конечно, психологии. Важно отметить, что этот напряженный диалог он вел в ситуации мощнейших социокультурных сдвигов и трансформаций, происходящих в России в послереволюционный период. В этой ситуации ценностно-нормативной неопределенности именно обращение к искусству, на наш взгляд, играло важную роль как в личностном, так и профессиональном самоопределении Л.С. Выготского как профессионального психолога, шире — крупного мыслителя XX века.

### Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 510 с.
2. Выготский Л.С. Без руля и без ветрил // Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3.
3. Выготский Л.С. Гастроли «Красного факела». Сверчок на печи. — Собака на сене. Океан. Победа смерти // Наш понедельник. 1923. № 39, 04.06. С. 3.

4. Выготский Л.С. Гастроли второй студии МХАТ // Наш понедельник. 1923. № 51, 27.08. С. 3.
5. Выготский Л.С. Гастроли Е.В. Гельцер // Наш понедельник. 1922. № 3, 11.09. С. 4.
6. Выготский Л.С. Гастроли Красного факела. Зеленое кольцо — Младость — Монна Ванна // Наш понедельник. 1923. № 40, 11.06. С. 3.
7. Выготский Л.С. Гастроли Красного факела. Шут на троне. Игра интересов // Наш понедельник. 1923. № 41, 18.06. С. 3.



8. *Выготский Л.С.* Гастроли Соловцовской труппы // Наш понедельник. 1922. № 3, 11.09. С. 3.
9. *Выготский Л.С.* Гастроли труппы Азагаровой // Наш понедельник. 1923. № 37, 21.05. С. 4.
10. *Выготский Л.С.* Гастроли Утесова и Форреггера // Наш понедельник. 1923. № 46, 23.07. С. 3.
11. *Выготский Л.С.* Джентльмен // Полесская правда. 1923. № 1009, 28.09. С. 3.
12. *Выготский Л.С.* Дурак — хамка // Наш понедельник. 1922. № 9, 23.10. С. 3.
13. *Выготский Л.С.* Еврейский театр. Бенефис С.И. Эйдельман // Наш понедельник. 1923. № 36, 14.05. С. 3.
14. *Выготский Л.С.* Заметки о еврейском театре // Наш понедельник. 1923. № 37, 21.05. С. 4.
15. *Выготский Л.С.* Запоздалые отзывы // Наш понедельник. 1923. № 22, 22.01. С. 3.
16. *Выготский Л.С.* Какой счастливейший день вашей жизни, или Восклицательный знак! // Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3.
17. *Выготский Л.С.* Комедия двора // Полесская правда. 1923. № 1029, 21.10. С. 3.
18. *Выготский Л.С.* Королевский брадобрей // Полесская правда. 1923. № 1025, 17.10. С. 3.
19. *Выготский Л.С.* Красный факел // Наш понедельник. 1923. № 38, 28.05. С. 3.
20. *Выготский Л.С.* Маленькие кусочки театра // Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3.
21. *Выготский Л.С.* На дне // Полесская правда. 1923. № 1043, 09.11.
22. *Выготский Л.С.* Не совсем рецензии. Мещане // Наш понедельник. 1923. № 27, 27.05. С. 3.
23. *Выготский Л.С.* Не совсем рецензия. Коварство и любовь. Соколы и вороны // Наш понедельник. 1922. № 11, 06.11. С. 3.
24. *Выготский Л.С.* Нечаянная радость // Полесская правда. 1923. № 1058, 27.11. С. 4.
25. *Выготский Л.С.* Об авторе «не совсем рецензий» // Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3.
26. *Выготский Л.С.* Орленок. Ученик дьявола // Наш понедельник. 1923. № 14, 27.11. С. 3.
27. *Выготский Л.С.* Первая ласточка. «Дыбук» в постановке Рубина // Наш понедельник. 1923. № 32, 09.04. С. 4.
28. *Выготский Л.С.* Последний спектакль // Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3.
29. *Выготский Л.С.* Преступление и наказание. Золотая осень. На дне // Наш понедельник. 1922. № 4, 18.09. С. 3.
30. *Выготский Л.С.* Ревизор. Флавия Тесини. Цена жизни. Певец своей печали. Овод // Наш понедельник. 1922. № 8, 16.10. С. 3.
31. *Выготский Л.С.* Слесарь и канцлер // Полесская правда. 1923. № 1038, 01.11. С. 4.
32. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1983. С. 355—356.
33. *Выготский Л.С.* стакан воды // Полесская правда. 1923. № 1053, 21.11. С. 3.
34. *Выготский Л.С.* Уриэль Акоста. Гроза // Наш понедельник. 1922. № 12, 13.11. С. 3.
35. *Выготский Л.С.* Хорошо сшитый фрак // Наш понедельник. 1922. № 13, 20.11. С. 3.
36. *Грачева А.М., Нистратов А.А., Собкин В.С.* Персонажи фильма в пространстве театральных амплуа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1990. № 1. С. 24—33.
37. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
38. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство, 2003. 847 с.
39. *Мейерхольд Вс. Э., Бебутов В. М., Аксёнов И. А.* Таблица амплуа // Амплуа актера. М., 1922. С. 6—11.
40. *Собкин В.С.* Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского // Выготский Л.С. Театральные рецензии. М.: Институт социологии образования РАО, 2015. 568 с.
41. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* Комментарии к «Театральным заметкам» Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 82—96.
42. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* Комментарии к статье Л.С. Выготского «Театр и революция» // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 91—113. doi:10.17759/chr.2015110111
43. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* Комментарии к театральной рецензии Л.С. Выготского «Гастроли Соловцовской труппы» // Диалог. 2014. № 9. С. 39—48.
44. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* О чем рассказал гомельский «Вереск» Льва Выготского: опыт реконструкции социокультурного контекста // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 89—106.
45. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* Опыт комментариев к одной театральной рецензии Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2014. № 1. С. 37—48.
46. *Собкин В.С., Нистратов А.А., Грачева А.М.* Персонажи фильма в пространстве социальных стереотипов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1989. № 1. С. 38—44.
47. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Работа актера над собой. Ч. 2: Работа над собой в творческом процессе воплощения: Материалы к книге. М.: Искусство. 1990. С. 268—271.
48. *Фрейд З.* О нарцизме // З. Фрейд. Очерки по психологии сексуальности. Репринтное издание. Минск: Беларусь, 1990. 188 с.
49. *Эйзенштейн С.М.* Неравнодушная природа. Избр. произв. в 6 т. Т.3. Теоретические исследования (1945—1948). М.: Искусство, 1964. С. 61.

## Notes on L.S. Vygotsky's Theatrical Reviews

V.S. Sobkin\*,

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,  
sobkin@mail.ru

The paper summarizes outcomes of the analysis of L.S. Vygotsky's theatrical reviews written during his Gomel period and published in the newspapers *Nash Ponedel'nik* ("Our Monday") and *Polesskaya Pravda* ("Polesia's Truth"). It focuses on the levels of theatre play analysis around which Vygotsky carefully constructed his reviews: playwriting, acting (speech, movements, transformations etc.), stage direction, and audience reaction. The following aspects of Vygotsky's evaluation of an actor's performance are discussed: personal features of the actor, features of acting technique, lines of character and social stereotypes, etc. Also, another important task of this work was to reveal normative concepts to which Vygotsky referred to in his value judgements in the reviews. The paper highlights the conceptual patterns of Vygotsky's reflections on the development of theatre, arts and psychology and emphasizes the importance of arts in the personal and professional self-determination of Vygotsky as a psychologist and thinker of the 20<sup>th</sup> century.

**Keywords:** psychology of art, L.S. Vygotsky, sign, meaning, theatre, theatrical reviews.

### References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1972. 510 p.
2. Vygotskii L.S. Bez rulya i bez vetril [Without a rudder and without sails]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 28. 12.03.1923, pp. 3.
3. Vygotskii L.S. Gastroli "Krasnogo fakela". Sverchok na pechi. — Sobaka na sene. Okean. Pobeda smerti [The visit of the "Red torch". The cricket on the hearth. The dog in the manger. The ocean. The victory of death]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 39. 04.06.1923, pp. 3.
4. Vygotskii L.S. Gastroli vtoroi studii MKhAT [The Tour of the second Moscow art theatre]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 51, 27.08.1923, pp. 3.
5. Vygotskii L.S. Gastroli E.V. Gel'tser [Tour Geltser]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1922, no. 3, 11.09.1922, pp. 4.
6. Vygotskii L.S. Gastroli Krasnogo fakela. Zelenoe kol'tso — Mladost' — Monna Vanna [Tour red torch. Green ring. Mladost. Monna Vanna]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 40, 11.06.1923, pp. 3.
7. Vygotskii L.S. Gastroli Krasnogo fakela. Shut na trone. Igra interesov [Tour red torch. Jester on the throne. — A game of interest]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 41, 18.06.1923, pp. 3.
8. Vygotskii L.S. Gastroli Solovtsovskoi truppy [Touring troupe Solovtsovskogo] *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1922, no. 3. 11.09.1922, pp. 3.
9. Vygotskii L.S. Gastroli truppy Azagarovoi [Tour Agazarova's troupe]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 37, 21.05.1923, pp. 4.
10. Vygotskii L.S. Gastroli Utesova i Forreggera [Touring Utesov and Foregger]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 46, 23.07.1923, pp. 3.
11. Vygotskii L.S. Dzhenel'men [Gentleman]. *Polesskaya pravda [Polesskaya pravda]*, 1923, no. 1009, 28.09.1923, pp. 3.
12. Vygotskii L.S. Durak-khamka [The Fool — boorish]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1922, no. 9, 23.10.1922, pp. 3.
13. Vygotskii L.S. Evreiskii teatr. Benefis S.I. Eidel'man [The Jewish theatre. Benefis S.I. Eidelman]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 36, 14.05.1923, pp. 3.
14. Vygotskii L.S. Zametki o evreiskom teatre [Notes on the Jewish theatre]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 37, 21.05.1923, pp. 4.
15. Vygotskii L.S. Zapozdalye otzvyvy [The Delayed feedback]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 22, 22.01.1923, pp. 3.
16. Vygotskii L.S. Kakoi schastliveishii den' vashei zhizni, ili Vosklitsatel'nyi znak! [What is the happiest day of your life, or splat!]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 28, 12.03.1923, pp. 3.
17. Vygotskii L.S. Komediya dvora [The Comedy of the yard]. *Polesskaya pravda [Polesskaya pravda]*, 1923, no. 1029, 21.10.1923, pp. 3.
18. Vygotskii L.S. Korolevskii bradobrei [Royal Barber]. *Polesskaya pravda [Polesskaya pravda]*, 1923, no. 1025, 17.10.1923, pp. 3.
19. Vygotskii L.S. Krasnyi fakel [The Red torch]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 38, 28.05.1923, pp. 3.
20. Vygotskii L.S. Malen'kie kusochki teatra [The Little piece of theatre]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 28, 12.03.1923, pp. 3.
21. Vygotskii L.S. Na dne [At the bottom]. *Polesskaya pravda [Polesskaya pravda]*, 1923, no. 1043, 09.11.1923, pp. 3.
22. Vygotskii L.S. Ne sovsem retsenzii. Meshchane [Not quite reviews. Commoners]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1923, no. 27, 27.05.1923, pp. 3.
23. Vygotskii L.S. Ne sovsem retsenziya. Kovarstvo i lyubov'. Sokoly i vorony [Not really a review. Intrigue and love — the Falcons and the ravens]. *Nash ponedel'nik [Our Monday]*, 1922, no. 11, 06.11.1922, pp. 3.
24. Vygotskii L.S. Nechayannaya radost' [The unexpected joy]. *Polesskaya pravda [Polesskaya pravda]*, 1923, no. 1058, 27.11.1923, pp. 4.

### For citation:

Sobkin V.S. Notes on L.S. Vygotsky's Theatrical Reviews. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 26–38. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120403

\* Sobkin Vladimir Samuilovich, PhD in Psychology, director of the Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: sobkin@mail.ru

25. Vygotskii L.S. Ob avtore “ne sovsem retsenzii” [About the author “not quite reviews”]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1923, no. 28, 12.03.1923, pp. 3.
26. Vygotskii L.S. Orlenok. Uchenik d'yavola [Eaglet. The devil's Disciple]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1922, no. 14, 27.11.1922, pp. 3.
27. Vygotskii L.S. Pervaya lastochka, “Dybuk” v postanovke Rubina [The First swallow, “Dybuk” directed by Rubin]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1923, no. 32, 09.04.1923, pp. 4.
28. Vygotskii L.S. Poslednii spektakl' [The Last performance]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1923, no. 28, 12.03.1923, pp. 3.
29. Vygotskii L.S. Prestuplenie i nakazanie. Zolotaya osen'. Na dne [Crime and punishment. Golden autumn. At the bottom]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], no. 4, 18.09.1922, pp. 3.
30. Vygotskii L.S. Revizor. Flaviya Tesini. Tsena zhizni. Pevets svoei pechali. Ovod [The Auditor. Flavia Tasini the Price of life its sorrows the gadfly]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1922, no. 8, 16.10.1922, pp. 3.
31. Vygotskii L.S. Slesar' i kantsler [Locksmith and Chancellor]. *Polesskaya pravda* [Polesskaya pravda], 1923, no. 1038, 01.11.1923, pp. 4.
32. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. 1983, T. 2. Problemy obshchei psikhologii [Collected Works: in 6 vol. Vol.2. Problems of General psychology]. Moscow: Pedagogika, 1983. pp. 355–356.
33. Vygotskii L.S. Stakan vody [The Glass of water]. *Polesskaya pravda* [Polesskaya pravda], 1923, no. 1053, 21.11.1923, pp. 3.
34. Vygotskii L.S. Uriel' Akosta. Groza [Uriel Acosta. Storm]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1922, no. 12, 13.11.1922, pp. 3.
35. Vygotskii L.S. Khorosho sshityi frak [Well-tailored coat]. *Nash ponedel'nik* [Our Monday], 1922, no. 13, 20.11.1922, pp. 3.
36. Gracheva A.M., Nistratov A.A., Sobkin V.S. Personazhi fil'ma v prostranstve teatral'nykh amplua [The Characters in the space of a theatrical role]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [The Moscow University Herald], Ser. 14. Psikhologiya. 1990, no. 1, pp. 24–33.
37. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975, pp. 304.
38. Lotman Yu.M. Pushkin [Pushkin]. Saint-Petersburg.: Iskusstvo, 2003, pp. 847.
39. Meierkhol'd Vs.E., Bebutov V.M., Aksenov I.A. Tablitsa amplua [Table roles]. *Amplua aktera* [The Role of an actor]. Moscow, 1922, pp. 6–11.
40. Sobkin V.S. Kommentarii k teatral'nym retsenziyam L'va Vygotskogo; Vygotskii L.S. Teatral'nye retsenzii. [Comments theatrical review of Lev Vygotsky; Vygotsky L.S. Theater reviews]. Moscow: Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2015, 568 p.
41. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Kommentarii k “Teatral'nym zametkam” L.S. Vygotskogo [Reviews for “Theatre notes” L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2014, no. 3, pp. 82–96.
42. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Kommentarii k stat'e L.S. Vygotskogo “Teatr i revolyutsiya” [Comments on the article of L.S. Vygotsky “Theatre and revolution”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2015, no. 1, pp. 91–113. doi:10.17759/chp.2015110111
43. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Kommentarii k teatral'noi retsenzii L.S. Vygotskogo “Gastroli Solovtsovskoi truppy” [Reviews for theater reviews by L. S. Vygotsky “Tour Solovtsovskogo troupe”]. *Dialog* [Dialog], 2014, no. 9, pp. 39–48.
44. Sobkin V.S., Mazanova V.S. O chem rasskazal gomejskii “Veresk” L'va Vygotskogo: opyt rekonstruktsii sotsiokul'turnogo konteksta [Said Gomei “Heather” Lev Vygotsky: the experience of reconstruction of socio-cultural context]. *Voprosy psikhologii* [Issue of psychology], 2014, no. 6, pp. 89–106.
45. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Opyt kommentariiev k odnoi teatral'noi retsenzii L.S. Vygotskogo [Experience reviews one theater reviews by L. S. Vygotsky]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2014, no.1, pp. 37–48.
46. Sobkin V.S., Nistratov A.A., Gracheva A.M. Personazhi fil'ma v prostranstve sotsial'nykh stereotipov [The Characters in the space of social attitudes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald], Ser. 14. Psikhologiya, 1989, no. 1, pp. 38–44.
47. Stanislavskii K. S. Sbranie sochinenii: V 9 t. 1990, T. 3. Rabota aktera nad soboi. Ch. 2: Rabota nad soboi v tvorchestvom protsesse voploshcheniya: Materialy k knige. [Collected Works: in 6 vol. Vol.2. Work on the actor himself. Part 2: Work on yourself in the creative process of translating Materials for the book.] Moscow: Iskusstvo, 1990, pp. 268–271.
48. Freid Z. O nartsizme [On narcissism]. *Ocherki po psikhologii seksual'nosti* [Essays on the psychology of sexuality], Reprintnoe izdani, Minsk, 1990, 188 p.
49. Eizenshtein S.M. Izbr. proizv. v 6 t. 1964, T. 3. Teoreticheskie issledovaniya (1945–1948). *Neravnodushnaya priroda* [Selected works in 6 vol. Vol. 3. Theoretical studies (1945–1948). *Non-Indifferent nature*], Moscow: Iskusstvo, 1964, pp. 61.

# Футурист в физиологии: к 120-летию Николая Александровича Бернштейна

И.Е. Сироткина\*,

Институт истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия,  
*isiro1@yandex.ru*

Статья посвящена 120-летию со дня рождения Николая Александровича Бернштейна (1896–1966) — выдающегося ученого-физиолога, внесшего вклад и в другие области знания, в том числе, моделирование биологических систем и когнитивные науки. Исследование основано на анализе публикаций и архивных материалов, включая интервью с учениками Н.А. Бернштейна, проведенные автором в конце 1980-х гг. В статье излагаются идеи и концепции ученого, в которых тот значительно опередил свое время и предвосхитил исследования управления движениями, по крайней мере, на столетие вперед. Анализируются отличия теории построения движений Бернштейна от теории условного рефлекса И.П. Павлова. Вкратце рассматривается развитие идей Бернштейна в современной отечественной нейронауке. Утверждается, что популярное сегодня понятие «кинестетического воображения» имеет свои соответствия в концептуальном аппарате Бернштейна, в продолжение категорий «двигательной задачи» и «модели потребного будущего».

**Ключевые слова:** Н.А. Бернштейн, футуризм, физиология движений, кинестетическое воображение, Moscow Motor School.

Памяти моих научных руководителей  
Михаила Григорьевича Ярошевского (1915–2002) и  
Иосифа Моисеевича Фейгенберга (1922–2016)

## Введение

«Оле на память о том, что будет!» — такую дарственную надпись оставил поэт-футурист Игорь Терентьев на своем «Трактате о сплошном неприличии»<sup>1</sup>. Футуристы, начиная с Ф.-Т. Маринетти, поставили тему будущего в культуре широко, публично, даже скандально. Своим главным противником они избрали пассаизм: культ прошлого, музейщину, а также детерминированность прошедшими событиями. Они пытались освободить место новому: спонтанности, творчеству, воображению. Жизнь, по крайней мере, жизнь художника, творца, они представляли детерминированной только будущим — тем, чего еще нет, что только предстоит создать. В их космосе место каузальных причин заняли цели, интенции и другие продукты воображения.

Вместе с футуристами над тем, что у человека есть «память о будущем», задумались ученые. Одним из первых об этом стал писать молодой физиолог Нико-

лай Александрович Бернштейн, в Советской России. Уже в самом начале своей работы исследователя он выступил с критикой И.П. Павлова, считая, что теория условных рефлексов не может объяснить образования двигательного навыка у человека — не может потому, что игнорирует целесообразность, интенциональность человеческих движений. Его первая статья на эту тему, «Трудовые тренировки и условные рефлексы» [3], вышла в 1924 г. в «Организации труда», журнале Центрального института труда (ЦИТ), который возглавлял революционер, рабочий-металлист и поэт А.К. Гастев. И хотя ни Гастев, ни ЦИТ формально отношения к футуризму не имели, их деятельность оказалась удивительно созвучна футуристическому духу эпохи.

Как и футуристы, и пролеткультовцы, Гастев — реформатор культуры и языка, автор ряда замечательных неологизмов. Он говорил о кинематическом вихре современности, о «трудовых установках», о «построении движений», о «системе, состоящей из

### Для цитаты:

Сироткина И.Е. Футурист в физиологии: к 120-летию Николая Александровича Бернштейна // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 39–47. doi:10.17759/chp.2016120404

\* Сироткина Ирина Евгеньевна, кандидат психологических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия. E-mail: isiro1@yandex.ru

<sup>1</sup> «Трактат» издан в Тифлисе в 1920 г. футуристической группой 41°, основанной Терентьевым, Алексеем Крученых и Ильей Зданевичем [11, с. 202].



орудия производства и работника, обслуживающего это орудие» — системе «человек-машина» [5, с. 3]. Эти идеи вдохновили и Бернштейна. Первое, чем тот стал заниматься у Гастева, была работа над созданием «нормалей» — образцов рабочих движений. На основе анализа двух трудовых операций, удара молотком по зубилу и опилочки напильником, Бернштейну удалось создать новую теорию движений, кардинально отличавшуюся от теории условных рефлексов. Различия Бернштейна и Павлова во многом были обусловлены разной феноменологией<sup>2</sup>. В экспериментах по выработке условных рефлексов животное обездвигивалось, закреплялось в специальном станке, помещалось в «башню молчания», а потому и реакции его были «условными» — такими, которые не являются значимыми в естественных условиях. В отличие них, совершающиеся в естественных условиях движения человека целенаправленны и осмысленны. Их инициатива исходит не из внешней среды, как ответ на стимул, а принадлежит организму, который в этот момент активен. Бернштейн стал работать в новой парадигме, которая впоследствии получила название «целостной», «холистической» или «системной». В его теории двигательный акт — результат сложного процесса «построения» или «организации», системное, или мета-качество, возникающее в процессе работы системы. «... В каждой фазе своего развития и становления мозг есть *организованная система*» — писал он уже в середине 1930-х гг. «Качества и возможности нервного процесса <...> отсутствуют в каждом из слагающих; они возникают только как *необходимое следствие организации нервного процесса и кроются именно в системных взаимоотношениях, определяемых этой организацией*» [7, с. 325—326; курсив в оригинале].

Во всем этом можно увидеть влияние популярной тогда, в том числе в России, гештальтпсихологии. Не случайно один из ее создателей, Вольфганг Кёлер, стал мишенью критики И.П. Павлова. В некотором смысле, Павлов начал работать с приматами именно для того, чтобы опровергнуть выводы Кёлера о мышлении как гештальте. Невролог Курт Гольдштейн и зоопсихолог Фредерик Бойтендайн, ориентированный на феноменологию, в свою очередь, критиковали условный рефлекс за искусственность, называли артефактом, продуктом лабораторного исследования. Бернштейн с энтузиазмом эту критику подхватил и охотно того и другого цитировал: «Похоже, как это отметил уже Гольдштейн, что эксперименталисты находили то, чего они искали — на изолированные раздражения они получали ответы, которые при некоторой терпимости к деталям можно принять за изолированные реакции»; «по изящному выражению Бойтендайка, “рефлекс — это не элемент действия, а его предельный случай”» [7, с. 246—247]. Все эти ученые считали, что понятие условного рефлекса совершенно не описывает того, как организмы функ-

ционируют в реальных, а не лабораторных обстоятельствах. И именно по этой причине они оказались идеологическими противниками и были заклеены как «гештальтисты», «виталисты» и «идеалисты». Бернштейн рисковал оказаться в одной с ними компании, что было небезопасно. Отдавая себе отчет в привлекательности холизма, Бернштейн, тем не менее, оговаривается, что его теория — не «гештальт». Различия заключаются и в том, как именно складывается «целостность» — в закономерностях «организации». Бернштейн вводит различие существенных и несущественных параметров движения. Первые он называет «инвариантами»; соблюдение их обязательно — без них движение становится иным, выполняет другую задачу. По отношению ко вторым, несущественным, движение может изменяться, варьировать. Какие параметры окажутся существенными для данного движения, определяет двигательная задача. Задача эта формулируется не только на языке нервно-мышечного аппарата, но и в категориях внешнего мира; ее содержание определяет конструкцию движения.

Ученик и сотрудник Бернштейна Д.Д. Донской рассказывал автору этих строк, что однажды им удалось поставить очень интересный опыт — циклограмму десятию синхронизированными камерами спринтерского бега. Бежал тогдашний чемпион СССР Сухарев, который имел на стометровке время 10,3 сек. Но, как только Н.А. узнал, что Сухарев пробежал дистанцию за 13,3 или 13,4 сек, немедленно отдал распоряжение: негативы не обрабатывать. Движение на иной скорости, с иными установками, целями — совсем иная система, — комментировал этот случай Д.Д. Донской. Именно поэтому, утверждал Бернштейн, нельзя тренировать движение, которое требуется выполнить быстро, сначала в медленном темпе — ведь при этом будет вырабатываться двигательная конструкция, не имеющая ничего общего со стоящей двигательной задачей. В отличие от Павлова, уподоблявшего движение рефлексу — простой реакции на стимул, концепция построения движений трактовала их как процесс, по сложности сравнимый с интеллектуальным актом.

### Построение движений и кинестетическое воображение

L'imagination est ce qui tend à devenir réel.  
André Breton<sup>3</sup>

«Кинестетическое воображение» — термин современного словаря, и Бернштейн его не использовал. Тем не менее, сам феномен предвосхищения, антиципации, заглядывания вперед его живо интересовал. В последние годы жизни ученый опубликовал несколько небольших статей в научно-популярном

<sup>2</sup> Эту мысль высказывал М.Г. Ярошевский, в частности, в беседе с автором этих строк.

<sup>3</sup> «Воображение — это то, что имеет склонность становиться реальностью». *Андре Бретон* [22, с. 99]. Этот раздел статьи частично основан на нашей с соавтором работе [24].

журнале «Наука и жизнь». Статьи эти отражают широту его кругозора и до сих не потеряли интерес. Одна из них, озаглавленная «Смерть от страха ожидания смерти» [6], начинается с цитаты из гоголевского «Вия». Помните кульминационный эпизод рассказа, когда Вий вскрикнул «Вот он!» и оставил на Хому Брута железный палец? Несчастный философ «грязнулся на землю, и тут же вылетел дух из него от страха». Это сказки, поэтический вымысел, — комментирует Бернштейн. Но возможно ли что-либо подобное в действительности? И продолжает: «Каждый из нас испытал хотя бы раз в жизни, какое сильное чисто физиологическое действие способно произвести в нас предвидение опасности: лицо бледнеет, сердце начинает биться ускоренно и неровно, пот выступает на лбу и т. д. Может ли, однако, совокупная вегетативная реакция на предугадываемое будущее достигнуть такой силы, чтобы действительно оказаться причиной смерти?» [6, с. 149]. И далее Бернштейн пересказывает случай, который узнал из работы Альберта де Роша (Albert de Rochas) — ученого-любителя, жившего в Париже на рубеже XIX и XX вв. и известного в то время своими исследованиями в области гипноза и внушения [6, с. 149].

Надзиратель одного парижского лица своим поведением вызвал к себе ненависть со стороны студентов, и они решили отомстить ему. Несколько студентов схватили его, заперлись с ним в темной комнате и стали производить над ним суд, причем перечислили все его преступления. Присудили обезглавить его. Принесли топор и плаху и объявили осужденному, что ему остаются только три минуты на то, чтобы покончить все земные расчеты и приготовиться к смерти. По прошествии этого срока ему завязали глаза, принудили его стать на колени, обнажили ему над плахой шею, и один из участников этой жестокой забавы нанес ему мокрым полотенцем удар по спине. После этого присутствующие с хохотом предложили ему подняться. К их великому удивлению и испугу, приговоренный не двинулся с места: он был мертв.

Философ Людвиг Витгенштейн считал способность предвосхищать, предвидеть, воображать будущее важнее способности предсказывать: «нельзя предсказать (to predict) того, чего нельзя предвидеть (to anticipate), как нельзя предвосхищать то, что можно предсказать» [цит. по: 19, с. 71]. Об антиципации как бессознательном, по преимуществу, предвидении много писали исследователи уже в XIX в. Однако, начиная с Зигмунда Фрейда, бессознательное стало связываться не с будущим, а с прошлым. В отличие от многих его коллег (и, прежде всего, Павлова), Бернштейна интересовали детерминанты действия, связанные не только и не столько с прошлым, сколько с будущим. Физиолог Ален Бертоз, считающий себя учеником Бернштейна, напоминает, что тот одним из первых сделал антиципацию, «опережающее отражение», конструктивным элементом движения и вспоминает удивительную формулу ученого: «поза — это подготовка к действию» [19, с. 88]. В книге «Физиология и феноменология действия» Бертоз и феноменолог Жан-Люк Пети обсуждают два тесно связанных между собой понятия — «антиципация» и «кинестетическое воображение». Как многое в совре-

менной философии, оба понятия восходят к Иммануилу Канту. Философ считал движение, взятое как описывающее некое пространство, чистым актом последовательных синтезов многообразия во внешней интуиции, посредством продуктивного воображения. Как таковое, движение принадлежит не только к геометрии, но и к трансцендентальной философии [см.: 19, с. 92–93]. Следуя И. Канту, авторы проводят различие между «схемой» (*schema*), или зрительным образом, и «схематизмом» (от греч. *schemata*, англ. *scheme*), психологическим концептом, включающим действие и тело. Воображение, утверждая они, и является способностью к «схематизму», «схематизации». Способность постоянно схематизировать свой опыт Кант приписывал то воображению, то пониманию, и считал, что в той степени, в какой способность эта опирается на спонтанность, она включает в себя «естественную поэтику» [19, с. 117–119]. Каким образом, спрашивают Бертоз и Пети, эти формальные аспекты могут проявляться в чем-то — например, в субъекте, который является принципиально временным? И отвечают: формальные аспекты проявляются в деятельности антиципации, осуществляемой воспринимающим субъектом.

В связи с этим Бертоз вспоминает свой визит в Физиологический научно-исследовательский институт, носящий имя академика А.А. Ухтомского, в Ленинграде. Произошло это в 1970 г., когда Павлова давно уже не было на свете, однако лаборатория физиологии двигательного анализатора, павловская по названию и установкам, еще существовала. Ее сотрудник, физиолог А.С. Батуев (ученик павловца Э.Ш. Айрапетьянца), показал гостю эксперименты с собаками, которые когда-то начал Павлов. В этих экспериментах, в противоположность тому, что можно было бы ожидать в соответствии с теорией условных рефлексов, собака бурно реагировала на кошачье мяуканье, но оставалась индифферентной к чистому звуку той же частоты. Мозг, комментирует эти результаты А. Бертоз, явно интересуется те события, которые имеют смысл — принадлежат к *Umwelt*, жизненному миру реагирующего субъекта. Подобные результаты побуждают от нейрофизиологии «снизу вверх» перейти к нейрофизиологии «сверху вниз» [19, с. 129–130]. Это и станет, считает Бертоз, тем решающим шагом, который начал подготавливать Бернштейн — не случайно одной из своих последних прижизненных публикаций ученый дал программное название «От рефлекса к модели будущего» [17].

Как способность воображения, так и ее продукт — схематизация опыта находят свое место в организации движения. Еще в 1911 г. английские физиологи Генри Хэд и Гордон Холмс ввели понятие о «схеме тела» — «body image, body schema» [см.: 26, с. 42]. Обсуждая кинестезию в терминах интенциональности и целенаправленности, феноменолог Морис Мерло-Понти утверждал, что «установка на открытость будущему движению неотделима от текущего телесного опыта» [цит. по: 23, с. 187]. Опыт же этот — не движение и не ментальный образ, а скорее предвосхищение (антиципация) или приближение к цели, осуществляемое

с помощью тела как движущей силы, «двигательного проекта» или «двигательной интенциональности». Французский кинезиолог и исследователь танца Юбер Годар считает «виртуальное», предвосхищенное или воображаемое движение само по себе «физическим событием» [цит. по: 23, с. 13]. Он описывает «пред-движение» — процесс антиципации, начинающийся сокращением мышц той части тела, которая будет вовлечена в движение. Если, к примеру, стоящего человека попросить поднять руку, первыми включатся мышцы голени и ноги — для восстановления равновесия, нарушенного в результате перемещения центра тяжести. Считается, что такое «пред-движение» на четверть секунды опережает начало самого движения (в данном случае поднятия руки), т. е., происходит не как рефлекс, а начинается в нервных центрах, запускается намерением двигаться. Современный философ Сьюзен Стюарт предпочитает говорить не об антиципации, а об «апперцепции» [26]; она же приводит понятие о «кинетической мелодии» [25, с. 42], приписывая его А.Р. Лурия (хотя, скорее всего, тот позаимствовал это понятие у Бернштейна, а тот, в свою очередь, у немецких физиологов).

«Кинестетическое воображение» во многих отношениях синонимично предвосхищению-антиципации. Считается, что одним из первых это понятие предложил американский искусствовед и критик Джон Мартин в применении к исследованиям танца и его восприятия. Он считал, что за восприятие движения отвечают две способности: «кинетическая эмпатия», т. е. способность вчувствоваться в движениях других людей и неодушевленных предметов, и «кинетическое воображение» [цит. по: 20, с. 228]. Еще ранее Вильям Джеймс обсуждал вопрос о том, является ли двигательное воображение припоминанием «воскрененных чувств», которые в прошлом возникали в разных частях тела при совершении движений (речь шла скорее о ментальных репрезентациях ощущений, чем о собственно кинестетических переживаниях) [21, с. 81–83]. Моторная природа кинестетического воображения вполне признана только в 1980-е гг., во многом благодаря работам спортивных психологов, а также медиков, проводивших реабилитацию пациентов с двигательной недостаточностью или симптомами вроде фантомной боли. Исследователи пытались показать, что двигательное воображение задействует те же участки мозга, что и реальное движение, однако выяснили, что активация двигательной системы при кинестетическом воображении и та, которая имеет место при моторном возбуждении, не идентичны и пересекаются только частично. Кроме того, было найдено, что во время воображения движения активность двигательной коры слабее, чем при его реальном исполнении [27].

Термин «кинетическое воображение» остается крайне востребованным в исследованиях движения и танца. В Манчестерском университете осуществляется большой проект по изучению того, как происходит восприятие танца, участники которого работают с понятиями кинестетической эмпатии и кинестетического воображения. При этом их понимание «вообра-

жения» ближе к тому, что Кант назвал воображением «продуктивным», творческим. «Актами кинестетического воображения» называются «двигательные события, которые прерывают нормативные, привычные способы использования энергии и вызывают инновации в производстве, распределении и сохранении энергии в теле» [23, с. 4]. В этих актах присутствует тонкий баланс между обусловленностью обстоятельствами, т. е., детерминизмом, и собственной активностью субъекта, «агентностью» (agency). Акты воображения могут посредством работы с символическими системами дестабилизировать фиксированные значения и представления. Понятием кинестетического воображения охотно пользуются как теоретики и исследователи движения, так и практики — спортсмены, тренеры, танцовщики — они используют «идеомоторное», воображаемое движение для обучения новым навыкам. Так, например, прежде чем исполнить какое-то сложное движение, тренирующегося просят многократно повторить его в своем воображении.

Феноменолог Максин Шитс-Джонстон показывает, что кинестетическое воображение требуется как для совершения движения, так и для его восприятия. Она приводит в пример человека, танцующего по кругу — образуя определенную форму, или гештальт, его движения воспринимаются целостно: «Мы формируем воображаемый гештальт, представляя каждый момент круга как пространственно-временное настоящее в отношении к пространственно-временному прошлому и будущему. Настоящее — это прыжок из прошлого в будущее. Это переходный момент воображаемого пространственно-временного целого, а не какое-то изолированное настоящее. Соответственно, это не последовательность образов, а единая и неразрывная круговая линия» [28, с. 116]. Не является ли эта круговая линия одним из лейтмотивов Бернштейна, сделавшего «сенсорные коррекции», или «обратную связь» ядром своей теории?

### **Движение к цели, или модель потребного будущего**

Модель движения, построенного на обратных связях, сложилась у ученого очень рано, в ЦИТе, в результате самых первых исследований по биомеханике. Уже в 1923 г. Бернштейн обнаружил, что кривые циклограмм можно аппроксимировать с помощью быстро сходящихся сумм Фурье: «Движение анатомически весьма сходно с гармоническими колебаниями неизменяемого, подвешенного за один конец стержня, т. е. с маятникоподобным движением. А из этого, в свою очередь, следует, что изучаемые нами силы весьма близки к простым упругим силам» [2, с. 70]. Это означало, что зависимость между напряжением и длиной мышцы, как и между моментом силы и углом наклона маятника не односторонняя, а взаимная — кольцевая цепь причин и следствий. Математически это могло быть выражено в виде дифференциального уравнения второго порядка. Через несколько лет Бернштейн написал: «... каждый мо-



торный импульс, приводя к двигательному эффекту на периферии, тем самым вызывает проприоцептивные, центростремительные иннервации, влияющие в свою очередь на дальнейшее протекание моторных импульсов. Таким образом, здесь получается некая циклическая связь» [4, с. 260]. Эта циклическая связь и получила название «сенсорных коррекций».

Факт существования коррекций предполагает некий образец, модель для сравнения. Бернштейн подыскивал для нее термин: «проект движения», «двигательное намерение», «план», «формула движения», «двигательная задача» и остановился на этом последнем. Задача несет в себе существенные, инвариантные характеристики движения, которыми организм не может поступиться, иначе движение теряет свой смысл. Поэтому задача организует, руководит процессом осуществления движения, конкретно — определяет те сенсорные коррекции, которые при построении данного движения будут ведущими. Она формируется на основе «образа будущего результата» или «модели потребного будущего» — принадлежа будущему, в настоящем она дана в виде мозговой модели требуемого результата и способа его достижения. Бернштейн одним из первых стал разрабатывать идею активного моделирования мозгом внешнего мира, предположив, что при формировании модели мозг использует операторы, определенным образом структурирующие приходящую извне информацию, и вносит тем самым свою добавку в создаваемую картину мира. Согласно его ученику И.М. Фейгенбергу, «моделирование будущего» выполняет две функции в осуществлении активного поведения: «вероятностного прогнозирования» будущей ситуации и формирования образа будущих результатов и действий (собственно «модель потребного будущего») [16, с. 88].

Новаторские, «футуристические» работы Бернштейна часто встречали непонимание: его исследования по биомеханике и использование математического аппарата дали повод для обвинений ученого в «механицизме». Из-за введения в физиологию понятий двигательной задачи ученого отчитывали за идеализм и телеологию. Создание культа вокруг имени Павлова добавило еще один повод для придинок к ученому, известному своей критикой теории условных рефлексов. В 1937 г. ему пришлось отдать указание в типографию рассыпать уже готовый набор своей книги «Современные искания в области физиологии нервного процесса», в которой ученый не скрывал своих расхождений с Павловым. В результате Бернштейн не имел возможности реализовать исследовательские планы, и ему приходилось то и дело менять стены учреждений, где он работал. После Великой Отечественной войны ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Работы на основе теории построения движений велись несколькими группами исследователей и практиками: изучение биомеханики спортивных движений и обучение на этой основе спортивным навыкам проводились в ЦНИИ физкультуры; в НИИ протезирования исследовались биомеханические основы протезирования, ходьба на протезах; теория Бернштейна использовалась в практике восстановления движений, нарушен-

ных в результате ранений, и т. д. В 1947 г. вышла большая монография ученого «О построении движений», обобщившая многолетние исследования, и сразу она получила Государственную — Сталинскую — премию. Тем не менее, критика продолжалась: ученого обвиняли в идеализме, его теорию — в отсутствии практического значения, а после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ его обвинили еще и в «низкопоклонстве перед Западом». Поводом послужило то, что в книге «О построении движений» автор «упоминал иностранцев Т. Мейнерга или Ч. Шеррингтона гораздо чаще, чем «своего» И.П. Павлова [15]. В марте 1949 г. Бернштейн был вынужден оставить Институт протезирования, в апреле — Институт физкультуры, где он плодотворно работал в течение многих лет. В 1949 г. после сверки был рассыпан набор его книги «О ловкости и ее развитии», написанной популярно, и в то же время новой, оригинальной научной работы, в которой ловкость рассматривалась как комплексное психофизическое качество. После «Павловской» сессии двух академий в 1950 г. Бернштейн был окончательно лишен возможности вести исследования по своей проблематике. Наступил, пожалуй, самый тяжелый период в жизни ученого. Каким он был тогда? Один его знакомый, И.А. Аршавский, запомнил его подавленным, другому, Л.Л. Шиху, казалось, что ученый не чувствовал никакой ущербности от своего положения [14]. Однако каким бы ни казался Бернштейн окружающим его людям, внутренне он сломлен не был.

Новизна и значимость теории Бернштейна стала очевидной только в 1960-е гг., с развитием кибернетики и теории систем. Говоря о том, что «мозг постоянно сравнивает», Бертоз ссылается именно на Бернштейна: «мозг делает предсказания и предвидения с целью сравнить их с результатами действий» [19, с. 88]. В 1960-е гг. Бернштейн много общается с математиками, участвует в их семинарах, в том числе в знаменитом некогда семинаре И.М. Гельфанда по искусственному интеллекту. В эти годы становится ясно, что в работах Бернштейна речь также идет об интеллекте — только особом, телесно-двигательном или кинестетическом. В его теории движение предстает процессом столь же сложным, сколь и интеллектуальный акт. Это одна из причин, побудившая психологов признать: «... существуют не только двигательные восприятие и память, <...> но и двигательный интеллект, который изучен очень мало» [10, с. 163]. Как только работы Н.А. Бернштейна были переведены и опубликованы на Западе, психологи, занимающиеся проблемой интеллекта, немедленно увидели потенциал теории построения движений для решения их собственных задач. Так, Говард Гарднер, автор концепции множественных видов интеллекта, несколько раз цитирует Бернштейна в своем основном труде. В девятой главе книги речь идет о «телесно-кинестетическом интеллекте» (bodily-kinesthetic intelligence), который Гарднер определяет как «способность управлять собственными движениями и умело обращаться с предметами» [20, с. 206]; говоря о связи между управлением своим телом и когнитивными способностями, автор ссылается на Бернштейна [29, с. 208—211].



В своих последних работах Бернштейн ставит задачу создать «физиологию активности», которая бы изучала активное моделирование — «вычерпывание» информации мозгом. Как мы уже отмечали, цикл работ 1950—1960-х гг. создавался ученым в период активного развития за рубежом и в нашей стране идей кибернетики. Поэтому идеи концепции построения движений обсуждаются Бернштейном в новом контексте, на новом, близком кибернетическому языку, в связи с проблематикой управления и регуляции, общей для физиологии и кибернетики.

### **Moscow Motor School**

Для исследований по биомеханике Бернштейн разработал метод циклограммометрии — чрезвычайно трудоемкий, который невозможно было осуществить в одиночку. Ученому помогала группа сотрудников: Т.С. Попова, начавшая работать с ним еще в ЦИТе, А.С. Шевес, В.И. Лаврентьев, З.В. Могиланская, П.И. Шпильберг, О.А. Зальцгебер. В период работы ученого в ЦНИИ физической культуры и преподавания в Институте физкультуры (ГЦОЛИФК) небольшой круг его сотрудников был занят реализацией исследовательской программы на материале спортивных движений. Донской вспоминал об этом периоде деятельности ученого: «Несмотря на то, что Н.А. Бернштейн относительно немного лет работал в научно-исследовательском институте физической культуры и только эпизодически преподавал в Центральном учебном институте, буквально десятки молодых преподавателей, руководители кафедр не только тянулись к нему, участвовали в работе его лаборатории на общественных началах, но и дальше продолжали направление его деятельности» (личное сообщение). В числе этих ученых были сам Донской, Ф.А. Лейбович, И.Н. Книпст, Н.Г. Озолин, М.И. Украин, В.С. Фарфель, Л.В. Чхаидзе и другие. Похожая обстановка сложилась в Московском научно-исследовательском институте протезирования и протезостроения в 1943—1949 гг., где Н.А. Бернштейн работал сначала научным консультантом, а затем заведующим лабораторией физиологии и патологии движений. Вместе с учениками и сотрудниками ученый вел прикладные биомеханические исследования, в результате которых были созданы новые конструкции протезов. Благодаря существованию этих и других очагов биомеханики, ко времени, когда эта дисциплина за рубежом начала активно развиваться (в 1967 г. при ЮНЕСКО организован первый международный семинар по биомеханике, а через несколько лет на его основе возникла Международная ассоциация биомехаников), отечественные ученые уже накопили значительный потенциал.

После войны у Бернштейна сложилась группа учеников и последователей, известная (прежде всего на Западе) как «Moscow Motor School», хотя почти всех ее участников впоследствии разбросало по свету. В.С. Гурфинкель и его группа (М.Л. Латаш, А.Г. Фельдман, М.Л. Шик) изучали нервное управление двига-

тельным актом. В конце 1950-х гг. В.С. Гурфинкель, А.Е. Кобринский и Я.С. Якобсон с коллегами создали действующие макеты протезов и манипуляторов, управляемых с помощью биоэлектрических потенциалов мышц. Описание одной из конструкций биоуправляемого манипулятора было представлено на всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. и привлекло широкое внимание. Тему существенных, или инвариантных, переменных В.С. Гурфинкель развил в своих исследованиях «end-point control» — «конечной точки», или цели движения. Ему с соавторами удалось показать, что началу движения предшествует глубокая перестройка состояния сегментарного аппарата спинного мозга [12; 13]. М.Б. Беркинблит, И.М. Гельфанд и А.Г. Фельдман предложили свою модель управления целенаправленными движениями многосуставной конечности: система управления не программирует все кинематические переменные, а задает всего один параметр — равновесные значения углов между звеньями конечности, или смещение равновесной точки для каждого сустава [8]. Ю.И. Аршавский с коллегами предположили, что в основе вариативности лежит пластичность центральных моторных программ и назвали два механизма пластичности: имитация внешних влияний путем центральной регуляции параметров рефлекса и составленность программы из нескольких подпрограмм, или динамических блоков [1].

Многие из найденных Бернштейном принципиальных решений проблемы двигательного управления — такие, как представления о сенсорных коррекциях, многоуровневости и иерархичности системы управления, инвариантных характеристиках движения — по-прежнему эвристичны. Современные ученые единодушны, подчеркивая точность формулировки и глубину поставленных Бернштейном проблем. В начале 1980-х гг. американцы Д. Агарвал и Д. Готтлиб утверждали: «Фундаментальные вопросы, поднятые Бернштейном в 1962 г., остаются такими же фундаментальными и такими же нерешенными двадцать лет спустя. Мы оптимистически предполагаем, что они определяют путь многих исследований и в следующие двадцать лет» [18, с. 568]. Так и случилось.

В 1947 г. математик Норберт Винер писал: «... некоторые характерные виды деятельности ЦНС объяснимы только как круговые процессы, идущие от нервной системы в мышцы и снова возвращающиеся в нервную систему через органы чувств. <...>. Нам казалось, что такой подход означает новый шаг в изучении того раздела нейрофизиологии, который затрагивает не только элементарные процессы в нервах и синапсах, но и деятельность нервной системы как единого целого» [9, с. 52]. Будущий отец кибернетики не подозревал, что Бернштейн сделал этот же шаг еще в конце 1920-х гг.. В 1960 г., во время визита Н. Винера в Москву, Н.А. Бернштейн был приглашен переводить доклад ученого и на прощание подарил ему отписку своей статьи «Проблема взаимоотношений координации и локализации» (1935). К сожалению, мы не знаем, прочел ли ее Винер, и если да, то узнал ли он там свои идеи, которые предвосхитил Николай Бернштейн — футурист в физиологии.

*Литература*

1. Аршавский Ю.И., Беркинблит М.Б., Гельфанд И.М., Орловский Г.Н., Фуксон О.И. Активность нейронов кунее-мозжечкового тракта при локомоции // Биофизика. 1973. Т. 18. №1. С. 126–131.
2. Бернштейн Н.А. Исследования по биомеханике удара с помощью световой записи // Исследования Центрального института труда. 1923. Т.1. Вып. 1. С. 19–79.
3. Бернштейн Н.А. Трудовые тренировки и условные рефлексы: автореф. доклада на семинарии по трудовым установкам ЦИТ // Организация труда. 1924. № 4. С. 34.
4. Бернштейн Н.А. Клинические пути современной биомеханики // Сборник трудов Гос. института для усовершенствования врачей в Казани. Т. 1. Казань: ГИДУВ, 1929. С. 249–270.
5. Бернштейн Н.А. Современная биомеханика и вопросы охраны труда // Гигиена, безопасность и патология труда. 1930. № 2. С. 3–12.
6. [Бернштейн Н.А.] Смерть от страха ожидания смерти (из коллекции профессора Н.А. Бернштейна) // Наука и жизнь. 1965. № 2. С. 149.
7. Бернштейн Н.А. Современные искания в физиологии нервного процесса / Под ред. И.М. Фейгенберга, И.Е. Сироткиной. М.: Смысл, 2003. 330 с.
8. Беркинблит М.Б., Гельфанд И.М., Фельдман А.Г. Модель управления движениями многосуставной конечности // Биофизика. 1986. Т. 31. № 1. С. 128–138.
9. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
10. Запорожец А.В. Изменение моторики ребенка-дошкольника в зависимости от условий и мотивов его деятельности // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Отделение психологии. 1948. Вып. 14. С. 125–166.
11. Игорь Терентьев. Левейший из левых. К 120-летию со дня рождения: сб. материалов / Ред.-сост. Д. Карпов. М.: Департамент культуры г. Москвы; Гос.музей В.В. Маяковского, 2012. 249 с.
12. Кобринский А.Е., Брейдо М.Г., Гурфинкель В.С., Сысин А.Я., Цетлин М.Л., Якобсон Я.С. Биоэлектрическая система управления // Доклады АН СССР. 1957. Т. 117. № 1. С. 78–80.
13. Кобринский А.Е., Гурфинкель В.С., Брейдо М.Г., Сысин А.Я., Цетлин М.Л., Якобсон Я.С. Макет механического привода к протезу, управляемому биотоками мышц // IV Научная сессия ЦНИИПП. М.: ЦНИИПП, 1958. С. 153–157.
14. Сироткина И.Е. Роль исследований Н.А. Бернштейна в развитии отечественной психологической науки: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1989. 126 с. с прилож.
15. Сироткина И.Е. Н.А. Бернштейн: годы до и после «Павловской сессии» // Репрессированная наука: в 2 т. Т. 1 / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 319–326.
16. Фейгенберг И.М. Видеть—предвидеть—действовать. М.: Знание, 1986. 159 с.
17. Фейгенберг И.М. Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. М.: Смысл, 2004. 239 с.
18. Agarwal G.C., Gottlieb G.L. Control Theory and Cybernetic Aspects of Motor Systems // Human Motor Action: Bernstein Reassessed / Whiting H.T.A. (ed.). Amsterdam etc.: Elsevier, 1984. P. 563–570.
19. Bertoz, A., Petit J.-L. The Physiology and Phenomenology of Action / transl. by C. Macana. Oxford: Oxford University Press, 2008. 298 p.
20. Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. London: Heinemann, 1983. 440 p.
21. James W. The Principles of Psychology; The Famous Long Course Complete and Unabridged. 1890. Vol. 2. New York etc.: Dover Publications, 1918. 688 p.
22. Le revolver à cheveux blancs / A. Breton, R. Lacourière (dir.). Paris: Éditions des Cahiers libres; Imprimerie Union, 1932. 173 p.
23. Reynolds D. Rhythmic Subjects: Uses of Energy in the Dances of Mary Wigman, Martha Graham and Merce Cunningham. London: Dance Books, 2007. 316 p.
24. Sirotkina, I.E., Virjukova, E.V. Futurism in physiology: Nikolai Bernstein, anticipation, and kinaesthetic imagination // Anticipation: Learning from the Past. Cognitive systems monographs. Ed. by M.Nadin. Heidelberg etc.: Springer, 2015. P. 269–285.
25. Stuart S.A.J. Conscious machines: Memory, melody and muscular imagination // Phenomenology and Cognitive Sciences. 2010. № 9. P. 37–51.
26. Stuart S.A.J. From agency to apperception: through kinaesthesia to cognition and creation // Ethics and Information Technology. 2008. № 10. P. 255–264.
27. The Neurological Foundations of Mental and Motor Imagery / A. Guillot, C. Collet (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010. 320 p.
28. Sheets-Johnstone M. The Phenomenology of Dance. London: Dance Books, 1979. 158 p.

# Futurist in Physiology: In Celebration of the 120<sup>th</sup> Birthday of Nikolai Aleksandrovich Bernstein

I.Ye. Sirotkina\*,

Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,  
isiro1@yandex.ru

The paper is dedicated to the 120<sup>th</sup> birthday of Nikolai Aleksandrovich Bernstein (1896–1966), a prominent Russian physiologist who contributed also to other fields of knowledge, for instance, cognitive sciences and modeling of biological systems. This study is based on the analysis of various publications and archive materials, including interviews with Bernstein's disciples conducted by the author in the late 1980s. The paper outlines the ideas and concepts of Bernstein that were well ahead of their time, anticipating research on movement control by at least a hundred years. It also analyses the differences between Bernstein's theory of movement construction and Pavlov's theory of conditioned reflex and gives a brief review of the development of Bernstein's ideas in modern Russian neuroscience. As it is shown, the now popular concept of "kinesthetic imagination" obviously corresponds with Bernstein's concepts of "movement task" and "model of the desired future".

**Keywords:** N.A. Bernstein, futurism, physiology of movements, kinesthetic imagination, Moscow Motor School.

## References

1. Arshavskii Yu.I., Berkinblit M.B., Gel'fand I.M., Orlovskii G.N., Fukson O.I. Aktivnost' neuronov kuneo-mozzhechkovogo trakta pri lokomotsii [Neural activity of the cerebellum path in locomotion]. *Biofizika* [Biophysics], 1973, vol. 18, no. 1, pp. 126–131.
2. Bernshtein N.A. Issledovaniya po biomekhanike udara s pomoshch'yu svetovoi zapisi [Research on biomechanics of stroke using light recording]. *Issledovaniya Tsentral'nogo Instituta Truda* [Research of the Central Institute of Labour], 1923, vol. 1, no. 1, pp. 19–79.
3. Bernshtein N.A. Trudovye trenirovki i uslovnye refleksy [Work training and conditional reflexes]. *Organizatsiya truda* [Organisation of labour], 1924, no. 4, pp. 34.
4. Bernshtein N.A. Klinicheskie puti sovremennoi biomekhaniki [Clinical paths of contemporary biomechanics]. In *Sbornik trudov Gos. instituta usovershenstvovaniya vrachei v Kazani* [Collection of work by the State Institute for Continuous Education in Medicine]. Vol. 1. Kazan': GIDUV, 1929, pp. 249–270.
5. Bernshtein N.A. Sovremennaya biomekhanika i voprosy okhrany truda [Contemporary biomechanics and the issues of work safety]. *Gigiena, bezopasnost' i patologiya truda* [Hygiene, safety and pathology of work], 1930, no. 2, pp. 3–12.
6. [Bernshtein N.A.] Smert' ot strakha ozhidaniya smerti (iz kolleksii professora N. A. Bernshteina) [Death out of fear of awaiting death]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1965, no. 2, pp. 149.
7. Bernshtein N.A. *Sovremennyye iskaniya v fiziologii nervnogo protsessa* [Contemporary searches in the physiology of nervous process]. Feigenberg I. M., Sirotkina (eds.). Moscow: Smysl, 2003. 330 p.
8. Berkinblit M.B., Gel'fand I.M., Fel'dman A.G. Model' upravleniya dvizheniyami mnogosustavnoi konechnosti [A model of motor control in the multiple-parts extremity]. *Biofizika* [Biophysics], 1986, vol. 31, no. 1, pp. 128–138.
9. Viner N. *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhitovnom i mashine* [Cybernetics, control and communication in animal and machine]. 2<sup>nd</sup> ed. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya izdaniy dlya zarubezhnykh stran, 1983. 344 p.
10. Zaporozhets A.V. Izmenenie motoriki rebenka-doshkol'nika v zavisimosti ot uslovii i motivov ego deyatelnosti [Measuring the motor abilities of a pre-school child depending on the conditions and motives of its sactivity]. *Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. Otdelenie psikhologii* [Newsletter of the Academy of Educational Sciences], 1948, no. 14, pp. 125–166.
11. Karpov D. (ed.). *Igor' Terent'ev. Leveishii iz levyykh. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik materialov* [Igor Terent'ev: The most leftist of all the leftists. Towards the 120<sup>th</sup> anniversary]. Moscow: Departament kul'tury g. Moskvyy; Gos. muzei V.V. Mayakovskogo, 2012. 249 p.
12. Kobrinskii A.E., Breido M.G., Gurfinkel' V.S., Sysin A.Ya., Tsetlin M.L., Yakobson Ya.S. Bioelektricheskaya sistema upravleniya [Bioelectric system of control]. *Doklady AN SSSR* [Reports of the USSR Academy], 1957, vol. 117, no. 1, pp. 78–80.
13. Kobrinskii A.E., Gurfinkel' V.S., Breido M.G., Sysin A.Ya., Tsetlin M.L., Yakobson Ya.S. Maket mekhanicheskogo privoda k protezu, upravlyaemomu biotokami myshts [A working model of a prosthesis controlled by the bio-signals from the muscles]. In *IV Nauchnaya sessiya TsNIIPP* [Academic Session of TsNIIPP]. Moscow: TsNIIPP, 1958, pp. 153–157.
14. Sirotkina I.E. Rol' issledovaniya N.A. Bernshteina v razvitiy otechestvennoi psikhologicheskoi nauki. Diss. kand. psikh. nauk [The Role of N.A. Bernstein's research in the development of Russian psychology]. Moscow: MGU, 1989. 126 p.
15. Sirotkina I.E. N. A. Bernshtein: gody do i posle "Pavlovskoi sessii" [N.A. Bernstein: years before and after the "Pav-

## For citation:

Sirotkina I.Ye. Futurist in Physiology: In Celebration of the 120th Birthday of Nikolai Aleksandrovich Bernstein. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 39–47. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120404

\* Sirotkina Irina Yevgenyevna, PhD in Psychology, leading research fellow, Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: isiro1@yandex.ru

lovian Session”]. In Yaroshevsky M. G. (ed.) *Repressirovannaya nauka: v 2-kh tomakh* [Repressed science]. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1991, pp. 319–326.

16. Feigenberg I.M. Videt’—predvidet’—deistvovat’ [To see — to foresaw — to act]. Moscow: Znanie, 1986. 159 p.

17. Feigenberg I.M. Nikolai Bernshtein: ot refleksa k modeli budushchego [Nikolai Bernstein: from the reflex towards the model of the future]. Moscow: Smysl, 2004. 239 p.

18. Agarwal G.C., Gottlieb G.L. Control Theory and Cybernetic Aspects of Motor Systems. In Whiting H.T.A. (ed.) *Human Motor Action: Bernstein Reassessed*. Amsterdam etc.: Elsevier, 1984, pp. 563–570.

19. Bertoz A., Petit J.-L. The Physiology and Phenomenology of Action. Transl. by C. Macana. Oxford: Oxford University Press, 2008. 298 p.

20. Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. London: Heinemann, 1983. 440 p.

21. James W. The Principles of Psychology; The Famous Long Course Complete and Unabridged. Vol. 2. New York etc.: Dover Publications, 1918. 688 p.

22. Breton A., Lacourière R. (dir.). Le revolver à cheveux blancs. Paris: Éditions des Cahiers libres; Imprimerie Union, 1932. 173 p.

23. Stuart S.A.J. Conscious machines: Memory, melody and muscular imagination. *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2010, no. 9, pp. 37–51.

24. Sirotkina, I.E., Biryukova, E.V. Futurism in physiology: Nikolai Bernstein, anticipation, and kinaesthetic imagination. In M. Nadin (ed.) *Anticipation: Learning from the Past. Cognitive systems monographs*. Heidelberg etc: Springer, 2015, pp. 269–285.

25. Stuart S.A.J. From agency to apperception: through kinaesthesia to cognition and creation. *Ethics and Information Technology*, 2008, no. 10, pp. 255–264.

26. Reynolds D. *Rhythmic Subjects: Uses of Energy in the Dances of Mary Wigman, Martha Graham and Merce Cunningham*. London: Dance Books, 2007. 316 p.

27. Guillot A. (eds.) *The Neurillogical Foundations of Mental and Motor Imagery*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 320 p.

28. Sheets-Johnstone M. *The Phenomenology of Dance*. London: Dance Books, 1979. 158 p.



# Принципы физиологии активности Н.А. Бернштейна в психологии восприятия и внимания: проблемы и перспективы

**М.В. Фаликман\***,

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, ИОН РАНХиГС, Москва, Россия,  
*maria.falikman@gmail.com*

**Е.В. Печенкова\*\***,

ООО «НИИ нейропсихологии письма и речи», Москва, Россия,  
*evp@virtualcoglab.org*

В статье рассматривается роль и место творческого наследия Н.А. Бернштейна в становлении отечественных исследований зрительного восприятия и внимания, начиная с 1960-х гг. Анализируется, как в этих исследованиях происходило заимствование четырех групп представлений из биокibernетики Н.А. Бернштейна: во-первых, это метафора построения движения; во-вторых, понятие задачи; в-третьих, идея уровневой (иерархической) строения двигательного акта; наконец, в-четвертых, принцип обратной связи, или кольцевой регуляции двигательного акта. Обсуждаются разработанные современными российскими исследователями и основанные на представлениях Н.А. Бернштейна уровневые концепции восприятия и внимания. Проводятся аналогии между идеями отечественных психологов восприятия, прямо основанными на положениях концепции Н.А. Бернштейна, и актуальными представлениями о регуляции перцептивной активности, существующими в рамках европейской и американской когнитивной нейропсихологии и современной нейронауки, такими как взаимодействие восходящих и нисходящих процессов переработки информации в зрительной системе и гипотеза предсказывающего кодирования. Статью завершает обсуждение возможностей эмпирической проверки моделей восприятия и зрительного внимания, в основу которых легло заимствование идей Бернштейна, с помощью современных методов когнитивной науки.

**Ключевые слова:** Н.А. Бернштейн, восприятие, внимание, задача, построение движения, построение образа, кольцевая регуляция, уровневая организация.

## 1. Влияние работ Н.А. Бернштейна на психологию восприятия и внимания: к истории вопроса.

Творческое наследие Н.А. Бернштейна сыграло важную роль в исследованиях восприятия и внимания в отечественной психологии. Преломление принципов физиологии активности сквозь призму отечественной психологической теории, на наш взгляд — не только дань традиции рассматривать любой психический процесс в контексте теории деятельности (и, следовательно, проводить параллели между двигательной и познавательной активностью), но и отра-

жение реальной востребованности принципов биокibernетики в когнитивных исследованиях.

Если теория информации, берущая свое начало в работах К. Шеннона, сразу стала широко использоваться и осмысляться в когнитивной психологии, то кибернетика, или наука об управлении, в большей степени была востребована исследователями движения, а не познания. Поэтому проникновение в психологию познания идей кибернетики было вторичным и происходило во многом благодаря аналогии между восприятием и движением. Если восприятие (как, на-

### Для цитаты:

*Фаликман М.В., Печенкова Е.В.* Принципы физиологии активности Н.А. Бернштейна в психологии восприятия и внимания: проблемы и перспективы // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 48–66. doi:10.17759/chp.2016120405

\* *Фаликман Мария Вячеславовна*, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВПО НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник, факультет психологии, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Россия. E-mail: maria.falikman@gmail.com

\*\* *Печенкова Екатерина Васильевна*, кандидат психологических наук, ведущий специалист, ООО «НИИ нейропсихологии письма и речи», Москва, Россия. E-mail: evp@virtualcoglab.org

пример, в работах А.В. Запорожца [21]) или перцептивное внимание (как в работах У. Найссера [32]) начинает рассматриваться как перцептивное действие, то закономерным образом встает вопрос о регуляции такого действия. Как следствие, принципы регуляции процессов восприятия в современных когнитивных архитектурах тоже во многом заимствуются из моделей построения двигательного акта. И если, как указывает С. Келсоу, сам Н.А. Бернштейн в поздних работах писал, что «медовый месяц» междисциплинарного сотрудничества физиологии и кибернетики подходит к концу [79, р. 205], то психологии познания и когнитивной науке в целом, возможно, еще только предстоит его пережить.

В отечественной психологии познания процесс заимствования представлений из физиологии движения отчетливо прослеживается и отрефлексирован самими учеными. Степень влияния работ Н.А. Бернштейна на отечественных психологов, на первый взгляд, кажется неожиданной. Даже С.Л. Рубинштейн сходил в мнении со своими научными оппонентами А.Н. Леонтьевым и А.Р. Лурией, что физиология Н.А. Бернштейна лучше всего отвечает нуждам психологии [38]. Для психологов оказалось крайне важно, что Бернштейн строил именно *физиологию* активности, так как это выводило психологию из старинной ловушки Декарта, противопоставившего активной душе реактивную машину тела. Функционирование такой «машины» хорошо описывалось в терминах физиологии Павлова, однако не давало адекватной физиологической основы для объяснения фактов активности психики и, в частности, познания. Активный характер восприятия, памяти, воображения было крайне затруднительно обосновать представлением о мозге как реактивной системе [подробнее см.: 49].

Как отмечает И.Е. Сироткина [37], воздействие идей Н.А. Бернштейна на психологию можно проследить по трем основным направлениям. Во-первых, это использование положений его исследовательской программы в качестве метафор — прежде всего речь идет о метафоре «построения образа», сложившейся вследствие переноса представлений Бернштейна о построении движения на материал зрительного восприятия человека (например, в контексте гипотезы уподобления). Строго говоря, сама по себе идея конструктивного характера восприятия звучала в работах Бернштейна в форме представления об активном *моделировании* мозгом внешнего мира с учетом вновь поступающей информации. Во-вторых, это прямой перенос моделей, созданных Бернштейном, на психологический материал: прежде всего это касается представлений о задаче и об уровнях построения движения. Наконец, в-третьих, это методологические работы, в которых положения концепции Бернштейна синтезируются с понятиями психологии, результатом чего становится новый синтетический понятийный аппарат, применимый к анализу психики [9; 24; 39]. Особое место здесь занимает категория активности [обсуждение см.: 37; 48; 49]. При этом о формировании школы Н.А. Бернштейна в психоло-

гии, в отличие от биомеханики и физиологии движений, как убедительно показывает И.Е. Сироткина [37], говорить нельзя.

Н.А. Бернштейн был не единственным физиологом, поставившим во главу угла понятие активности. На мировоззрение отечественных психологов и психофизиологов оказала влияние и теория функциональных систем П.К. Анохина, положения которой во многом перекликаются с идеями физиологии активности [2] [обсуждение см.: 1]. Пожалуй, только А.Р. Лурия при разработке теории системно-динамической локализации высших психических функций сумел синтезировать идеи обоих великих физиологов [28], однако для других психологов оказывался близким, как правило, только какой-то один вариант описания организации двигательных актов: либо по Н.А. Бернштейну, либо по П.К. Анохину. Под влияние Бернштейна попали преимущественно психологи Московского университета. По свидетельствам современников, даже ключевое для своей работы понятие функционального органа А.Н. Леонтьев воспринял не непосредственно из работ А.А. Ухтомского, а через Н.А. Бернштейна [подробнее см.: 25; 41]. Опираясь на работы Бернштейна, строили свою систему представлений об организации движений глаз Ю.Б. Гиппенрейтер [15] и В.В. Любимов [30]. Но работавший в то же время в Институте психологии РАН В.А. Барабанщиков при разработке своего подхода к восприятию опирался на теорию функциональных систем П.К. Анохина [например: 5].

Однако у физиологии активности Н.А. Бернштейна [6; 7] есть ряд принципиальных отличий от теории функциональных систем: прежде всего, это представление о *построении* двигательного акта и проработка вопроса об уровневой природе его регуляции. Согласно предложенному им подходу, движение как процесс решения двигательной *задачи* строится на нескольких *уровнях*, иначе говоря, обеспечивается несколькими «этажами» иерархических структур центральной нервной системы, от более простых и древних до более сложных, развитых только у человека. Уровни построения движения — это не уровни, на которых движение реализуется как таковое, а уровни, на которых оно *корректируется* в процессе выполнения в соответствии с получаемой информацией о ходе его реализации. Коррективы осуществляются за счет того, что у человека есть информация о *необходимых* характеристиках движения, определяемых его *программой*, и информация о состоянии движущегося организма и окружающей среды в данный момент (обратная афферентация). Нижний из пяти уровней сенсорных коррекций (А) участвует в любом движении. Самый верхний (Е) участвует в осуществлении так называемых «символических» двигательных актов наподобие письма или речи, а в других двигательных актах обычно не востребован.

Практически в любом движении задействованы сразу несколько уровней, верхний из которых выполняет функции *ведущего уровня*: он соответствует смыслу задачи и несет наиболее существенную в ее контексте информацию, прямо необходимую для ее

решения. Именно задача («смысловая сторона движения») определяет, какой из уровней станет в построении движения ведущим. Нижележащие вспомогательные «фоновые» уровни не связаны прямо с содержанием задачи и обеспечивают отдельные аспекты ее выполнения. Если задача требует точных и метких движений (как, например, бросок в цель), то ведущим станет уровень пространственного поля (С). Однако очевидно, что осуществить бросок ослабленной рукой невозможно, а значит, будет требован и уровень А, отвечающий за поддержание тонуса мышц, и что для броска потребуются скоординированная работа отдельных мышц, за которую отвечает уровень синергий, или мышечно-суставных узвязок (В). Большинство же осуществляемых человеком действий регулируется на уровне предметных действий (D) и выстраивается в соответствии с логикой культурных предметов<sup>1</sup>.

Внешне одинаковые движения могут строиться на различных уровнях, и при этом в сознании человека будут представлены только те аспекты движения, которые регулируются на ведущем уровне, но не на фоновых уровнях. В более новых отечественных работах, развивающих взгляды Бернштейна, ведущему уровню организации деятельности при построении движений также, по сути, приписываются функции внимания: *селекция* релевантной афферентации и ее *усиление* [31].

В работах отечественных исследователей восприятия и внимания можно проследить заимствование четырех групп представлений из биокибернетики Н.А. Бернштейна: это метафора построения движений, понятие задачи, идея уровневого строения двигательного акта и принцип обратной связи, т. е. противопоставление традиционной рефлекторной дуге так называемого «рефлекторного кольца». Ниже мы рассмотрим, каким образом осуществлялось это заимствование, и для некоторых представлений по возможности проведем параллели с аналогичными идеями, которые заимствовались зарубежными когнитивными психологами из кибернетики, в том числе из работ ее основателя Н. Винера [12]: прежде всего это идея регуляции конструктивных процессов по принципу обратной связи. Мы также кратко рассмотрим заимствование в зарубежной психологии восприятия идей, сформулированных в вышедшей в 1967 г. на английском языке книге Н.А. Бернштейна «Co-ordination and Regulation of Movements» [52] и ставших предметом обсуждения в нескольких западных коллективных монографиях по проблемам управления движением 1980-х — 1990-х гг. [82; 104]. По-видимому, в этом случае заимствование осуществлялось независимо от процессов, происходивших в отечественной психологии восприятия. Психологами, относящимися главным образом к сторонникам экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона

[13], были восприняты и переработаны идеи об общей репрезентативной основе восприятия и движения, о роли восприятия в регуляции движения и о координации движения как наложения ограничений на его степени свободы.

**2. Метафоры «построения движения» и «построения образа».** В советской и затем российской психологии под влиянием концептуальной метафоры «построения движения» [6] важное место заняла метафора «построения образа». В одних работах она просто подчеркивает активный, конструктивный характер восприятия человека. Например, это работы С.Д. Смирнова, не только детально проработавшего эту метафору в применении к зрительному восприятию [39; 40], но и наметившего переход от построения образа воспринимаемого объекта к выстраиванию «образа мира». Как отмечает сам С.Д. Смирнов, «... построение образа внешней реальности есть прежде всего и главным образом актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и лишь во-вторых это есть процесс уточнения, исправления, обогащения или даже радикальной перестройки актуализированной части картины мира или образа мира в целом» [40, с. 25]. В других работах метафора «построения образа» также задает понимание восприятия как процесса *моделирования* внешних объектов [например: 23] и *манипулирования* созданными моделями, что позволяет установить прямую связку между восприятием и перцептивным воображением [37] (см. также статью И.Е. Сироткиной в данном номере). Это представление о восприятии подкреплялось целой серией исследований, посвященных «перцептивным действиям» — свернутым внутренним актам, которые постепенно формируются на основе исходных ориентировочных действий человека, развернуто протекающих во внешнем плане и включающих реальное движение эффекторов (например, головы, рук, глаз), а после интериоризации представлены движением «внимания по полю восприятия» [21, с. 44].

В когнитивной психологии восприятия идею «построения» или «конструирования» перцептивного образа развивал прежде всего Р. Грегори, книги которого начали издаваться на русском языке в начале 1970-х гг [см. резюме его многолетних исследований: 72]. В качестве центрального звена процесса восприятия Р. Грегори рассматривал проверку гипотез, которые зрительная система «выдвигает» относительно содержания текущего воздействия на органы чувств. Поскольку сетчаточное изображение, во-первых, по определению неоднозначно, а во-вторых, не содержит информации обо всех жизненно важных свойствах воспринимаемого объекта, необходимо предсказание этих свойств, чтобы субъект мог как можно быстрее отреагировать на воздействие. Именно для этого и нужны перцептивные гипотезы. Если прошлый опыт

<sup>1</sup> Отметим, что, благодаря выделению этой особенности человеческих действий, возникает, с одной стороны, перекличка подхода Бернштейна с культурно-исторической психологией Л.С. Выготского, а с другой стороны, — с экологической оптикой Дж. Гибсона с ее центральным понятием «возможностей».

субъекта соответствует ситуации, в которой он применяется, гипотезы обычно верны и обеспечивают адекватный ответ. Иначе возникают систематические ошибки восприятия, или так называемые «когнитивные» иллюзии (в отечественной традиции их обозначают как предметные). Согласно модели Р. Грегори, с одной стороны, в процессе восприятия происходит отбор гипотез в соответствии с обратной связью (*feedback*) от получаемого опыта. Гипотезы могут отбрасываться, а знания субъекта корректироваться. Однако отбираются такие гипотезы, которые обеспечивают внутреннюю непротиворечивость образа. Результаты обработки зрительного сигнала не просто передаются на вышележащие уровни зрительной системы, но и модулируются в ходе итеративных сопоставлений с перцептивной гипотезой. В этом и состоит причина когнитивных иллюзий: в случае несоответствия между знаниями субъекта и ситуацией их применения образ может оказаться «ошибочным».

В том же направлении мыслил У. Найссер [32], предлагая модель «перцептивного цикла», где восприятие выступает как активный процесс непрерывного переобследования окружающего мира, в процессе которого уточняется схема (репрезентация) объекта или ситуации. В свою очередь, обследование направляется уже имеющимися схемами, которые дают перцептивной системе возможность предсказать поведение объектов на основе прошлого и актуально получаемого опыта. Как и в теории Р. Грегори, в модели перцептивного цикла основным является принцип предвосхищения, или, по У. Джемсу [76], «преперцепции» того, что должно быть воспринято. Идею построения представления о среде и содержащихся в ней объектах на основе схем Найссер дополняет принципом встроенности когнитивных схем, что, в свою очередь, открывает дополнительную возможность изучения влияния более крупных схем на восприятие объектов, соответствующих подчиненным схемам.

Представление о «преперцепции» как основе «перцептивного кольца управления» [16; 17], также восходящее к трудам У. Джемса [76], в полной мере реализовалось в направлении современных исследований, складывающихся вокруг понятия предсказывающего (прогнозирующего) кодирования (*predictive coding*). Основы этого подхода, во многом перекликающегося с представлениями И.М. Фейгенберга о вероятностном прогнозировании [49; 50], были заложены в 1980-х гг. в работах по ранним этапам зрения [98], однако резко набирать популярность в исследованиях восприятия человека он начал в 2010-х гг.<sup>2</sup> [см., например: 90; 91 и др.], а к настоящему времени его предлагается рассматривать уже не как способ описания зрительного восприятия, а как универсальную когнитивную архитектуру [97], а также наиболее общее представление о принципах работы человеческого мозга [56].

Восприятие для представителей данного подхода носит принципиально конструктивный характер, поскольку итоговый перцептивный образ строится на основе предвосхищения. Теоретики предсказывающего кодирования как основного принципа работы мозга в ходе восприятия предполагают, что восприятие представляет собой осуществляемый в коре головного мозга *многоуровневый процесс согласования репрезентаций и предсказаний относительно сенсорного входа* [81]. Динамика нервных процессов в мозге направлена на минимизацию «ошибки прогнозирования» — несовпадения предсказания и сенсорных данных, для которого ищутся специальные нервные маркеры [например: 53].

Сторонники теории предсказывающего кодирования, в частности, продемонстрировали, что механизмы, сходные с теми, которые приводят к возникновению когнитивных иллюзий, могут стоять и за установлением будущей пространственной позиции движущегося объекта. По мнению П. Каванаха, эта позиция *конструируется* наблюдателем на основе его предыдущих оценок и при этом значительно расходится с перенаправлением взгляда при перемещении объекта [84], порождая целый ряд зрительных иллюзий, состоящих в субъективном смещении зрительно воспринимаемых объектов [55; 105]. При этом определяющую роль в экстраполяции будущей пространственной позиции объекта играет произвольное направление внимания, модулирующее иллюзии смещения этой позиции [100].

Любопытно, что, несмотря на близость идей, выдвигавшихся теоретиками конструктивного подхода к восприятию в отечественной и зарубежной психологии, их отношение к идеям самого Н.А. Бернштейна оказалось различным. В западной когнитивной психологии на работы Бернштейна обратили внимание не столько конструктивисты, сколько их оппоненты — сторонники экологического подхода к зрительному восприятию, в разработке и расширении которого видел свою задачу и У. Найссер [32], настаивавший на комплементарности конструктивистской теории «перцептивного цикла» и экологической оптики Дж. Гибсона [13]. Как указывали М. Тервей и П. Каглер [101], предложившие единую концепцию восприятия и действия в русле экологического подхода, для них оказались важны идеи Н.А. Бернштейна о том, что восприятие в первую очередь выполняет функцию регуляции движений животного и человека в окружающей среде и потому должно быть максимально объективным, поддерживать контакт субъекта с реальностью и носить предвосхищающий характер. С их точки зрения, в этом отношении Бернштейн был солидарен с основателем экологического подхода Дж. Гибсоном, настаивавшем на непосредственном характере зрительного восприятия и отнесившем к главным содержаниям зрительного восприятия локомоторные и предметные возможности

<sup>2</sup> По данным архивно-поисковой системы PubMed Central (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed>), только с 2014 г. вышло около 200 эмпирических и теоретических работ, так или иначе затрагивающих проблематику «предсказывающего кодирования».



(*affordances*), которые открываются перед субъектом при движении в окружающей среде [13].

В когнитивной психологии можно также обнаружить следы заимствования тезиса Н.А. Бернштейна о координации движения как наложении ограничений на избыточные степени его свободы. Например, Й. Сметс и Э. Бреннер в исследовании зрительного восприятия скорости перемещения и положения объекта и моторной реакции на движущийся объект основывались на предположении, что координация перцептивного процесса также предполагает наложение ограничений на степени свободы отдельных его составляющих таким образом, чтобы результирующий образ соответствовал стоящей перед испытуемым задаче [94]. Этому предположению, однако, противоречили полученные ими экспериментальные результаты, свидетельствующие о независимой регуляции скорости и траектории движения руки на основе двух различных перцептивных переменных. Аналогично А.М. Уильямс с коллегами [106] и вслед за ним Дж. Лим [83] предлагают рассматривать формирование различных стратегий зрительного поиска по аналогии с построением движений и описывать, как на этот процесс влияют различные группы ограничений, связанных с условиями и требованиями выполняемой задачи или же характеристиками самого субъекта.

### 3. Понятие двигательной и перцептивной задачи.

Н.А. Бернштейн рассматривал построение движения как процесс решения «двигательной задачи», и понятие задачи стало основополагающим для физиологии активности [обсуждение см.: 3; 37]. Под влиянием работ Бернштейна это понятие стало одним из ключевых и в экспериментальной психологии познания, развивавшейся в рамках психологической теории деятельности — в частности породив такие исследовательские направления, как «психофизика сенсорных задач» [4] и «подход к перцептивным процессам как процессам решения задач» [15, с. 72]. В отношении зрительного восприятия первоначально речь шла о задачах, при выполнении которых человек осуществляет движения глаз, т. е. проявляет внешне наблюдаемую двигательную активность, и лишь затем была сделана попытка обобщить представление о перцептивных задачах по отношению к более широкому кругу явлений.

В деятельностном подходе задача определяется как «цель, данная в определенных условиях» [26, с. 107], а цель выступает как осознанный образ будущего ре-

зультата действия. Согласно общему определению, «зрительные задачи возникают в связи с постановкой зрительных перцептивных целей» [15, с. 13]. Применение этих понятий к процессам восприятия содержит в себе неявное допущение о том, что при выполнении перцептивных задач еще до возникновения собственно образа восприятия у человека имеется некоторый осознанный, хотя и нечеткий образ продукта перцептивной деятельности, предвосхищающий последующий образ восприятия в некоторых аспектах.

Разрабатывая это направление в отношении зрительных и кроссмодальных задач «на внимание», мы определили их как такие перцептивные задачи, для успешного выполнения которых оказывается недостаточно применяемых субъектом автоматизированных средств решения. Далее мы предположили, что при выполнении таких задач ведущую роль играет субъективная стратегия выполнения перцептивных задач, которая представляет собой осознанный способ построения или применения человеком системы средств решения задачи [34]. Стратегия вырабатывается субъектом с целью повышения продуктивности перцептивной деятельности, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено как «эффект внимания» [ср.: 17]. Мы высказали гипотезу о том, что создание и применение стратегии предполагает петлю *обратной связи* на уровне, надстраиваемом над тем, где формируется соответствующий задаче перцептивный образ (решена или не решена задача). Если диктуемая стратегией организация системы средств вновь и вновь не ведет к решению задачи, субъект должен ее изменить<sup>3</sup>.

Понятие задачи (*task*), наряду с понятиями установки, связанной с задачей (*task set*), и переключения задачи (*task switch*), в последние десятилетия стало широко использоваться в современных экспериментально-психологических и нейрофизиологических исследованиях восприятия и внимания [например: 65; 85]. В 2014 г. этот интерес ознаменовался выходом междисциплинарной коллективной монографии «Переключение задач и когнитивный контроль» [70], где в качестве одной из центральных проблем в обсуждении процесса управления решением перцептивной задачи ставится «дилемма гибкости—стабильности» [69], которая заключается в том, что, с одной стороны, система должна закреплять ответы на неизменные и повторяющиеся сочетания воздействия и задачи, чтобы давать ответ как можно быстрее (именно эту сторону дилеммы отражают инерционные эффекты установки при переключе-

<sup>3</sup> Предложенное нами понимание стратегии несколько отличается от принятого в когнитивной психологии, где наиболее распространено описание стратегии как общего способа работы со стимуляцией, планомерно осуществляемого в ряде последовательных попыток решения задачи, безотносительно к осознанному или неосознанному характеру этого способа [например: 8]. Дж. Сперлинг определяет стратегию в решении задач на внимание как «выбор и упорядочивание (субъектом) умственных операций при выполнении задачи» [96, р. 2–3], или для ситуации распределения внимания между двумя задачами, «... выбор, посредством которого субъект... попадает в конкретную точку рабочей характеристики» [95, р. 151]. Иными словами, стратегия сводится к правилу, с опорой на которое человек делает данный выбор. Конечная цель такого выбора — оптимизация поведения с учетом требований задачи и собственных внутренних ограничений субъекта. В тех случаях, когда стратегия не может быть реконструирована на основе внешне наблюдаемого поведения субъекта, для ее выявления используются не прямые способы анализа данных — в частности, сопоставление выполнения задачи в условиях блочного и смешанного экспериментальных планов.

нии задачи), а с другой стороны, та же самая система должна быть способна к гибкой реконфигурации ответа, когда условия задачи меняются. К этой дилемме, по сути дела, обращался в свое время и Н.А. Бернштейн, описывая построение движения как проблему регулирования в живой системе [обсуждение см.: 31] и анализируя механизмы выработки двигательного навыка, который должен быть реализуемым в широком спектре условий.

Ближе к феноменологии когнитивного контроля оказывается разрабатываемое в современных когнитивных исследованиях объяснительное понятие «подготовка к задаче» (*task preparation*) [например: 60], которое в модели Н.А. Бернштейна можно было бы трактовать как создание программы, а в модели восприятия У. Найссера [32] — как выбор схемы, направляющей перцептивную активность. Опираясь, в том числе, на нейрофизиологические данные, исследователи склонны различать «активацию цели» (*task goal activation*), связанную со стратегией решения задачи и модулируемую контекстом ее предъявления, и «активацию правила» (*task rule activation*), не связанную со стратегией выполнения задачи и включающую знание испытуемого о типах стимулов и типах требуемых ответов, и тем самым соответствующую пониманию «объективной структуры задачи» в отечественной психологии [33; 34]. Показано, что эти два процесса имеют дифференцируемые мозговые корреляты, которые можно выявить, сопоставляя «подготовку к задаче» в тех случаях, когда вероятность изменения типа пробы в каждой очередной пробе невысока или же когда пробы меняются в случайном порядке [59; 60].

**4. Уровни построения движения и уровни регуляции перцептивного акта.** Метафора «построения образа» и представление о перцептивной задаче повлекли за собой перенос на психологический материал и моделей процесса решения двигательных задач, в частности, представлений об уровнях регуляции выполняемого действия и различения ведущего и фонового уровней в решении поставленной задачи. В качестве отправной точки стало обсуждаться положение о том, что «перцептивная задача», аналогично двигательной задаче по Бернштейну, влечет за собой разворачивание перцептивного действия на разных уровнях его организации, и лишь процессы, протекающие на одном из них, осознаются субъектом в форме текущего перцептивного образа.

Первые попытки перенести представления об уровнях построения движений на материал зрительного восприятия были связаны с анализом глазодвигательной активности. С.Д. Смирнов и Ю.Б. Гиппенрейтер регистрировали движения глаз испытуемого в то время как он выполнял одновременно две задачи — решал арифметический пример и прослеживал движение тестового объекта по экрану. Оказалось, что при усложнении примера меняется характер следящих движений глаз: от точных прослеживающих движений — к движениям, соответствующим скорости движения объекта, но без его динамической фик-

сации (глаза как бы смотрели мимо объекта), и к движениям, сохраняющим направление перемещения объекта, но отстающим от него по скорости. Авторы интерпретировали эти типы движений как результат изменения ведущего уровня построения движений глаз — от уровня С к уровню В и к уровню А по схеме Бернштейна [20]. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романов аналогичным образом рассмотрели уровни регуляции фиксации движений глаз [19], дальнейшие попытки построения уровневой типологии движений глаз предпринимал и В.В. Любимов [30].

Наиболее последовательно представления Н.А. Бернштейна об уровнях построения движения были ассимилированы Б.М. Величковским [11; 103], который рассматривает шесть уровней регуляции познавательной активности. Из них первые четыре относятся к сенсомоторным механизмам познания и прямо соотносятся с уровнями схемы Н.А. Бернштейна, а верхние два представляют собой механизмы символической координации. Каждому уровню Б.М. Величковский сопоставляет информацию, которая потенциально может быть представлена в сознании и использоваться для целенаправленной регуляции действий.

А. Уровень палеокинетических механизмов, предел осознания для которого — протопатическая чувствительность.

В. Уровень синергий: осознание ограничено проприоцепцией и контактной чувствительностью, для которой в качестве системы отсчета выступает собственное тело субъекта.

С. Уровень пространственного поля: к репертуару сенсорных коррекций добавляется дистантная чувствительность, а субъективный опыт представляет собой отражение окружающего мира с локализованными, но репрезентированными лишь в общих чертах объектами.

Д. Уровень предметных действий: на этом уровне доступно восприятие предметов и манипулирование с ними. Отдельные объекты могут оказаться в фокусе внимания.

Е. Уровень концептуальных структур обеспечивает межмодальную интеграцию, которая обеспечивает возможность категоризации объектов и событий и укрепляется развитием языка и культуры. Осознание на этом уровне выступает в форме традиционного субъективного опыта (сознания, как оно понималось в психологии с момента ее оформления как научной дисциплины).

Ф. Уровень метакогнитивных координаций стоит за «моделью психического», межличностным взаимодействием и обеспечивает возможность решения творческих задач, не имеющих заранее известного решения.

Четыре верхние уровня этой схемы воспроизводятся с небольшими модификациями (и без ссылок на работы Б.М. Величковского и тем более Н.А. Бернштейна) в одной из недавних попыток осмыслить восприятие произведений изобразительного искусства с позиций теории предсказывающего кодирования, для чего предлагается уровне-

вая схема, учитывающая не только биологические особенности зрительного восприятия, но и его социокультурный характер [80]. Понимание смысла произведения искусства рассматривается как минимизация «ошибки предсказания» в иерархии уровней, причем рассогласование на любом из уровней передается выше вплоть до категориального и ценностного уровней.

По сути, выделенные Б.М. Величковским уровни задают иерархию внутри той группы познавательных процессов, которые Л.М. Веккер [10] отнесил к собственно познавательным: ощущение–восприятие–мышление. Попытку выстроить уровневую классификацию для внимания, относящегося к процессам другой группы классификации Веккера — «сквозным» психическим процессам — предпринял И.С. Уточкин [44]. Он провел аналогию между функциями уровней построения движения по Бернштейну и функциями различных форм внимания в ходе решения перцептивных задач и попытался продемонстрировать, что механизмы решения задач на внимание имеют сложную иерархическую структуру. При выполнении «задач на внимание» субъект практически всегда задействует более чем один специальный механизм внимания, осуществляет отбор материала по нескольким основаниям. Тем самым человек снижает неопределенность условий задачи не в одном отношении, а сразу в нескольких, например, в пространстве, во времени и относительно характеристик целевого объекта. При этом одно из оснований отбора материала будет соответствовать ведущему уровню реализации задачи на внимание (и это основание будет осознаваться субъектом), а остальные — фоновым уровням. И.С. Уточкин выделяет пять уровней внимания.

1. Тонический уровень обеспечивает общую неспецифическую активацию организма. Обычно выступает в качестве фонового, поскольку определенная степень бодрствования нужна для решения любой задачи на внимание. Однако данный уровень может стать ведущим в задаче на постоянно поддерживаемое внимание (*sustained attention*) или при снижении общего уровня активации, когда поддержание бодрствования требует особых сознательных усилий.

2. Уровень бдительности, основная функция которого — обеспечение готовности отреагировать на значимые события. На этом уровне воздействия окружающей среды разделяются на значимые и незначимые.

3. Уровень пространственного внимания, обеспечивающий его перенаправление и отбор информации из определенного пространственного источника.

4. Уровень объектного внимания, который обеспечивает отбор, восприятие и запоминание целостных объектов и событий.

5. Уровень программирования и контроля, вовлеченный в планирование и управление процессами решения перцептивных задач, а также в обработку конфликтной информации.

В отличие от исходной модели уровней построения движения по Н.А. Бернштейну, для которой ха-

рактерна жесткая иерархия уровней, проявляющаяся в том, что ведущим является самый высокий из рекрутированных для построения заданного движения уровней сенсорных коррекций, и каждый вышележащий уровень осуществляет управление нижележащим, для гипотетических уровней регуляции познавательной активности, по Б.М. Величковскому [11; 103], и уровней внимания, по И.С. Уточкину [44], предполагается другая архитектура взаимосвязей. Она может быть обозначена как «гетерархия» [11; 22] или «нежесткая иерархия» [44]. Уровни оказываются достаточно автономными, не обязательно подключаются к решению задачи в прямом порядке от низшего к высшему, и каждый из уровней, в том числе и не самый высокий из задействованных при решении задачи, может взять на себя роль ведущего. Вместо жесткой иерархии подобные архитектуры предполагают «постоянные реципрокные взаимоотношения и обратные связи, посредством которых биологически предзаданные механизмы взаимодействуют с более высокими уровнями зрительной системы, модифицируемыми под влиянием культуры» [80].

Как справедливо отмечает И.С. Уточкин [44], та же идея нежесткой иерархии уровней обнаруживается и в позднем варианте теории уровней обработки информации Ф. Крейка и Р. Локхарта [57]. В исходном же варианте, разработанном еще в начале 1970-х гг. [58], уровни выделяются в соответствии со специфическим кодом (признаком, подлежащим анализу и отчету), и предполагается, что более глубокие уровни обработки достигаются посредством прохождения через более поверхностные. Таким образом, осуществляется «восходящая» передача продуктов обработки информации с нижележащего уровня на вышележащий, что хорошо вписывалось в традиционное для когнитивной психологии представление о восходящих (*bottom-up*) и нисходящих (*top-down*) «потоках» передачи информации в когнитивной системе [обсуждение см.: 36].

Интересно, что представление о потоках информации между уровнями не имело большого значения для физиологии активности Н.А. Бернштейна и не было в ней детально проработано. В его модели «нисходящие» процессы представляют собой «раздачу» блоков программы выполняемого движения по задающим приборам разных уровней, а «восходящие» — формирование различных сенсорных синтезов, необходимых для осуществления обратной афферентации. Однако для когнитивной психологии это различие оказывается очень существенным. В контексте информационного подхода к познанию, основанного на компьютерной метафоре, два потока рассматриваются как «концептуально ведомая» (или ведомая схемами) переработка информации и как «переработка, ведомая данными» [87]. А в работах, опирающихся на биологически ориентированные метафоры познания и анализирующих каждый психический процесс в связке с его мозговым субстратом, предполагается, что по восходящей линии осуществляется передача информации от глубинных струк-

тур к специализированным первичным сенсорным зонам коры больших полушарий головного мозга и далее, а по нисходящей — в обратном направлении, т. е. от лобных долей коры, задействованных в регуляторных процессах, к нижележащим структурам [см., например: 74].

Как мы уже отмечали [36], в когнитивной психологии и нейронауке при обсуждении восходящего и нисходящего потоков передачи информации обычно не проводится различия между самими высокоуровневыми и низкоуровневыми процессами и их *влиянием* на работу вышележащих и нижележащих уровней. Однако восходящие и нисходящие процессы обработки информации могут либо прямо определять содержание образа, либо оказывать модулирующее влияние на другие процессы, т. е. быть квалифицированы как восходящие или нисходящие влияния. В последнем случае характеристики стимула или самого познающего субъекта (прежде всего его прошлый опыт и актуальное состояние системы памяти) меняют ход выполнения задачи, эффективность системы переработки информации при ее выполнении или формальные, в том числе пространственно-временные, свойства образа. Примером проявления высокоуровневых процессов может служить изменение под влиянием контекста перцептивной гипотезы и соответствующего содержания образа при актуализации схемы букв или цифр для неоднозначных знаков, как, например, буква «В» или цифра «13» в известной демонстрации феномена перцептивной установки [54] или же символ «О». Примером нисходящих влияний может служить изменение механизма зрительного поиска (последовательный или параллельный) этого неоднозначного символа среди множества букв или цифр в зависимости от интерпретации его как буквы «о» или цифры «ноль» [77]. Множество фактов, которые могут быть интерпретированы как нисходящие влияния на процессы переработки информации, описано в работах, посвященных «эффекту превосходства слова». Актуализированная схема слова может оказывать влияние на эффективность и скорость опознавания составляющих его отдельных букв [см. обзор: 45], восприятие их порядка [88], восприятие одновременности или последовательности предъявления составляющих слово слогов [93], а также вероятность их осознания в условиях, провоцирующих «слепоту по невниманию» [51].

Процессы обоих типов — восходящие и нисходящие процессы обработки информации и восходящие и нисходящие влияния на обработку информации — получили развернутую концептуализацию в рамках такого направления, как психофизика повторно-входящих проводящих путей, основателем которого является Винсент Ди Лолло [61; 62; 63]. Развивая представления У. Найссера о циклическом процессе восприятия, В. Ди Лолло опирается на представления об архитектуре зрительной системы в головном мозге человека: каждый из модулей мозга, принимающих участие в зрительном восприятии, устроен так, что взаимодействие между нижележащими и вышележащими зонами коры никогда

не бывает односторонним, и если нижележащая зона посылает сигналы в вышележащую, то эта последняя также посылает сигналы обратной связи (уточняющие «запросы») в первую. Анатомически такая когнитивная архитектура становится возможной благодаря существованию так называемых повторно-входящих проводящих путей (*reentrant pathways*). Таким образом, в предлагаемой Ди Лолло модели нет уровней как таковых, наподобие тех, что выделяются в теории уровней обработки информации Ф. Крейка и Р. Локхарта [58], однако наличие уровней предполагается самим описанием процесса передачи информации с одного этапа обработки на другой с последующими «уточнениями» — итеративными запросами к предшествующим этапам переработки [ср.: 74]. Мы вернемся к этой теории в следующем разделе.

**5. Рефлекторное кольцо и многообразие обратных связей в перцептивной системе.** Помимо системы уровней построения движения, Н.А. Бернштейн описал механизм регуляции движений внутри каждого отдельного уровня, получивший название «рефлекторного кольца». Замыкая рефлекторную дугу в рефлекторное кольцо, он стремился подчеркнуть, что основной механизм регуляции движения — противодействие отклонению реального изменения афферентных сигналов о состоянии рабочей точки от изменения, задаваемого программой. И.Е. Сироткина [37] высказывает гипотезу, что в исследовательской программе самого Н.А. Бернштейна понятие рефлекторного кольца играло менее важную роль, чем ему склонны приписывать, и использовалось преимущественно в полемической функции. Однако в психологии представление о регуляторном «кольце» было, по меньшей мере, востребованным. Так, Ю.Б. Гиппенрейтер считает необходимым как можно точнее прописать этот механизм и даже предлагает развернутую схему иерархии «рефлекторных колец» (рис. 1), которая была лишь на словах намечена в работах Бернштейна [18].

Идея кольцевой регуляции перцептивных процессов по аналогии с моторными крайне заманчива для психологов, и на первый взгляд можно легко провести аналогию между перцептивным циклом Найссера [32] и «рефлекторным кольцом» Бернштейна [7]. Однако такая возможность обманчива, поскольку в восприятии, как правило, отсутствует очевидный аналог рабочей точки и эффектора. Выявить «исполнительный орган», осуществляющий процессы восприятия, оказывается проблематично: не определена природа ни производимых в ходе перцептивного действия изменений, ни средств, участвующих в формировании перцептивного образа. Таким образом, при построении модели регуляции перцептивного акта выпадает одно из важнейших звеньев: неясно, функционирование чего подвергается регуляции и какие именно «коррекции» необходимы для достижения цели. Чтобы аналогия стала возможной, можно пойти несколькими путями.



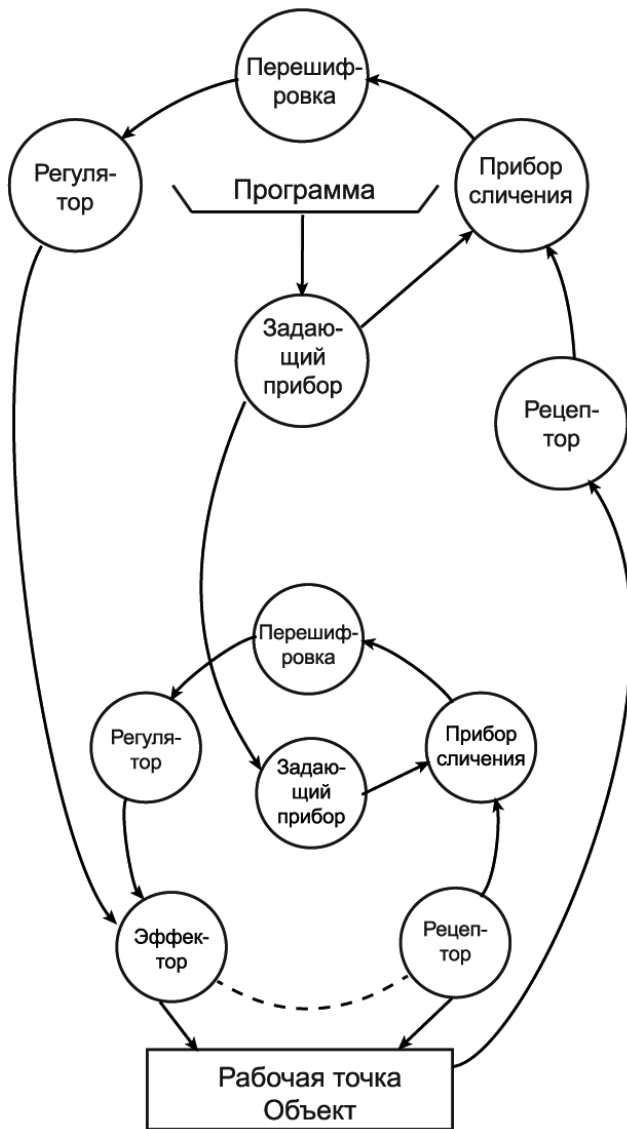


Рис. 1. Гипотетическая иерархия «рефлекторных колец» Н.А. Бернштейна по Ю.Б. Гиппенрейтер [приведено по: 18]

Во-первых, можно рассматривать только такие процессы восприятия, в которые очевидным образом включены внешне регистрируемые движения — движения руки при тактильном восприятии, движения глаз при зрительном. Именно этот путь избрали Ю.Б. Гиппенрейтер [15] и ее коллеги, рассматривая глазодвигательные задачи, содержащие двигательный компонент и предполагающие осуществление регуляции соответствующих движений. Как уже отмечалось выше, для таких задач удалось проследить уровневую организацию процесса их решения [19; 20].

Во-вторых, можно найти гипотетический аналог эффектора при свернутых процессах. Например, как уже отмечалось, это могут быть «движения внимания по полю восприятия» [21, с. 44], в когнитивной психологии и нейронауке изучавшиеся в контексте «премоторных» теорий внимания [92]. Или же необходимо допустить, что в рабочей точке «перцептивного кольца» в ходе каждого цикла происходит некоторое последовательное изменение репрезентации внешнего мира. Это допущение позволяет, в частности, обратиться к фе-

номенологии перцептивных конфликтов, когда образ постепенно меняется «на глазах» [43], или восприятия неоднозначных объектов, когда в одной пробе воспринимается одно из возможных предметных содержаний, а в другой — другое. Можно также предположить, что «рабочая точка» может находиться в структуре, ответственной за хранение и преобразование репрезентаций, имеющих отношение к перцептивной или иной задаче, т. е. в рабочей памяти [35]. Аналогичный ход фактически осуществляет и У. Найссер, включая в «перцептивный цикл» схему для сбора информации, которая служит одновременно и аналогом программы движения в рефлекторном кольце, и его рабочей точкой [32].

В то время как поиск аналогов эффектора в восприятии практически не выходит за пределы теоретизирования, существуют научные проблемы, для решения которых перенос идеи кольцевой регуляции на перцептивные процессы может оказаться крайне эвристичным. К их числу относится один из «вечных» вопросов психологии познания о его структурных единицах [подробнее см.: 47].

Уже из самого предположения о существовании «рефлекторного кольца» следует, что обратная связь должна осуществляться с какой-то частотой, которая будет определять «квантование» производимых сенсорных коррекций движения на каждом из уровней. Аналогичным образом возникает вопрос и о «квантовании» перцептивного акта — частоте обновления отдельных параметров перцептивного образа или же периода времени, в течение которого человек может быть внимателен к стимулу. Согласно гипотезе Ю.Б. Гиппенрейтер, опять же выдвинутой с опорой на представления, заимствованные у Н.А. Бернштейна, внимание можно рассматривать как «феноменальное и продуктивное проявление работы ведущего уровня организации деятельности» [17, с. 172]. А единицы объема внимания в таком случае, предположительно, соответствуют «порциям или блокам программы на “задающем приборе” ведущего уровня» [там же, с. 175]. Эти единицы Ю.Б. Гиппенрейтер называет «квантами» внимания [16].

Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романову удалось найти объективный индикатор, который оказался чувствительным к структуре перцептивной деятельности испытуемого в ходе решения задачи [19] и, соответственно, к величине структурных единиц, которыми человек оперирует при ее решении. Им оказался один из видов микродвижений глаз — фиксационный опто-кинетический нистагм (ФОН). Он возникает в том случае, если субъект пытается удержать взглядом точку фиксации на движущемся фоне. Во время дрейфа положение глаза отклоняется от точки фиксации, а последующая микросаккада осуществляет коррекцию. Возможность использования циклов ФОН как индикатора «квантов» внимания, понимаемых как единицы целенаправленной деятельности, была проверена Ю.Б. Гиппенрейтер и коллегами на широком круге задач, которые могли выполняться одновременно с задачей удержания точки фиксации: графических, слуховых, мнемических [14].

Хотя Ю.Б. Гиппенрейтер предположила, что выявленные единицы отражают «кванты» именно зри-

тельного внимания, проверка этого предположения для зрительных и глазодвигательных задач, т. е. на материале собственно зрительного внимания, оказалась затруднена в силу природы самой методики регистрации ФОКН. Предложенный подход также не позволяет ответить на вопрос, почему объем зрительного внимания человека ограничен определенным количеством объектов или иных одновременно воспринимаемых структурных единиц. Однако такой подход дает хорошую возможность для изучения динамики зрительного внимания.

Идея кольцевой организации и «квантов» обработки зрительной информации присутствует в упомянутой выше теории повторно-входящих проводящих путей. Ранний вариант этой модели процессов обработки информации в зрительной системе — «теория замещения объекта» [61; 64; 66] — был направлен на объяснение особых форм зрительной маскировки: метаконтрастной и четырехточечной маскировки, а также маскировки по типу общего появления. В случае метаконтрастной маскировки вслед за целевым стимулом предъявляется маска, которая не перекрывает его, но имеет с ним общие контуры (внешний для целевого объекта и внутренний для маски). В случае четырехточечной маскировки маска представляет собой четыре точки по углам прямоугольника, в который он вписан. При этом в случае классической метаконтрастной маскировки маска предъявляется после целевого стимула. В случае маскировки по типу общего появления метаконтрастная или же четырехточечная маска предъявляется одновременно с целевым стимулом и исчезает раньше него. Теория замещения объекта предполагает, что восприятие осуществляется в результате серии итеративных сравнений восходящих сигналов, вызываемых исходным стимулом, и высокоуровневых кодов (в терминологии У. Найссера — «схем» [32]). Если внимание переключается на новый объект или область зрительного поля, сенсорный вход запускает новый цикл обработки по отношению к этому объекту или области зрительного поля.

Однако в случае перечисленных типов маскировки последующий стимул быстро сменяет предыдущий в том же месте в пространстве. Поэтому во время очередной итерации сравнения сенсорного входа с высокоуровневыми кодами может оказаться, что сенсорный вход содержит информацию уже не о том целевом стимуле, который инициировал процесс восприятия, а о том, который появился следом за ним. Таким образом, если процесс опознания был запущен целевым стимулом, но во время последующих итераций информация о целевом стимуле перестает поступать, а в обработку вовлекается информация о признаках маски, то, возможно, новым фокусом механизмов опознания объекта («внимания») станет именно маска, а не целевой стимул. В итоге воспринята (представлена в сознании и доступна вербальному отчету) будет только маска, а о целевом стимуле наблюдатель отчитаться не сможет — возникнет эффект маскировки.

Той же группой исследователей разрабатывается и вторая модель, дополнительная к теории замеще-

ния объекта и описывающая восходящие и нисходящие влияния на процессы обработки зрительной информации — теория реконфигурации перцептивной системы при переключении задачи [63; 78], при разработке которой авторы апеллируют к введенному У. Джеймсом [76] и упоминаемому нами выше понятию «идеационной подготовки» (преперцепции). Реконфигурация понимается как «... часть всеохватывающего, целенаправленного процесса, нацеленного на настройку зрительной системы на те атрибуты и характеристики поступающих стимулов, которые, скорее всего, полезны для решения задачи в данный момент» [78]. При этом зрительная система «... в любой отдельно взятый момент времени динамически перестраивается таким образом, чтобы текущая задача выполнялась оптимально» [63, с. 1080].

Степень, в которой система должна быть реконфигурирована (перенастроена в соответствии с текущей задачей), прямо зависит от связи или сходства между целевыми объектами, которые наблюдатель должен обнаружить или опознать последовательно либо одновременно, а также между операциями, необходимыми для их обработки (например, обнаружение либо опознание). Если эти объекты требуют разной обработки, реконфигурация перцептивной системы может привести к затруднениям в процессе решения задачи, в том числе к периодам «функциональной слепоты», когда испытуемый во время реконфигурации затрудняется в опознании появляющегося в этот момент очередного объекта [67]. Тем самым эти периоды, отражающие нисходящую регуляцию процесса решения перцептивной задачи, по сути, представляют собой окончание «квантов» внимания [47], связанное с завершением очередной порции программы на задающем приборе ведущего уровня организации деятельности в модели Ю.Б. Гиппенрейтер, основанной на теоретических представлениях Н.А. Бернштейна.

Теория повторно-входящих проводящих путей интересна тем, что в ней в явном виде проводится различие между двумя классами понятий, которые в когнитивной науке иногда смешиваются: а именно, между заимствованными из кибернетики понятиями прямой и обратной связи и пришедшими из нейронаук понятиями нисходящих и восходящих процессов в зрительной системе.

Отметим, что в англоязычной когнитивной психологии и нейронауке термины «прямая связь» (*feedforward*) и «обратная связь» (*feedback*) практически сразу перестали употребляться в контексте кибернетических представлений и приобрели чисто анатомический смысл. В 1960-х гг. Дональд МакКай [86] разрабатывал теорию когнитивного контроля и более узко — модель движений глаз, опираясь на работы К. Шеннона и Н. Винера. Он ввел представление о предвосхищающей прямой связи (*feedforward control*) и описал ее в управлении движениями и поведением как нисходящую с точки зрения анатомического субстрата. Однако широкое осмысление работ Хьюбела и Визеля, посвященных строению рецептивных полей в зрительной системе, и распро-

странение подхода, связанного с моделированием познания с помощью искусственных нейронных сетей, привели к тому, что как «прямые» и «обратные» связи (*feedforward vs. feedback connections*) стали обозначаться исключительно связи между нейронами, проводящие пути в мозговом субстрате, вне зависимости от их роли в управлении поведением и процессами, происходящими в нервной системе, но в зависимости от направления передачи сигнала (от «входа» к «выходу»). По аналогии с сетью прямого проведения сигнала (*feedforward neural network*), к «прямым» относятся восходящие проекции, соединяющие между собой нейроны, расположенные в последовательных слоях коры головного мозга, или же нижележащую и вышележащую структуры головного мозга (например, от глубинных структур к коре). «Обратными» же считаются связи, идущие от более высоких «этажей» головного мозга к более низким, например, от лобной коры головного мозга к задним отделам и первичной коре.

В то же время в рамках таких подходов, как психофизика повторно-входящих проводящих путей и теория предсказывающего кодирования, продолжается и обсуждение управляющих прямых и обратных связей, отождествляемых с восходящими и нисходящими *влияниями* на процессы обработки информации. Например, П. Це и П. Каванах отмечают: ««общепринятое» понимание нисходящей обработки состоит в том, что более поздние зрительные области мозга влияют на работу более ранних областей посредством обратных проводящих путей. Но есть и другие возможности. Ожидания и знания в принципе могут менять проводящие пути, задействованные в группировке, и в этом случае нисходящие влияния будут реализовываться посредством восходящих путей» [99, с. В32].

Таким образом, если биокibernетическое «рефлекторное кольцо» предполагает обратную связь от объекта управления (рабочей точки) к управляющему органу (задающему прибору) на каком-либо одном уровне обработки информации (соответствует ли тонус мышц заданному программой и зафиксированному на задающем приборе уровню А; соответствует ли положение самого субъекта в пространстве заданному программой; соответствует ли сказанное слово программе, и т. п.), то обратные связи в работах по психофизике повторно-входящих путей и теории предсказывающего кодирования представляют собой нечто совершенно иное — «вертикальную», межуровневую обратную связь. Посредством таких связей между всеми уровнями, вовлеченными в реализацию перцептивного процесса, на каждом из уровней минимизируется ошибка прогнозирования, т. е. рассогласование входной информации и предсказания, которое порождается на вышележащем уровне обработки информации [53]. Представление о межуровневых связях в подобной когнитивной архитектуре хорошо проиллюстрировано К. Рауссом и Г. Пуртуа (рис. 2).

Интересно, что идеи о всепроникающем характере межуровневых обратных связей в процессах обработ-

ки информации в восприятии буквально в последние годы породили развернутую экспериментальную полемику. Она основана на фактах, свидетельствующих о существовании быстрых перцептивных процессов, протекающих в течение такого времени, за которое в силу ограничений скорости распространения сигнала в мозге не может успеть осуществиться ни один цикл обработки информации, включающий восходящую обработку и ответные нисходящие влияния. Так, М. Поттер с коллегами экспериментально показали, что общий смысл зрительной сцены может быть схвачен в условиях быстрого последовательного предъявления изображений, когда каждое из них предъявляется всего на 13 мс — согласно их интерпретации, это происходит благодаря восходящему быстрому анализу информации («*feedforward sweep*») в вентральном зрительном пути [89]. В рамках аналогии между перцептивными и двигательными процессами, такая быстрая категоризация будет являться аналогом так называемых баллистических движений, которые являются исключением из универсального принципа управления с помощью обратной связи и не могут быть скорректированы в процессе их выполнения. В то же время в недавней работе М. Грин с коллегами [71], где было проведено сравнение восприятия высоковероятных и маловероятных зрительных сцен при сверхкратком (однако почти вдвое более длительном, чем в исследовании М. Поттер) предъявлении, обосновывается представление о том, что эта «прямая» линия передачи сигнала уже является результатом настройки за счет нисходящих процессов обработ-

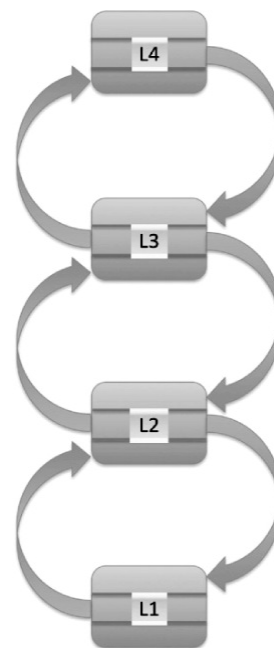


Рис. 2. Межуровневые связи в обработке зрительной информации (из работы К. Раусса и Г. Пуртуа [90]). Каждый из иерархически организованных уровней, обозначенных буквами L1-4 (level), в этой намеренно упрощенной модели включает три «слоя», связанных с тремя типами сигналов: входной сигнал с нижележащего уровня, входной сигнал с вышележащего уровня и выходной сигнал



ки зрительной информации: как отмечают сами авторы, их «... результаты предполагают, что исходная зрительная репрезентация активизирует шаблон часто воспринимавшейся сцены, который действует по нисходящей линии для уточнения перцептивной репрезентации... эта трактовка согласуется с теорией предсказывающего кодирования, согласно которой более вероятная сцена быстрее подхватывается вышестоящими ожиданиями, обеспечивая меньший сигнал расогласования (и меньшее число итераций) в иерархии корковых структур для достижения опознания» [71, с. 1249]. Нам представляется, что, помимо всего прочего, эта полемика вновь выявляет сохраняющуюся до сих пор терминологическую и концептуальную расогласованность в данной исследовательской области.

**6. Мечты и реальность: подходы к экспериментальной проверке бернштейнианских идей и метафор.** Несмотря на всю привлекательность идей Н.А. Бернштейна для психологов, у тех, кто пытался развивать его представления в области восприятия и внимания, с самого начала возникала существенная проблема: заимствуя теории и модели, они не могли перенести на иной материал также и методы эмпирической проверки положений физиологии активности. Н.А. Бернштейн разрабатывал точные методы объективной регистрации движений. В отличие от исследователей двигательной активности, психологи восприятия работают с процессами, которые, за исключением внешних движений органов чувств (движений глаз и осязывающих движений руки), не имеют очевидного «исполнительного органа» и «рабочей точки» и, таким образом, не могут быть подвергнуты объективной регистрации. Исследователям приходится довольствоваться довольно скудным арсеналом методов «зондирования» возникающих у испытуемых образов с помощью вербального и моторного отчета, а также нейрофизиологических маркеров соответствующих процессов.

Нейрофизиологические маркеры также несовершенны, и поэтому не только перцептивные, но даже и двигательные «рефлекторные кольца» до сих пор достоверно не прослежены в головном мозге. При совершении даже простейших движений, например, циклических движений одним пальцем, активизируется большое количество нейронов в различных отделах головного мозга. В терминологии Н.А. Бернштейна это может быть описано как параллельная работа множества эфферентных каналов [73]. Более того, часть структур головного мозга, активированных в процессе движения, может не быть непосредственно связана с его построением. Для прослеживания рефлекторных колец необходимо не просто выделить из множества активированных областей участвующие в построении движения, но и выявить структуру их связей между собой. Таким образом, описание «колец» требует нейрофизиологических методов, которые сочетали бы миллисекундную разрешающую способность во времени, присущую электрофизиологическим методам, и разрешающую способность в пространстве, близкую к уровню регистрации актив-

ности единичных нейронов. Кроме того, значительная часть процессов кольцевой регуляции движений протекает на уровнях А, В и С, по Бернштейну, т. е. на уровнях глубинных структур головного мозга. Поэтому к требованиям к нейрофизиологическим методам, необходимым для проверки модели Н.А. Бернштейна, добавляется возможность параллельной записи с высокой разрешающей способностью активности не только коры больших полушарий, но и всего мозга, включая глубинные структуры и мозжечок. Появление таких методов все еще является делом будущего, и потому они не могут обогатить и методический арсенал психологов, изучающих процессы восприятия и внимания. Как следствие, наиболее доступными для экспериментального тестирования остаются представления, касающиеся уровней регуляции познавательной активности.

И.С. Уточкин [44] относит к составляющим возможной «уровневой» программы экспериментальных исследований восприятия и внимания следующие приемы. Во-первых, исследования вмешательств неосознаваемых содержаний, адресованных одному из уровней регуляции деятельности, в процесс решения основной перцептивной задачи. Во-вторых, тестирование осознания субъектом условий задачи, хода и результата ее решения. Предположительно, достоянием сознания станут только те их аспекты, которые связаны с ведущим уровнем регуляции процесса выполнения задачи. В-третьих, варьирование целевых аспектов образа, благодаря чему различные уровни могут выступить в качестве ведущего или же фоновых.

Последнее из перечисленных направлений наиболее популярно среди отечественных исследователей. Оно базируется на известном экспериментальном приеме, основанном на открытии, которое А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец [27] сделали в процессе работы над восстановлением движений у раненых бойцов во время Великой Отечественной войны. Тогда советские психологи обнаружили, что двигательные возможности человека могут существенно возрасти при смене ведущего уровня выполняемого движения на уровень предметных действий (D) или символических координаций (E). Аналогичные экспериментальные приемы, адресованные к переключению уже перцептивных действий на иной ведущий уровень регуляции, могут быть применены и в области изучения познавательных процессов, и некоторые из них мы уже рассмотрели в ходе обзора [19; 20].

Разберем подробнее прием, связанный с укрупнением оперативных единиц перцептивной (зрительной) активности. Можно предположить, что в случае такого укрупнения происходит передача управления процессом решения перцептивной задачи на более высокий уровень. Вследствие такой передачи субъект может стать более внимателен к отдельным элементам стимуляции, поскольку их анализ включается в состав более высокоуровневых действий, и произойдет повышение продуктивности перцептивной деятельности. Следовательно, если определенным образом организовать процесс решения задачи, можно сделать испытуемого «более внимательным».



Например, задача прочитать и назвать шесть идущих друг за другом букв, предъявляемых в середине потока быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов, сменяющих друг друга со скоростью около 10 элементов в секунду, является для человека практически невыполнимой. Однако при постановке задачи «прочитать слово» отчет о шести последовательных буквах становится возможным [68], даже если в действительности испытываемому демонстрируются не связанные друг с другом буквы [42]. Мы рассматриваем подобное рода эффекты как «стратегические», связанные с тем, как субъект активно выстраивает иерархическую систему средств решения задачи, даже если стратегия индуцируется инструкцией [47].

Представления Н.А. Бернштейна об активном построении движения и его трактовка как процесса решения двигательной задачи пришлись очень кстати отечественным психологам, которым близко переживание психологии как романтической науки, в явном виде озвученное А.Р. Лурия [29], который, к слову, в наиболее трудные годы поддерживал Н.А. Бернштейна (см.: [3]). Заимствование идей Бернштейна со всей очевидностью делает психологию восприятия «романтической наукой», но чтобы союз состоялся, экспериментальным психологам и нейрофизиологам, занимающимся зрительным восприятием, необходимо сосредоточиться на разработке методов экспериментальной проверки тех положений, которые подарила психологии физиология активности Н.А. Бернштейна.

### Финансирование

Исследование М.В. Фаликман поддержано Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

### Литература

1. Александров Ю.И., Дружинин В.Н. Теория функциональных систем в психологии // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. С. 4–19.
2. Анохин П.К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Academia, 2007.
4. Асмолов А.Г., Михалевская М.Б. От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г. Асмолова, М.Б. Михалевской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 5–12.
5. Барабанщиков В.А. Окуломоторные структуры восприятия. М.: Институт психологии РАН, 1997.
6. Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
7. Бернштейн Н.А. Очерки о физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
8. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
9. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
10. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
11. Величковский Б.М. От уровней обработки к стратификации познания. // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 58–74.
12. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1983.
13. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
14. Гиппенрейтер Ю.Б. Движения глаз в деятельности человека и в ее исследовании // Исследование зрительной деятельности человека / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 417–421.
15. Гиппенрейтер Ю.Б. Движения человеческого глаза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
16. Гиппенрейтер Ю.Б. Внимание и деятельность // Актуальные проблемы современной психологии. Материалы международной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983а. С. 62–64.
17. Гиппенрейтер Ю.Б. Деятельность и внимание // А.Н. Леонтьев и современная психология / Под ред.
- А.В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983б. С. 165–177.
18. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
19. Гиппенрейтер Ю.Б., Романов В.Я. Новый метод исследования внутренних форм зрительной активности // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 36–52.
20. Гиппенрейтер Ю.Б., Смирнов С.Д. Уровни следящих движений глаз и зрительное внимание // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 31–45.
21. Запорожец А.В. Развитие восприятия и деятельность // Восприятие и действие. Материалы 30-го симпозиума XVIII Международного психологического конгресса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 35–44.
22. Зинченко В.П. Физиология и психология активности // Н.А. Бернштейн. Современные искания в физиологии нервного процесса / Под ред. И.М. Фейгенберга, И.Е. Сироткиной. М.: Смысл, 2003.
23. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа: исследование деятельности зрительной системы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
24. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
25. Леонтьев А.А. Деятельный ум. М.: Смысл, 2001.
26. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
27. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Советская наука, 1945.
28. Лурия А.Р. Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.
29. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
30. Любимов В.В. Психология восприятия. М.: ЧеРо; МПСИ, 2007.
31. Назаров А.И. От рефлекторного кольца к много-связной системе // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 32–44.
32. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.

33. *Петухов В.В.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
34. *Печенкова Е.В., Фаликман М.В.* Модель решения перцептивной задачи в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов // Психологический журнал. 2001. № 6. С. 99–103.
35. *Печенкова Е.В., Фаликман М.В.* Принцип кольцевой регуляции в современной когнитивной психологии восприятия и внимания и проблема единиц перцептивной деятельности // Актуальные проблемы когнитивной науки. Материалы международной научно-практической конференции. Иваново, 2010а. С. 62–65.
36. *Печенкова Е.В., Фаликман М.В.* Решение перцептивной задачи как взаимодействие между восходящими и нисходящими процессами переработки зрительной информации // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010б. Т. 3. № 3. С. 52–65.
37. *Сироткина И.Е.* Роль исследований Н.А. Бернштейна в развитии отечественной психологической науки: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1989.
38. *Сироткина И.Е.* Выдающийся физиолог. Классик психологии? (К 100-летию со дня рождения Н.А. Бернштейна) // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 116–127.
39. *Смирнов С.Д.* Психологическая теория деятельности и концепция Н.А. Бернштейна // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 14–25.
40. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15–29.
41. *Соколова Е.Е.* Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или Почему имеет смысл спорить о понятиях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016. № 1. С. 25–41.
42. *Степанов В.Ю.* Стратегия чтения как средство поддержания внимания при решении перцептивной задачи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 1. С. 159–168.
43. *Столин В.В.* Построение зрительного образа при псевдоскопическом восприятии // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 103–116.
44. *Уточкин И.С.* Теоретические и эмпирические основания уровневого подхода к вниманию // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 31–66.
45. *Фаликман М.В.* Эффекты превосходства слова в зрительном восприятии и внимании // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 32–40.
46. *Фаликман М.В., Печенкова Е.В.* Стратегическая регуляция решения перцептивной задачи как класс нисходящих влияний на процесс построения перцептивного образа // Первая Российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Казань: КГУ, 2004. С. 237–239.
47. *Фаликман М.В., Печенкова Е.В., Степанов В.Ю.* Внимание и перцептивные единицы // Когнитивные исследования. Вып. 5 / Под ред. Т.В. Черниговской, А.А. Кибрика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 102–116.
48. *Фейгенберг И.М.* Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. М.: Смысл, 2004.
49. *Фейгенберг И.М.* Вероятностное прогнозирование в деятельности человека и поведении животных. М.: Ньюдиамед, 2008.
50. *Фейгенберг И.М., Иванников В.А.* Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
51. *Adamian N., Kuvaldina M.* Be prepared: The effect of expectations on inattention blindness // The Russian Journal of Cognitive Science. 2014. Vol. 1. № 3. P. 4–12.
52. *Bernstein N.* Co-ordination and regulation of movements. N.Y.: Pergamon Press, 1967.
53. *Brodski A., Paasch G.F., Helbling S., Wibrat M.* The faces of predictive coding // Journal of Neuroscience. 2015. Vol. 35. № 24. P. 8997–9006.
54. *Bruner J.S., Minturn A.L.* Perceptual identification and perceptual organization // The Journal of General Psychology. 1955. Vol. 53. P. 21–28.
55. *Cavanagh P., Anstis S.* The flash grab effect // Vision Research. 2013. Vol. 91. P. 8–20.
56. *Clark A.* Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science // Behavioral and Brain Sciences. 2013. Vol. 36. № 3. P. 181–204.
57. *Craik F.I.M.* Levels of processing: past, present ... and future? // Memory, 2002. Vol. 10. № 5/6. P. 305–318.
58. *Craik F.I.M., Lockhart R.* Levels of processing: A framework for memory research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1972. Vol. 11. № 6. P. 671–684.
59. *De Baene W., Brass M.* Switch probability context (in) sensitivity within the cognitive control network. // NeuroImage. 2013. Vol. 77. P. 207–214.
60. *De Baene W., Brass M.* Dissociating strategy-dependent and independent components in task preparation // Neuropsychologia. 2014. Vol. 62. P. 331–340.
61. *Di Lollo V., Enns J., Rensink R.* Competition for consciousness among visual events: the psychophysics of reentrant visual processes // Journal of Experimental Psychology: General. 2000. Vol. 129. № 4. P. 481–507.
62. *Di Lollo V., Kawahara J., Zuvic S.M., Visser T.A.* The preattentive emperor has no clothes: a dynamic redressing // Journal of Experimental Psychology: General. 2001. Vol. 130. № 3. P. 479–492.
63. *Di Lollo V., Smilek D., Kawahara J., Ghorashi S.M.* System reconfiguration, not resource depletion, determines the efficiency of visual search // Perception and Psychophysics. 2005. Vol. 67. № 6. P. 1080–1087.
64. *Dux P.E., Visser T.A.W., Goodhew S.C., Lipp O.V.* Delayed re-entrant processing impairs visual awareness: An object substitution masking study // Psychological Science. 2010. Vol. 21. P. 1242–1247.
65. *Eich T.S., Parker D., Liu D., Oh H., Razlighi Q., Gazes Y., Habeck C., Stern Y.* Functional brain and age-related changes associated with congruency in task switching // Neuropsychologia. 2016. Vol. 91. P. 211–221.
66. *Enns J.T., Di Lollo V.* What's new in visual masking? // Trends in Cognitive Science. 2000. Vol. 4. № 9. P. 345–352.
67. *Enns J.T., Visser T.A.W., Kawahara J., Di Lollo V.* Visual masking and task switching in the attentional blink // The limits of attention: Temporal constraints on human information processing / K.L. Shapiro (Ed.). Oxford University Press, 2001. P. 65–81.
68. *Falikman M.V.* Word superiority effects across the varieties of attention // Journal of Russian and East European Psychology. 2011. Vol. 49. № 5. P. 45–61.
69. *Goschke T.* Intentional reconfiguration and involuntary persistence in task set switching // Control of cognitive processes: Attention and performance XVIII / S. Monsell, J. Driver (Eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 331–355.
70. *Grange J., Houghton G.* (Eds.) Task switching and cognitive control. Oxford University Press, 2014.
71. *Greene M.R., Botros A.P., Beck D.M., Fei-Fei L.* What you see is what you expect: Rapid scene understanding benefits from prior experience // Attention, Perception and Psychophysics. 2015. Vol. 77. № 4. P. 1239–1251.
72. *Gregory R.* Knowledge in perception and illusion // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 1997. Vol. 352. № 1358. P. 1121–1127.
73. *Gurfinkel V.S., Cordo P.J.* The scientific legacy of Nikolai Bernstein // Progress in motor control: Volume. 1., Ber-

- nstein's traditions in movement studies / M.L. Latash (Ed.). Champaign: Human Kinetics, 1998. P. 1–20.
74. Hochstein, S., Ahissar, M. View from the top: Hierarchies and reverse hierarchies in the visual system // *Neuron*. 2002. Vol. 36. P. 791–804.
75. Hübner M., Klüwe R.H., Luna-Rodriguez A., Peters A. Task preparation and stimulus-evoked competition // *Acta Psychologica*. 2004. Vol. 115. P. 211–234.
76. James W. Principles of Psychology. Vol. 1. New York: Henry Holt, 1890.
77. Jonides J., Gleitman N. A conceptual category effect in visual search: O as letter or as digit // *Perception & Psychophysics*. 1972. Vol. 12. P. 457–460.
78. Kawahara J., Di Lollo V., Enns J.T. Attentional requirements in visual detection and identification: Evidence from the attentional blink // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2001. Vol. 27. № 4. P. 969–984.
79. Kelso J.A.S. From Bernstein's physiology of activity to coordination dynamics // *Progress in motor control*: Vol. 1, Bernstein's traditions in movement studies / M.L. Latash (Ed.). Champaign: Human Kinetics, 1998. P. 203–220.
80. Kesner L. The predictive mind and the experience of visual art work [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. Art. 1417. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2014.01417/full> (Accessed: 09.11.2016).
81. Kogo N., Trengove C. Is predictive coding theory articulated enough to be testable? [Электронный ресурс] // *Frontiers in Computational Neuroscience*. 2015. Vol. 9. Art. 111. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fncom.2015.00111/full> (Accessed: 09.11.2016).
82. Latash M.L. (Ed.) *Progress in motor control*. Vol. 1: Bernstein's traditions in movement studies. Urbana, IL: Human Kinetics, 1998.
83. Lim J.I. Visual search strategy and interception accuracy: PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2013.
84. Lisi M., Cavanagh P. Dissociation between the perceptual and saccadic localization of moving objects. // *Current Biology*. 2015. Vol. 25. № 19. P. 2535–2540.
85. Longman C.S., Lavric A., Monsell S. The coupling between spatial attention and other components of task-set: A task-switching investigation // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2016. Vol. 1. P. 1–28.
86. MacKay D.M. Cerebral organization and the conscious control of actions // *Brain and conscious experience* / J.C. Eccles (Ed.). N.Y.: Springer, 1966. P. 422–445.
87. Norman D.A., Rumelhart D.E. (Eds.) *Exploration in cognition*. San Francisco, CA: Freeman, 1975.
88. Pechenkova E. Effect of schemata on temporal order perception of multiple visual items // *The 3<sup>rd</sup> International conference on cognitive science. Abstracts*. M., 2008. Vol. 1. P. 127–128.
89. Potter M.C., Wyble B., Haggmann C.E., McCourt E.S. Detecting meaning in RSVP at 13 ms per picture // *Attention, Perception & Psychophysics*. 2014. Vol. 76. P. 270–279.
90. Rauss K., Pourtois G. What is bottom-up and what is top-down in predictive coding? [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. Art. 276. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00276/full> (Accessed: 09.11.2016).
91. Rauss K., Schwartz S., Pourtois G. Top-down effects on early visual processing in humans: a predictive coding framework // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2011. Vol. 35. № 5. P. 1237–1253.
92. Rizzolatti G., Riggio L., Dascola I., Umiltà C. Reorienting attention across the horizontal and vertical meridians: evidence in favor of a premotor theory of attention // *Neuropsychologia*. 1987. Vol. 25. № 1A. P. 31–40.
93. Sinitsyna M., Pechenkova E. Top-down modulations in perception of simultaneity [Электронный ресурс] // *Journal of Vision*. 2009. Vol. 9. № 8. Art. 1083. URL: <http://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2135358> (Accessed: 09.11.2016).
94. Smeets J., Brenner E. Perception and action are based on the same visual information: Distinction between position and velocity // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. 1995. Vol. 21. № 1. P. 19–31.
95. Sperling G. The information available in brief visual presentation // *Psychological Monographs*. 1960. Vol. 74. № 11. P. 1–29.
96. Sperling G., Doshier B.A. Strategy and optimization in human information processing // *Handbook of perception and human performance*: Vol. 1. Sensory processes and perception / K. Boff, L. Kaufman, J. Thomas (Eds.). N.Y.: Wiley, 1986. P. 2–1–2–65.
97. Spratling M.W. Predictive coding as a model of cognition // *Cognitive Processing*. 2016. Vol. 17. № 3. P. 279–305.
98. Srinivasan M.V., Laughlin S.B., Dubs A. Predictive coding: a fresh view of inhibition in the retina // *Proceedings of the Royal Society of London. B. Biological Sciences*. 1982. Vol. 216. № 1205. P. 427–459.
99. Tse P.U., Cavanagh P. Chinese and Westerners see opposite apparent motions in a kanji stimulus // *Cognition*. 2000. Vol. 74. P. B27–B32.
100. Tse P.U., Whitney D., Anstis S., Cavanagh P. Voluntary attention modulates motion-induced mislocalization [Электронный ресурс] // *Journal of Vision*. 2011. Vol. 11. № 3. Art. 12. URL: <http://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2191571> (Accessed: 09.11.2016).
101. Turvey M.T., Kugler P.N. An ecological approach to perception and action // *Human motor actions: Bernstein reassessed* / H.T.A. Whiting (Ed.). Amsterdam: North Holland, 1984. P. 207–236.
102. Utochkin I.S. Redundancy effects of a moving distractor generated by alerting and orienting // *Attention, Perception & Psychophysics*. 2009. Vol. 71. № 8. P. 1825–1830.
103. Velichkovsky B.M. Heterarchy of cognition: the depths and the highs of a framework for memory research // *Memory*. 2002. Vol. 10. № 5–6. P. 405–419.
104. Whiting H.T.A. (Ed.) *Human motor actions: Bernstein reassessed*. Elsevier Science Ltd., 1984.
105. Whitney D.V., Cavanagh P. Motion distorts visual space: Shifting the perceived position of remote stationary objects // *Nature Neuroscience*. 2000. Vol. 3. P. 954–959.
106. Williams A.M., Jannelle C.M., Davids K. Constraints on the search for visual information in sport // *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2004. Vol. 2. № 3. P. 301–318.



# N.A. Bernstein's Principles of Physiology of Activity in Psychology of Perception and Attention: Problems and Perspectives

M.V. Falikman\*,

Lomonosov Moscow State University; National Research Institute Higher School of Economics;  
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,  
maria.falikman@gmail.com

E.V. Pechenkova\*\*,

OOO Scientific Research Institute of Neuropsychology of Speech and Writing, Moscow, Russia,  
evp@virtualcoglab.org

The paper reviews N.A. Bernstein's creative legacy in the development of Russian research in visual perception and attention starting from 1960s. It describes how these studies adopted four groups of concepts from Bernstein's biocybernetics: first, the metaphor of movement construction; second, the concept of task; third, the idea of levels (hierarchy) of movement construction; and fourth, the principle of feedback or circular control of movement. The paper also discusses modern Russian level-based concepts of perception and attention that directly originated from Bernstein's ideas. It traces the parallels between these concepts in Russian psychology of perception and the concepts of regulation of perception activity existing in European and American cognitive neuropsychology and modern neuroscience, such as ascending and descending processes in visual information processing and the hypothesis of predictive coding. The paper concludes with a discussion of the possibilities for empirically testing the models of perception and visual attention based on N.A. Bernstein's ideas using modern methods of cognitive science.

**Keywords:** N.A. Bernstein, perception, attention, task, movement construction, image construction, circular control, level organization.

## Funding

M. Falikman's research was supported by the NRU HSE Fundamental Research Program.

## References

1. Aleksandrov Yu.I., Druzhinin V.N. Teoriya funktsional'nykh sistem v psikhologii. [The theory of functional systems in psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 1998, vol. 19, no. 6, pp. 4–19.
2. Anokhin P.K. Printsipy sistemnoi organizatsii funktsii [Principles of systemic organization of functions]. Moscow: Nauka, 1973.
3. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti [Psychology of personality]. Moscow: Academia, 2007.
4. Asmolov A.G., Mikhalevskaya M.B. Ot psikhofiziki chistykh oshchushchenii k psikhofizike sensornykh zadach [From psychophysics of pure sensations to psychophysics of sensory tasks]. In: Asmolov A.G. (eds.), *Problemy i metody psikhofiziki [Problems and methods of psychophysics]*. Moscow: Publ. Mosk. Un-ta, 1974, pp. 5–12.
5. Barabanshchikov V.A. Okulomotornye struktury vospriyatiya [Oculomotor structures of perception]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1997.
6. Bernshtein N.A. O postroenii dvizhenii [On the construction of movements]. Moscow: Medgiz, 1947.
7. Bernshtein N.A. Ocherki o fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti [Studies in the physiology of movement and the physiology of activity]. Moscow: Meditsina, 1966.
8. Bruner Dzh. Psikhologiya poznaniya [Psychology of cognition]. Moscow: Progress, 1977.
9. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii analiz v psikhologii [Methodological analysis in psychology]. Moscow: Smysl, 2003.
10. Vekker L.M. Psikhika i real'nost': edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov [Mind and reality: A unified theory of mental processes]. Moscow: Smysl, 1998.
11. Velichkovskii B.M. Ot urovnei obrabotki k stratifikatsii poznaniya [From levels of processing to stratification of cognition]. *Voprosy psikhologii [Issues in psychology]*, 1999, no. 4, pp. 58–74.
12. Viner N. Kibernetika [Cybernetics]. Moscow: Nauka, 1983.
13. Gibson Dzh. Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu [Ecological approach to visual perception]. Moscow: Progress, 1988.

## For citation:

Falikman M.V., Pechenkova E.V. N.A. Bernstein's Principles of Physiology of Activity in Psychology of Perception and Attention: Problems and Perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 48–66. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120405

\* *Falikman Maria Vyacheslavovna*, PhD in Psychology, senior research fellow, Lomonosov Moscow State University; leading research fellow, National Research University Higher School of Economics; senior research fellow, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: maria.falikman@gmail.com

\*\* *Pechenkova Ekaterina Vasilyevna*, PhD in Psychology, leading specialist, OOO Scientific Research Institute of Neuropsychology of Speech and Writing, Moscow, Russia. E-mail: evp@virtualcoglab.org



14. Gippenreiter Yu.B. Dvizheniya glaz v deyatel'nosti che-loveka i v ee issledovanii [Eye movements in human activity and its investigation]. In Gippenreiter Yu.B. (ed.), *Issledovanie zritel'noi deyatel'nosti cheloveka* [Investigations in human visual activity]. Moscow: Publ. Mosk. Un-ta, 1973, pp. 417–421.
15. Gippenreiter Yu.B. Dvizheniya chelovecheskogo glaza [Human eye movements]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1978.
16. Gippenreiter Yu.B. *Vnimanie i deyatel'nost'* [Attention and activity]. *Aktual'nye problemy sovremennoi psikhologii* [Current issues in modern psychology]. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1983a, pp. 62–64.
17. Gippenreiter Yu.B. Deyatel'nost' i vnimanie [Activity and attention]. In Zaporozhets A.V. (eds.), *A.N. Leont'ev i sovremennaya psikhologiya* [A.N. Leont'ev and contemporary psychology]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1983b, pp. 165–177.
18. Gippenreiter Yu.B. Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu: kurs lektsii [Introduction to general psychology: Lectures]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1988.
19. Gippenreiter Yu.B., Romanov V.Ya. Novyi metod issledovaniya vnutrennikh form zritel'noi aktivnosti [A new method to study inner forms of visual activity]. *Voprosy psikhologii* [Issues in psychology], 1970, no. 5, pp. 36–52.
20. Gippenreiter Yu.B., Smirnov S.D. Urovni sledyashchikh dvizhenii glaz i zritel'noe vnimanie [Levels of tracing eye movements and visual attention]. *Voprosy psikhologii* [Issues in psychology], 1971, no. 3, pp. 31–45.
21. Zaporozhets A.V. Razvitie vospriyatiya i deyatel'nost' [Perception development and activity]. *Vospriyatie i deistvie Materialy 30-go simpoziuma XVIII Mezhdunarodnogo psikhologicheskogo kongressa* [Perception and action Proceedings of the 30th symposium of 18th International Psychological Congress]. Moscow, 1966, pp. 35–44.
22. Zinchenko V.P. Fiziologiya i psikhologiya aktivnosti [Physiology and psychology of activity]. In Feigenberg I.M. (eds.), *N.A. Bernshtein. Sovremennye iskaniya v fiziologii nervnogo protsessa* [N.A. Bernstein. Modern quest in the physiology of neural processing]. Moscow: Smysl, 2003.
23. Zinchenko V.P., Vergiles N.Yu. Formirovanie zritel'nogo obraza : issledovanie deyatel'nosti zritel'noi sistemy [Visual image formation: A study into visual system activity]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1969.
24. Zinchenko V.P., Smirnov S.D. Metodologicheskie voprosy psikhologii [Methodological issues in psychology]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1983.
25. Leont'ev A.A. Deyatel'nyi um [The active mind]. Moscow: Smysl, 2001.
26. Leont'ev A.N. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Politizdat, 1975.
27. Leont'ev A.N., Zaporozhets A.V. Vosstanovlenie dvizheniya. Psikhofiziologicheskoe issledovanie vosstanovleniya funktsii ruki posle raneniya [Rehabilitation of movements. Psychophysiological study in the recovery of functions after injuries]. Moscow: Sovetskaya nauka, 1945.
28. Luriya A.R. Vysshie korkovye funktsii i ikh narushenie pri lokal'nykh porazheniyakh mozga [Higher cortical functions and their violation after local brain lesions]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1962.
29. Luriya A.R. Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya [Milestones of my life. Scientific autobiography]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1982.
30. Lyubimov V.V. Psikhologiya vospriyatiya [Psychology of perception]. Moscow: CheRo, MPSI, 2007.
31. Nazarov A.I. Ot reflektornogo kol'tsa k mnogosvyaznoi sisteme [From the reflectory ring to a multilinked system]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 2009, no. 2, pp. 32–44.
32. Naisser U. Poznanie i real'nost' [Cognition and reality]. Moscow: Progress, 1981.
33. Petukhov V.V. Psikhologiya myshleniya [Psychology of thinking]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1987.
34. Pechenkova E.V., Falikman M.V. Model' resheniya pertseptivnoi zadachi v usloviyakh bystrogo posledovatel'nogo pred'yavleniya zritel'nykh stimulov [A model of perceptual task accomplishment under rapid serial presentation conditions]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2001, no. 6, pp. 99–103.
35. Pechenkova E.V., Falikman M.V. Printsip kol'tsevoi regulyatsii v sovremennoi kognitivnoi psikhologii vospriyatiya i vnimaniya i problema edinita pertseptivnoi deyatel'nosti [A principle of circular regulation in modern cognitive psychology and the problem of perceptual activity units]. *Aktual'nye problemy kognitivnoi nauki Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues in cognitive science. Proceedings of the international applied research conference]. [Ivanovo, 2010a, pp. 62–65.
36. Pechenkova E.V., Falikman M.V. Reshenie pertseptivnoi zadachi kak vzaimodeistvie mezhdru voskhodyashchimi i nishkodyashchimi protsessami pererabotki zritel'noi informatsii [Perceptual task accomplishment as an interaction of bottom-up and top-down processes in visual information processing]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2010B, vol. 3, no. 3, pp. 52–65.
37. Sirotkina I.E. Rol' issledovaniya N.A. Bernshteina v razvitii otechestvennoi psikhologicheskoi nauki [The role of N.A. Bernstein's investigations in the development of Russian psychological science]. Diss. kand. psikhol. nauk [PhD dissertation]. Moscow, 1989.
38. Sirotkina I.E. Vydayushchiysya fiziolog. Klassik psikhologii? (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.A. Bernshteina) [A prominent physiologist. A classic in psychology? (To the 100th anniversary of N.A. Bernstein's birthday)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1996, no. 5, pp. 116–127.
39. Smirnov S.D. Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti i kontseptsiya N.A. Bernshteina. [Psychological theory of activity and N.A. Bernstein's ideas] *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 14. Psychology], 1978, no. 2, pp. 14–25.
40. Smirnov S.D. Mir obrazov i obraz mira [The world of images and the image of the world]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 14. Psychology], 1981, no. 2, pp. 15–29.
41. Sokolova E.E. Chtoby byt' psikhologom, nel'zya ne byt' filosofom, ili Pochemu imeet smysl sporit' o ponyatiyakh [To be a psychologist, it is impossible not to be a philosopher, or Why it makes sense to dispute about concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 14. Psychology], 2016, no. 1, pp. 25–41.
42. Stepanov V.Yu. Strategiya chteniya kak sredstvo podderzhaniya vnimaniya pri reshenii pertseptivnoi zadachi [Strategy of reading as a mean of sustaining attention during perceptual task accomplishment]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. The Journal of the Higher School of Economics], 2009, vol. 6, no. 1, pp. 159–168.
43. Stoln V.V. Postroenie zritel'nogo obraza pri psevdoskopicheskom vospriyatii [Visual image construction during pseudoscopic perception]. *Voprosy psikhologii* [Issues in psychology], 1972, no. 6, pp. 103–116.
44. Utochkin I.S. Teoreticheskie i empiricheskie osnovaniya urovnevnogo podkhoda k vnimaniyu [Theoretical and empirical foundations of the level approach to attention]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. The

*Journal of the Higher School of Economics*], 2008, vol. 5, no. 3, pp. 31–66.

45. Falikman M.V. Effekty prevoskhodstva slova v zritel'nom vospriyatii i vnimanii [Word superiority effects in visual perception and attention]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2010, no. 1, pp. 32–40.

46. Falikman M.V., Pechenkova E.V. Strategicheskaya regulyatsiya resheniya pertseptivnoi zadachi kak klass niskhodyashchikh vliyaniy na protsess postroeniya pertseptivnogo obraza [Strategic regulation of perceptual task accomplishment as a type of top-down influences on perceptual image construction]. *Pervaya Rossiiskaya konferentsiya po kognitivnoi nauke. Tezisy dokladov [1st Russian cognitive science conference. Abstracts]*. Kazan': KGU, 2004, pp. 237–239.

47. Falikman M.V., Pechenkova E.V., Stepanov V.Yu. Vnimanie i pertseptivnye edinitsey [Attention and perceptual units]. In Chernigovskaya T.V. (eds.), *Cognitivnye issledovaniya [Cognitive research]*. Vyp. 5. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2012, pp. 102–116.

48. Feigenberg I.M. Nikolai Bernshtein: ot refleksa k modeli budushchego [Nikolai Bernstein: From a reflex to a model of future]. Moscow: Smysl, 2004.

49. Feigenberg I.M. Veroyatnostnoe prognozirovaniye v deyatelnosti cheloveka i povedenii zhivotnykh [Probabilistic forecasting in human activity and animal behaviour]. Moscow: N'yudiamed, 2008.

50. Feigenberg I.M., Ivannikov V.A. Veroyatnostnoe prognozirovaniye i prednastroika k dvizheniyam [Probabilistic forecasting and movement presetting]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1978.

51. Adamian N., Kuvaldina M. Be prepared: The effect of expectations on inattentive blindness. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 2014, vol. 1, no. 3, pp. 4–12.

52. Bernstein N. Co-ordination and regulation of movements. N.Y.: Pergamon Press, 1967.

53. Brodski A., Paasch G.F., Helbling S., Wibral M. The faces of predictive coding. *Journal of Neuroscience*, 2015, vol. 35, no. 24, pp. 8997–9006.

54. Bruner J.S., Minturn A.L. Perceptual identification and perceptual organization. *The Journal of General Psychology*, 1955, vol. 53, pp. 21–28.

55. Cavanagh P., Anstis S. The flash grab effect. *Vision Research*, 2013, vol. 91, pp. 8–20.

56. Clark A. Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*, 2013, vol. 36, no. 3, pp. 181–204.

57. Craik F.I.M. Levels of processing: past, present ... and future? *Memory*, 2002, vol. 10, no. 5/6, pp. 305–318.

58. Craik F.I.M., Lockhart R. Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*, 1972, vol. 11, no. 6, pp. 671–684.

59. De Baene W., Brass M. Switch probability context (in) sensitivity within the cognitive control network. *NeuroImage*, 2013, vol. 77, pp. 207–214.

60. De Baene W., Brass M. Dissociating strategy-dependent and independent components in task preparation. *Neuropsychologia*, 2014, vol. 62, pp. 331–340.

61. Di Lollo V., Enns J., Rensink R. Competition for consciousness among visual events: the psychophysics of reentrant visual processes. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2000, vol. 129, no. 4, pp. 481–507.

62. Di Lollo V., Kawahara J., Zuvic S.M., Visser T.A. The preattentive emperor has no clothes: a dynamic redressing. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2001, vol. 130, no. 3, pp. 479–492.

63. Di Lollo V., Smilek D., Kawahara J., Ghorashi S.M. System reconfiguration, not resource depletion, determines

the efficiency of visual search. *Perception and Psychophysics*, 2005, vol. 67, no. 6, pp. 1080–1087.

64. Dux P.E., Visser T.A.W., Goodhew S.C., Lipp O.V. Delayed re-entrant processing impairs visual awareness: An object substitution masking study. *Psychological Science*, 2010, vol. 21, pp. 1242–1247.

65. Eich T.S., Parker D., Liu D., Oh H., Razlighi Q., Gazes Y., Habeck C., Stern Y. Functional brain and age-related changes associated with congruency in task switching. *Neuropsychologia*, 2016, vol. 91, pp. 211–221.

66. Enns J.T., Di Lollo V. What's new in visual masking? *Trends in Cognitive Science*, 2000, vol. 4, no. 9, pp. 345–352.

67. Enns J.T., Visser T.A.W., Kawahara J., Di Lollo V. Visual masking and task switching in the attentional blink. In: Shapiro K.L. (Ed.) *The limits of attention: Temporal constraints on human information processing*. Oxford University Press, 2001, pp. 65–81.

68. Falikman M.V. Word superiority effects across the varieties of attention. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2011, vol. 49, no. 5, pp. 45–61.

69. Goschke T. Intentional reconfiguration and involuntary persistence in task set switching. In S. Monsell, J. Driver (Eds.), *Control of cognitive processes: Attention and performance XVIII*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000, pp. 331–355.

70. Grange J., Houghton G. (Eds.) *Task switching and cognitive control*. Oxford University Press, 2014.

71. Greene M.R., Botros A.P., Beck D.M., Fei-Fei L. What you see is what you expect: Rapid scene understanding benefits from prior experience. *Attention, Perception and Psychophysics*, 2015, vol. 77, no. 4, pp. 1239–1251.

72. Gregory R. Knowledge in perception and illusion. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 1997, vol. 352, no. 1358, pp. 1121–1127.

73. Gurfinkel V.S., Cordo P.J. The scientific legacy of Nikolai Bernstein. In M.L. Latash (Ed.) *Progress in motor control: Volume 1, Bernstein's traditions in movement studies*. Champaign: Human Kinetics, 1998, pp. 1–20.

74. Hochstein, S., Ahissar, M. View from the top: Hierarchies and reverse hierarchies in the visual system. *Neuron*, 2002, vol. 36, pp. 791–804.

75. Hübner M., Kluwe R.H., Luna-Rodriguez A., Peters A. Task preparation and stimulus-evoked competition. *Acta Psychologica*, 2004, vol. 115, pp. 211–234.

76. James W. *Principles of Psychology*. Vol. 1. New York: Henry Holt, 1890.

77. Jonides J., Gleitman N. A conceptual category effect in visual search: O as letter or as digit. *Perception & Psychophysics*, 1972, vol. 12, pp. 457–460.

78. Kawahara J., Di Lollo V., Enns J.T. Attentional requirements in visual detection and identification: Evidence from the attentional blink. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2001, vol. 27, no. 4, pp. 969–984.

79. Kelso J.A.S. From Bernstein's physiology of activity to coordination dynamics. In Latash M.L. (ed.), *Progress in motor control: Volume 1, Bernstein's traditions in movement studies*. Champaign: Human Kinetics, 1998, pp. 203–220.

80. Kesner L. The predictive mind and the experience of visual art work. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, art. 1417. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2014.01417/full> (Accessed: 09.11.2016).

81. Kogo N., Trengove C. Is predictive coding theory articulated enough to be testable? *Frontiers in Computational Neuroscience*, 2015, vol. 9, art. 111. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fncom.2015.00111/full> (Accessed: 09.11.2016).

82. Latash M.L. (Ed.) *Progress in motor control. Volume 1: Bernstein's traditions in movement studies*. Urbana, IL: Human Kinetics, 1998.

83. Lim J.I. Visual search strategy and interception accuracy. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana—Champaign, 2013.
84. Lisi M., Cavanagh P. Dissociation between the perceptual and saccadic localization of moving objects. *Current Biology*, 2015, vol. 25, no. 19, pp. 2535—2540.
85. Longman C.S., Lavric A., Monsell S. The coupling between spatial attention and other components of task—set: A task—switching investigation. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2016, vol. 1, pp. 1—28.
86. MacKay D.M. Cerebral organization and the conscious control of actions. In Eccles J.C. (ed.), *Brain and conscious experience*. N.Y.: Springer, 1966, pp. 422—445.
87. Norman D.A., Rumelhart D.E. (Eds.) Exploration in cognition. San Francisco, CA: Freeman, 1975.
88. Pechenkova E. Effect of schemata on temporal order perception of multiple visual items. *The 3<sup>rd</sup> International conference on cognitive science*. Abstracts. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 127—128.
89. Potter M.C., Wyble B., Hagmann C.E., McCourt E.S. Detecting meaning in RSVP at 13 ms per picture. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2014, vol. 76, pp. 270—279.
90. Rauss K., Pourtois G. What is bottom—up and what is top—down in predictive coding? *Frontiers in Psychology*, 2013, vol. 4: art. 276. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00276/full> (Accessed: 09.11.2016).
91. Rauss K., Schwartz S., Pourtois G. Top—down effects on early visual processing in humans: a predictive coding framework. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2011, vol. 35, no. 5, pp. 1237—1253.
92. Rizzolatti G., Riggio L., Dascola I., Umilta C. Reorienting attention across the horizontal and vertical meridians: evidence in favor of a premotor theory of attention. *Neuropsychologia*, 1987, vol. 25, no. 1A, pp. 31—40.
93. Sinitsyna M., Pechenkova E. Top—down modulations in perception of simultaneity. *Journal of Vision*, 2009, vol. 9, no. 8, art. 1083. URL: <http://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2135358> (Accessed: 09.11.2016).
94. Smeets J., Brenner E. Perception and action are based on the same visual information: Distinction between position and velocity. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*, 1995, vol. 21, no. 1, pp. 19—31.
95. Sperling G. The information available in brief visual presentation. *Psychological Monographs*, 1960, vol. 74, no. 11, pp. 1—29.
96. Sperling G., Doshier B.A. Strategy and optimization in human information processing. In Boff K. (eds.), *Handbook of perception and human performance: Vol. 1. Sensory processes and perception*. N.Y.: Wiley, 1986, pp. 2—1 — 2—65.
97. Spratling M.W. Predictive coding as a model of cognition. *Cognitive Processing*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 279—305.
98. Srinivasan M.V., Laughlin S.B., Dubs A. Predictive coding: a fresh view of inhibition in the retina. *Proceedings of the Royal Society of London. B. Biological Sciences*, 1982, vol. 216, no. 1205, pp. 427—459.
99. Tse P.U., Cavanagh P. Chinese and Westerners see opposite apparent motions in a kanji stimulus. *Cognition*, 2000, vol. 74, pp. B27—B32.
100. Tse P.U., Whitney D., Anstis S., Cavanagh P. Voluntary attention modulates motion—induced mislocalization. *Journal of Vision*, 2011, vol. 11, no. 3, art. 12. URL: <http://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2191571> (Accessed: 09.11.2016).
101. Turvey M.T., Kugler P.N. An ecological approach to perception and action. In Whiting H.T.A. (ed.), *Human motor actions: Bernstein reassessed*. Amsterdam: North Holland, 1984, pp. 207—236.
102. Utochkin I.S. Redundancy effects of a moving distractor generated by alerting and orienting. *Attention, Perception & Psychophysics*, 2009, vol. 71, no. 8, pp. 1825—1830.
103. Velichkovsky B.M. Heterarchy of cognition: the depths and the highs of a framework for memory research. *Memory*, 2002, vol. 10, no. 5—6, pp. 405—419.
104. Whiting H.T.A. (Ed.) *Human motor actions: Bernstein reassessed*. Elsevier Science Ltd., 1984.
105. Whitney D.V., Cavanagh P. Motion distorts visual space: Shifting the perceived position of remote stationary objects. *Nature Neuroscience*, 2000, vol. 3, pp. 954—959.
106. Williams A.M., Janelle C.M., Davids K. Constraints on the search for visual information in sport. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 2004, vol. 2, no. 3, pp. 301—318.

**К 85-ЛЕТИЮ В.П.ЗИНЧЕНКО**  
*IN CELEBRATION OF THE 85<sup>TH</sup> BIRTHDAY OF V.P. ZINCHENKO*

## **В поисках единиц анализа исполнительной деятельности**

**Е.Б. Моргунов\***,  
ОАНО ВО «МВШСЭН», Москва, Россия,  
*morgunove@mail.ru*

В статье описаны исследования исполнительных действий, проводившиеся под руководством В.П. Зинченко в семидесятых–восемидесятых годах прошлого века на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Концептуальное развитие теории деятельности требовало проникновения на микроуровень происходящих в ней процессов с целью поиска минимальных единиц анализа. Исполнительное действие, обладающее значительной гибкостью и адаптивностью, демонстрируемой в ответ на изменения различных условий, представляло значительный интерес для экспериментирования. Для проведения таких исследований в описываемый период времени нашлись заказчики – специализированные НИИ, чье руководство было заинтересовано в определении путей повышения эффективности деятельности человека-оператора. Это привело к технологическому «первооружению» научных лабораторий факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в семидесятых годах прошлого века. К исследованиям, поддержанным компьютерными средствами, приступило несколько групп психологов с кафедры общей психологии, кафедры психофизиологии и кафедры психологии труда и инженерной психологии. Было создано несколько временных проектных лабораторий, три из которых находились под прямым или косвенным концептуальным и административным влиянием В.П. Зинченко. Описан основной результат исследования действий по вводу данных, состоящий в краткосрочном качественном изменении образа памяти о расположении клавиш, входящих в клавиатуру компьютера.

**Ключевые слова:** человек-оператор; микроструктурный анализ действия; функциональная структура исполнительного действия, теория деятельности; деавтоматизация навыка, укрупнение оперативных единиц.

Построение движений человека вызывало интерес практически с самого начала становления психологии как экспериментальной науки. И понятно почему. Нет другой такой функции, которая была бы представлена в таком наглядном и легко регистрируемом виде. Даже память, которая не менее популярна у экспериментаторов, отлично представлена в своем результате – объеме запоминания, но не дает такой же очевидной и легко фиксируемой картинки самого процесса. Правда, есть и проблемы. Так, широкоамплитудные движения (бег, ходьба, спортивная гимнастика) или движения, выполняемые в диалоге (танец, борьба), имеют довольно большое число переменных,

затрудняющих получение строгих экспериментальных результатов. Сами испытуемые перемещаются в пространстве и в буквальном смысле слова тянут за собой оборудование и датчики. Поэтому более удобны для исследования малоамплитудные движения, выполняемые только кистями, пальцами. Я не говорю даже об исследованиях движений и микродвижений глаз, в рамках которых существуют несколько иные экспериментальные сложности. Поэтому тем из психологов, которые занимаются исследованием движений, известны и понятны пионерские исследования в этой области конца XIX – начала XX века Брайена и Хартера [7; 8], а также Бука [6]. Тем более

**Для цитаты:**

*Моргунов Е.Б.* В поисках единиц анализа исполнительной деятельности // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 67–73. doi:10.17759/chp.2016120406

\* *Моргунов Евгений Борисович*, доктор психологических наук, доцент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (ОАНО ВО «МВШСЭН», Москва, Россия. E-mail: [morgunove@mail.ru](mailto:morgunove@mail.ru)



известно психологам наследие Николая Александровича Бернштейна, проводившего свои исследования в середине прошлого века.

Как известно, свои эмпирические исследования Бернштейн начинал с разработки методов регистрации — фотографируя движения и формируя циклограммы, включающие все фазы исполнения профессионально осуществляемой деятельности. Эта традиция была одной из опор, на которой основывались развиваемые Владимиром Петровичем Зинченко представления о живом движении, его функциональной структуре и эволюции. Для того, чтобы достичь продвижения в данном направлении исследований, на факультете психологии МГУ в семидесятых годах прошлого века им была организована специальная лаборатория. Сейчас весьма актуальна тема финансирования научных исследований. В прежние времена в гуманитарных и социальных науках она была не столь актуальна, поскольку ученые работали в основном в рамках собственной заработной платы. Но для исследований, включавших экспериментальные стенды, и в особенности включавшие, как тогда говорили, ЭВМ на линии эксперимента, дополнительное финансирование было необходимо. В психологии такое финансирование могло быть получено в результате нахождения организации-заказчика. Поскольку Владимир Петрович немало времени проработал в закрытом НИИ, он нашел общий язык с представителями оборонной отрасли, заинтересованными в исследованиях того, насколько эффективно человек сможет управлять движущимся в трехмерном пространстве объектом дистанционно. Примерами такого объекта могут быть посадочный модуль спутника или управляемый снаряд. Администраторы из «оборонки» хотели знать, как добиться максимально эффективных умений в управлении подобными объектами от человека-оператора. Под такую задачу на факультет психологии МГУ начала прибывать электронно-вычислительная техника, которая, конечно же, была заметно крупнее нынешних миниатюрных форматов. Планировалось, что будет создано несколько экспериментальных стендов, предъявление стимулов и регистрация результатов на которых будет производиться под контролем компьютера. Другие компьютеры предназначались для статистической обработки результатов. В итоге под компьютерную технику ушла почти половина первого этажа факультетского здания. Компьютер, предназначенный только для обработки данных, занял одну из аудиторий на третьем этаже. На выделенные «оборонкой» деньги было создано несколько временных, как тогда говорилось, хоздоговорных лабораторий, открыто несколько десятков рабочих мест для исследователей. Фактически была открыта та практика соединения высшего образования и науки, которая дает эффект синергического развития и того и другого.

Конечно, наука на факультете психологии была всегда. Однако появление новой для психологии организационной формы, предполагавшей реального заказчика из промышленности, который будет требовать конкретного результата, была инновационной.

Новым было и невиданное ранее проникновение в психологию современного высокотехнологичного оборудования. Вместе с этой базой в отечественную психологию стали проникать и концептуальные подходы, основанные на компьютерной метафоре. Зарождавшаяся за океаном в пятидесятых годах прошлого века когнитивная парадигма, эксплуатировавшая компьютерную метафору, получила шанс на экспериментальное воплощение в Москве семидесятых. Другое дело, что, активизировавшись на нашей почве, которая в это время «обрабатывалась» с помощью иных теоретических представлений, когнитивно-психологическая традиция дала иные, не менее интересные плоды.

Семидесятые годы прошлого века были для московской психологической школы десятилетием уверенной экспансии теории деятельности в большинстве отраслей психологии. Это общеизвестно. Менее известно то, что параллельно с официальным направлением, развиваемым на факультете психологии Московского университета, происходили попытки освоения экспериментальных схем, принятых в чрезвычайно популярной в психологическом мире когнитивной психологии. В значительной мере эти попытки поощрялись Владимиром Петровичем Зинченко, который руководил кафедрой психологии труда и инженерной психологии и развивал представления о человеке-операторе, использующем ЭВМ в качестве средства своей деятельности. В занятых компьютерной техникой аудиториях здания факультета на нынешней Моховой улице воцарились, как теперь принято говорить, системные администраторы и программисты, ставшие на факультете одной из влиятельных профессиональных групп. Ведь программу эксперимента, предполагавшего предъявление стимульного материала на экране дисплея или на специальной панели, могли подготовить только они. Распределением времени для проведения экспериментов заведовали также они. Снисходительно наблюдали инженеры, программисты и системные администраторы за поначалу беспомощными попытками гуманитариев освоить работу на ЭВМ. Тем не менее, исследования не прекращались. Часть их проводилась под руководством О.К. Тихомирова, другая часть выполнялась на кафедре Е.Н. Соколова.

Исследования построения двигательных действий велись одновременно в рамках школы П.Я. Гальперина и на кафедре психологии труда и инженерной психологии, которой руководил В.П. Зинченко. И те и другие опирались на значительную историческую традицию. Еще 120 лет назад были опубликованы первые экспериментальные данные относительно динамики двигательного научения У. Брайен и Н. Хартер [7; 8] на материале становления и развития навыка у телеграфистов. Они впервые обозначили разницу в оперативных единицах исполнения, когда новички передавали по одной букве за раз, опытные работники на некоторое время задерживали внимание на тексте, а затем передавали более крупную порцию текста. Исследователи выявили, что сам процесс развития навыка распадается на несколько этапов, на

первом этапе происходит освоение навыков передачи текста по отдельным буквам, на втором — усвоение навыков передачи слогов затем слов и более крупных фрагментов текста. Они ввели понятие «высших единиц» навыка, а автоматизация навыков начала пониматься как подчинение навыков низшего порядка навыками более высокого порядка.

В начале XX-го века У. Бук [6] начал регистрировать интервалы между нажатиями пальцев на клавиши и выявил ряд новых явлений в процессе формирования двигательного навыка. По его данным, развитие навыков высокого порядка начинается раньше, чем завершается автоматизация навыка низшего порядка. По мнению У. Бука, имелось взаимное влияние нижележащих и вышележащих навыков друг на друга.

А.В. Запорожец так определил вклад А.Н. Леонтьева в развитие теории формирования навыков: «В отличие от бихевиористов, которые трактовали навык как самостоятельную единицу поведения, А.Н. Леонтьев рассматривал его как результат фиксации лишь определенной части действия, его оперативно-технической части, находящейся в постоянной зависимости от других компонентов деятельности, прежде всего от ее целей и мотивов» [2, с. 38]. Эта точка зрения была базовой для отечественных исследователей исполнительных действий.

В качестве еще одной из теоретических основ для исследований коллектива, работавшего под руководством В.П. Зинченко, было принято положение Л. фон Бергаланфи о функциональной структуре как «... совокупности взаимодействующих между собой более или менее сложных структур или процессов, объединенных в целое выполнением некоторой общей функции, которую не может осуществить ни один из ее компонентов» [1, с. 174]. Соответственно, путь развития подобной функциональной структуры проходит от «... нерасчлененного гетерогенного образования к выделению в нем все более специализированных компонентов, к установлению в нем все более многообразных связей между ними [там же, с. 174—175]. Было показано, как развивается структура действия и его компонентов: когнитивного, исполнительного и контрольно-коррекционного. Для этого был предложен метод микроструктурного анализа исполнительного действия, предполагающий его «разворачивание» в контролируемых экспериментальных условиях при использовании компьютера как неотъемлемой части экспериментального стенда. Регистрация результатов позволяла получать как интегральные показатели выполнения действия, так и частные показатели каждого из проявляющихся в эксперименте компонентов действия: блока моторных программ, реализации действия и блока контроля, а также развития взаимоотношений между ними. Владимир Петрович стремился проникнуть вглубь действия, не просто констатируя, что более мелкой единицей анализа является операция, но и определить, из чего она состоит. Было предложено использовать для обозначения единицы анализа операции понятие «функциональный блок», который должен

обладать подвижностью своих свойств и взаимодействий. Все это позволило Н.Д. Гордеевой и В.П. Зинченко предложить функционально-структурную модель исполнительного действия [1; 2].

Экспериментальные результаты, на которых была построена указанная модель, были получены на экспериментальном стенде, где испытуемый управлял изображением на экране, перемещавшемся в квазитрехмерном пространстве. Третье измерение задавалось символически уменьшением и увеличением размера движущегося на экране объекта, что имитировало его удаление или приближение. Рука испытуемого управляла органом управления, который теперь мы назвали бы джойстиком. На экране он видел как минимум два значка, один из которых обозначал цель, а другой — управляемый объект. Значок-цель метался по экрану, выписывая немислимые зигзаги. Испытуемый должен был поймать цель. В принципе, цель могла двигаться как угодно, с разными скоростями или оставаться на месте. Так же точно и значок, обозначавший управляемый объект, мог двигаться по-разному. Программируя его движения, можно было достигать разных эффектов. Например, можно было смоделировать водную среду или любую иную более плотную среду. Для этого достаточно было изменить «коэффициент передачи» так, чтобы перемещение руки с «джойстиком» на длинную дистанцию приводило ко все менее значительному перемещению управляемого объекта на экране. В эксперименте создавались и еще более сложные условия. Так, в ответ на движение вправо управляемый объект мог смещаться влево. Фактически были созданы условия для моделирования ситуации с искусственной деавтоматизацией сформировавшегося у испытуемого навыка, т.е. возвращения контроля над навыком со стороны сознания, если говорить в терминах А.Н. Леонтьева. В лаборатории работала дружная команда исследователей, в которую входили В.М. Девишвили, А.Н. Кричевец, И.В. Евсевичева, М.С. Белоховская, Е.Б. Сироткина, Ю.О. Сливницкий и многие другие психологи. На протяжении многих лет лабораторией руководила Наталья Дмитриевна Гордеева.

Параллельно с деятельностью описанной лаборатории на факультете существовали и другие лаборатории, также организованные на основе договоров с оборонными НИИ, например, лаборатория, исследовавшая функциональные состояния работников — под руководством Анны Борисовны Леоновой; лаборатория, занимавшаяся изучением трудовой деятельности операторов ЭВМ, ей руководил Борис Иванович Беспалов, с которым я познакомился еще в 1975 году. Он стал руководителем моих курсовых и дипломной работ. Заказчиком исследований данной лаборатории был НИИ «Восход» — в то время один из лидеров создания отечественного программного обеспечения. Руководителем отдела этого НИИ, с которым мы работали в тесном контакте, был В.Е. Лепский. Естественно, что ученых, работавших там, интересовали проблемы, связанные с когнитивными возможностями человека-оператора, работавшего во взаимодействии с ЭВМ. И на первых этапах

группа Б.И. Беспалова давала им результаты исследований на эту тему. Но по ходу дела у нас возникли идеи объединения способов анализа полученных результатов, практикуемых нами, и тех моделей, которые развивались под воздействием В.П. Зинченко в лаборатории Н.Д. Гордеевой. В принципе, человек, работающий с клавиатурой, выполняет движения, довольно отличающиеся от тех, что делает человек, управляющий джойстиком, когда работает вся кисть и предплечье. В нашем случае возникает дополнительная сложность — работа пальцев обеих рук при профессиональном исполнении ввода данных. При анализе проводившихся в то время исследований в этой области мы выяснили, что в основном их можно сгруппировать в четыре кластера. В первом экспериментальный стенд включает совсем немного клавиш. Это делается для того, чтобы исключить дополнительную переменную — движение всей кисти. При этом просто делается замер скорости работы. Ко второму кластеру мы отнесли такие же экспериментальные стенды, но само исследование уже предполагает наблюдение за динамикой развития действия в различных условиях. К третьему кластеру относятся срезные замеры на полноценной клавиатуре, аналогичной той, что используется в компьютерах. И, наконец, четвертый кластер предполагает использование полноценной клавиатуры и достаточно продолжительные замеры динамики формирования навыка. Нам очень не хотелось редуцировать исследуемый нами процесс до вбивания данных в искусственно собранную ограниченную клавиатуру одним пальцем одной руки. Хотя теперь, возможно, заказчики от промышленности были бы нам благодарны, поскольку миллионы нынешних пользователей мобильных устройств именно так в сети и общаются. Тогда ставились иные задачи. Например, как достичь максимальной производительности ввода информации в ЭВМ вслепую и всеми пальцами обеих рук в минимальные сроки и т. п.

Поскольку речь шла о достижении высоких результатов, первой традицией, к которой я обратился для решения указанной задачи, стала традиция П.Я. Гальперина. Именно его метод позволял достигать хороших результатов в обучении и опирался на прочнейшую теоретическую базу культурно-исторической психологии и деятельностного подхода. Тем более, что несколькими годами ранее представителями этого подхода были выполнены замечательные исследования. Прежде всего, хотелось бы назвать имя Сергея Лолиевича Малова, который был энтузиастом внедрения метода поэтапного формирования действий в практику работы машинисток и операторов ввода данных. Эму очень хотелось попробовать подключить компьютер к разработанной и проверенной им на машинистках схеме оптимизации обучения вводу данных, и он поделился со мною частью своих знаний.

Вместе с Б.И. Беспаловым мы начали готовить техническое задание для программистов НИИ «Восход» на разработку специального программного обеспечения для управления экспериментом. Понятно,

что тот стенд, который был создан в лаборатории Н.Д. Гордеевой, нам не подходил. Его программное обеспечение было «заточено» под другую экспериментальную ситуацию. Дисплей, подходивший для решения аналоговых задач, был не типичен для традиционных операторов ввода, работавших с цифробуквенной информацией. Нам подходило стандартное оборудование отечественной ЕС ЭВМ. И с помощью В.П. Зинченко мы договорились с нашими контрагентами из НИИ «Восход» о том, что эксперименты будут проходить на их территории, и в них будет использоваться стандартный компьютер ЕС ЭВМ 1022-02.

Осенью 1982 г. ТЗ на разработку программного обеспечения было успешно передано программистам организации-заказчика, и мы начали с вождением потирать руки в ожидании требуемого ПО. По нашим прикидкам, нам должны были передать уникальный по гибкости инструмент управления человеко-машинным экспериментом, который позволял бы экспериментатору варьировать до десятка переменных: содержание и режим предъявления на экране стимульного материала (длину слов, фраз, период их экспозиции, местоположение на экране, размер шрифта и др.). В одной части экрана испытуемый должен был видеть стимул-образец, а в другой части должны были появляться те буквы, которые он вводит сам. Нужно было регистрировать время от начала предъявления стимула до нажатия испытуемым на соответствующую клавишу и число его ошибок. Разрешенную длительность двигательного ответа мы также могли варьировать, нагнетая темп ввода данных. Мы стремились перейти от ситуации, когда надо было физически строить экспериментальный стенд, собирая его из разных приборов, как это было на факультете психологии в то время, к тому, чтобы эксперимент стал возможен на стандартном рабочем месте оператора ЭВМ. Ее достижение могло означать, что методика оценки профессионализма операторов могла бы выполняться в естественных для них рабочих условиях и, в идеале, даже без ознакомления операторов с тем, что идет оценка эффективности их работы. Так в ожиданиях прошло полтора года. Другие задачи оказались более приоритетными для программистов НИИ, и каждый раз в ответ на наш запрос нам говорили: ждите. Какие-то задачи в рамках хоздоговора мы могли выполнять на факультете, но в целом продвижение к «блистательным вершинам» все откладывалось. В очередной раз пришлось подключать к решению вопроса Владимира Петровича. В итоге, после его разговора директором НИИ «Восход» В.И. Дракиным дело сдвинулось с мертвой точки и пошло так быстро, как никто не ожидал.

До этого мы не сталкивались с ситуацией получения данных от мощного по тем временам компьютера. Представьте себе принтер размером с холодильник, из которого сплошной лентой идет протокол с получаемыми в реальном времени данными. Если регистрируется период от предъявления буквы до нажатия на клавишу, программно рассчитывается среднее время ответов на каждую серию стимулов и другие



показатели, а скорость нажатий может достигать сотен в минуту, становится понятно, что к концу дня экспериментов у исследователя в руках будет пачка бумаги в несколько десятков страниц. Нам удалось закончить запланированную экспериментальную серию за месяц. А в моих руках оказалось несколько посылочных ящиков с протоколами проведенных экспериментов.

Еще на этапе ожидания, когда программисты выполняют свои обещания, у меня состоялся длительный разговор с В.П. Зинченко, который во многом определил третью теоретическую составляющую описываемого здесь экспериментального исследования. Для начала Владимир Петрович выслушал мои идеи об объединении подхода П.Я. Гальперина с когнитивной психологией. Затем рассказал о своем видении ситуации. По его мнению, моему подходу не хватало ряда результатов, полученных в лаборатории Н.Д. Гордеевой и касающихся микроструктуры исполнительного действия. Так, в лаборатории Гордеевой регистрируется не один показатель времени исполнения всего действия, а как минимум три, касающихся разных его частей [3; 4]. На первой, латентной стадии самого исполнения действия еще нет, хотя цель на экране уже появилась. На этой стадии происходит планирование будущего действия, на второй стадии совершается общее движение в грубом виде. Часто оно достигает цели неточно. Время выполнения этой части считают как собственно время исполнения. И есть еще третья часть, на которой происходит тонкая коррекция движения до его полного соприкосновения с целью на экране. Содержанием этой стадии является контроль и коррекция исполнения задач движения, достигнутых на второй стадии. Становление и совершенствование действия, конечно, связано с его общей успешностью и скоростью. Но это грубые внешние показатели, мало что говорящие о глубинных процессах, происходящих в построении действия. Очевидно, что одинаковые внешние показатели могут достигаться с помощью разного набора структурных и функциональных частей и, соответственно, отражать разные уровни сформированности и интериоризированности действия. Так, для пространственного действия были разработаны показатели, в которых соотносились длительности описанных выше стадий планирования, исполнения и коррекции движения. Прогресс в этих показателях и был свидетельством происходящих внутри действия изменений. Сокращалась доля времени, уходящего на планирование. Часто это происходило более прогрессивными темпами, чем сокращение времени самого исполнения. Это понятно, поскольку время исполнения ограничивается внешне заданными пространственными условиями, а время планирования таких ограничений не имеет. Кроме того, совершенствуется сама траектория движения. Если вначале оператор «ходит конем», двигая джойстиком сначала по одной, а затем по другой координате, то затем он начинает выстраивать более укороченную траекторию. В условиях ввода данных у нас не будет возможностей для разделения показателей на стадии

от начала предъявления до начала движения пальца. В принципе, это возможно, но не в условиях стандартного компьютерного класса. Здесь опять нужен единственный и неповторимый экспериментальный стенд. Тем не менее, мысль о том, что необходимо найти некие показатели, позволяющие отличать стадию программирования движения пальца от стадии самого движения, запала мне в душу. Тем более, что в тогдашних зарубежных исследованиях *Motor Skills and Performance* способы показать это различие были найдены [9]. В частности, при съемке движений пальцев при вводе информации было видно, как на более продвинутых стадиях формирования двигательного навыка увеличивается связанность в движениях пальцев. Первый палец еще не достиг нужной клавиши, а второй уже начинает движение к своей клавише. Движения пальцев руки, которые раньше были последовательными и осуществлялись в строгой очередности, становятся все более симультанными. Стадии планирования движений разных пальцев также все более совпадают по времени. Появляется более крупная единица исполнения и планирования. Скорость ввода данных заметно нарастает.

Мы решили, что можем достичь похожих результатов, но другим способом. Так, в методике формирования умения работать с клавиатурой у С.Л. Малова одним из начальных упражнений по формированию ориентировки в клавиатуре было последовательное повторение всех клавиш, которые предшествуют заданной для нажатия слева направо. То есть, получив задачу нажать на клавишу «р» испытуемый должен был смотреть на карточку с изображением всей клавиатуры и называть по очереди все клавиши по рядам слева направо, пока не дойдет до искомой клавиши. По мере запоминания клавиш испытуемый может называть их, уже не глядя на схему клавиатуры. А потом и выполнять нажатия, лишь молча вспоминая, какая клавиша следует за какой.

Мы решили модифицировать эту методику, опираясь на новые технологии. Так, нашим испытуемым предъявлялись требуемые к нажатию клавиши. При этом они заведомо брались из разных частей клавиатуры. Одни были расположены довольно близко к точке начала отсчета клавиш, другие — далеко. Стимулы предъявлялись рандомизированно. Регистрировалось время от начала предъявления до нажатия. Испытуемые, которые только начали обучение, заметно отличались по времени, уходящему на нажатие клавиш, расположенных далеко и близко от точки начала отсчета. Эта разница в значительной степени определялась длительностью последовательности сначала проговариваемых названий клавиш. Чем длиннее последовательность, тем длиннее время ответа. Мы ожидали, что разница во времени ответа будет постепенно сокращаться по мере интериоризации требуемых действий. Сюрпризом для нас стал качественный скачок в этом процессе снижения различий. В некоторый момент результаты испытуемых внезапно становились равными вне зависимости от расстояния от начальной точки отсчета до требуемой клавиши. Не исключено, что отчасти для этой



ситуации может подойти понятие «инсайт». Но мы предпочитаем это понятие не использовать, поскольку здесь несколько иная ситуация. Образ памяти испытуемого как бы разворачивается в ментальном пространстве. Если раньше определяющим для него был последовательно выполняемый путь от начальной точки отсчета до искомого «пункта назначения» и метафорой для него могло бы быть движение на «бреющем полете» над клавиатурой, то теперь этой метафорой становится нечто иное — видение образа клавиатуры всего целиком и из одной точки над клавиатурой. Происходит своеобразный разворот образа памяти в иное положение. А из него все пути к цели имеют примерно равную протяженность. Иначе говоря, в ходе обучения изменялось содержание стадии планирования, если говорить в терминах ми-

кроструктурного подхода В.П. Зинченко. П.Я. Гальперин назвал бы этот момент изменением содержания ориентировочной основы действия. Результаты описываемого исследования были успешно защищены мною в 1986 году [5]. Работа получила высокую оценку моего научного руководителя, В.П. Зинченко. Достижением данного исследования я считаю попытку объединения концептуальных усилий трех психологических школ — микроструктурного анализа исполнительных действий В.П. Зинченко, поэтапного формирования действий П.Я. Гальперина и одной из ветвей когнитивной психологии — Motor Skills and Performance. В дальнейшем я проработал под руководством Владимира Петровича еще более пятнадцати лет на кафедре эргономики факультета кибернетики МИРЭА. Но это уже другая история.

### *Литература*

1. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., Изд-во МГУ. 1982. 208 с.
2. Запорожец А.В. Развитие произвольных действий. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1960. 429 с.
3. Зинченко В.П. Функциональная структура исполнительных/перцептивно-моторных действий // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Исследования познавательной и исполнительской деятельности. 1978. Вып. 16. С. 7—40.
4. Кочурова Э.И., Висягина А.И., Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. О критериях оценки исполнительской деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1975. Вып. 9. С. 123—172.
5. Моргунов Е.Б. Функциональная структура действий с информацией на дисплеях ЭВМ: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ. 1986. 155 с.
6. Book W.F. The psychology of skill. University of Montana. 1908. 117 p.
7. Bryan W.L., Harter N. Studies on the physiology and psychology of telegraphic language // Psychol. Rev. 1897. Vol. 4. P. 27—53.
8. Bryan W.L., Harter N. Studies on the telegraphic languages // Psychol. Rev. 1899. Vol. 6. P. 345—375.
9. Sanders A.F. Stage analysis of reactions processes // Tutorials in Motor Behavior / Ed. by G.E. Stelmach, J. Requin. North Holland, 1980. P. 331—354.

## In Search of Unit of Analysis in Executive Activity

Ye.B. Morgunov\*,

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia,  
*morgunove@mail.ru*

The paper describes studies of executive actions carried out by Vladimir Zinchenko in the 1970s and 80s at the Faculty of Psychology at the Lomonosov Moscow State University. Conceptual development of the activity theory implied reaching the micro-levels of activity processes in order to determine the minimal units of analysis. Executive action, flexible and adaptive in response to various changes of conditions, was obviously an attractive choice for experimenting. Luckily enough, it turned out there were certain parties interested in such experiments at that time – specialized scientific research institutes ('NII') whose heads were concerned with increasing the effectiveness of activity in human-operators. This led to a technological re-equipment of research laboratories of the Faculty of Psychology at the MSU in the 1970s. Supported by computers, several groups of psychologists from the Chair of General Psychology, Chair of Psychophysiology and Chair of Work and Engineering Psychology initiated a series of studies. A number of temporary project laboratories were created, three of which happened to be under direct or indirect conceptual and managerial influence of V.P. Zinchenko. This paper outlines the main outcomes of a research on data entry actions that involved a short-term quantitative measurement of individuals' memory image of computer keyboard layout.

**Keywords:** human-operator, microstructural analysis of action, functional structure of executive action, theory of activity, deautomatization of skill, consolidation of operational units.

### References

1. Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. Funkcional'naya struktura deistviya [Functional structure of action]. Moscow: MGU. 1982. 208 p.
2. Zaporozhec A.V. Razvitie proizvol'nyh deistvii [Development of operations] Moscow: Publ. APN RSFSR. 1960. 429 p.
3. Zinchenko V.P. Funkcional'naya struktura ispolnitel'nyh/perceptivno-motornyh deistvii [Funkcional' structure of perception actions]. *Ergonomika. Trudy VNIITJe. Issledovaniya poznavatel'noi i ispolnitel'noi deyatel'nosti* [Ergonomika], 1978. Vyp. 16, pp. 7–40.
4. Kochurova Je.I., Visjagina A.I., Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. O kriteriyah ocenki ispolnitel'noi deyatel'nosti [Assessment of operational actions]. *Ergonomika. Trudy VNIITJe* [Ergonomika], 1975. Vyp. 9, pp. 123–172.
5. Morgunov E.B. Funkcional'naya struktura deistvii s informacieina displayah EVM. Diss. kand. psihol. nauk. [Funkcional' structure of actions in EVM. Ph.D. Psychology]. Moscow: MGU. 1986. 155 p.
6. Book W.F. The psychology of skill. University of Montana. 1908. 117 p.
7. Bryan W.L., Harter N. Studies on the physiology and psychology of telegraphic language. *Psychol. Rev.*, 1897. Vol. 4, pp. 27–53.
8. Bryan W.L., Harter N. Studies on the telegraphic languages. *Psychol. Rev.* 1899. Vol. 6, pp. 345–375.
9. Sanders A.F. Stage analysis of reactions processes. In Stelmach G.E. (eds.) *Tutorials in Motor Behavior*. North Holland, 1980, pp. 331–354.

### For citation:

Morgunov Ye.B. In Search of Unit of Analysis in Executive Activity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 67–73. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120406

\* *Morgunov Yevgeny Borisovich*, PhD in Psychology, associate professor, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia. E-mail: *morgunove@mail.ru*

## КЛАССИК: несколько штрихов к портрету (К 85-летию Владимира Петровича Зинченко)

**В.А. Мазиллов\***,  
ЯГПУ, г. Ярославль, Россия,  
*v.mazilov@yspu.org*

Статья посвящена юбилею выдающегося отечественного психолога, философа, мыслителя В.П. Зинченко (1931–2014). Прослеживается жизненный путь, дается анализ основных этапов деятельности ученого. Предпринимается попытка выделить личностные черты классика психологической науки, характеризующие стиль его мышления и творчества. В статье отстаивается позиция, согласно которой главным вкладом В.П. Зинченко в психологическую науку (хотя исследователь, несомненно и по полному праву, «принадлежит» и детской психологии, и инженерной, и когнитивной, и даже созданной им самим поэтической антропологии) является методология, потому что Владимир Петрович Зинченко был по складу своего интеллекта и личности в первую очередь философом психологии, т. е. методологом и историком психологии в одном лице. Подчеркиваются энциклопедизм и широта взглядов В.П. Зинченко, разносторонность и разнообразие его интересов. Показано, что в работах ученого обозначена и в значительной степени реализована магистральная линия исследований, подсказанная великими Заслуженными собеседниками, линия на достижение в будущем синтеза наук и искусств. Утверждается, что В.П. Зинченко остается нашим заслуженным собеседником, в работах которого мы по-прежнему находим подсказки, несущие печать мудрости, столь свойственной классикам психологической науки.

**Ключевые слова:** В.П. Зинченко, психология, деятельность, биография, творчество, личность.

10 августа 2016 года исполняется 85 лет со дня рождения Владимира Петровича Зинченко (1931–2014), доктора психологических наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, философа и мыслителя, нашего великого современника. Это юбилей выдающегося отечественного психолога, профессора, академика Российской академии образования, Почетного члена Американской академии искусств и наук, лауреата премии Правительства РФ в области образования. В течение многих лет Владимир Петрович был членом Президиума и вице-президентом Общества психологов СССР, членом Президиума и председателем Экспертного совета по психологии и педагогике ВАК, академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, с 2001 года являлся действительным членом Отделения образования и культуры РАО. В.П. Зинченко в разные годы был заместителем председателя ряда межведомственных научных советов, таких как: «Эргономика», «Сознание», «Человек», был председателем Международного научного совета «Эргономика» стран-членов СЭВ, председателем совета по Федеральным экспериментальным площадкам Министерства образования РФ, членом

Совета Российского фонда фундаментальных исследований, президентом Международной ассоциации развивающего обучения. В.П. Зинченко был членом редколлегии ряда журналов: «Вопросы философии», «Вопросы психологии», «Техническая эстетика», «Человек», ежегодника «Системные исследования», «Journal of Russian and East European Psychology» и других, главным редактором международного научного журнала «Культурно-историческая психология».

В.П. Зинченко автор многочисленных научных трудов (всего В.П. опубликовано более 600 работ), известный ученый и организатор науки, педагог, подготовивший более шестидесяти кандидатов и докторов наук, уважаемый и любимый автор журнала «Методология и история психологии». Владимир Петрович замечательный философ психологии и историк психологической науки, ученый-энциклопедист с потрясающей продуктивностью, сделавший в науке так много, что это представляется фантастикой. В.П. Зинченко не переставал удивлять современников — из-под его пера с завидной регулярностью выходили одна за другой прекрасные статьи, все новые и новые книги [12; 13].

**Для цитаты:**

Мазиллов В.А. КЛАССИК: несколько штрихов к портрету (К 85-летию Владимира Петровича Зинченко) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 74–79. doi:10.17759/chp.2016120407

\* Мазиллов Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, ЯГПУ, Россия, г. Ярославль. E-mail: v.mazilov@yspu.org

Для того чтобы начать писать текст к юбилею уважаемого ученого, необходимо иметь какие-то веские основания. Признаться, у автора настоящих строк их совсем мало: я не могу считаться учеником Владимира Петровича — я у него, к сожалению, не учился... Никогда вместе с ним не работал, не был его соратником и сподвижником... Живу в другом городе, поэтому общение с В.П., увы, всегда было краткосрочным, эпизодическим... Конечно, существует очень много людей, которые знают В.П. Зинченко дольше, глубже, ближе. И они, конечно, напишут о нем с куда большими основаниями. Поэтому оправдание в данном случае может быть одно: Владимир Петрович Зинченко — удивительный человек, феномен, поэтому у каждого пытающегося что-то написать будет свой «мой Зинченко»...

Первое, что приходит в голову, когда думаешь о нем: В.П. Зинченко — несомненно, Классик психологической науки. Причем такое ощущение — это важно подчеркнуть — у меня было всегда. Сейчас это кажется абсолютно очевидным, само собою разумеющимся, а тогда — сорок лет назад — было наивным убеждением первокурсника, только начинающего знакомиться с психологией. Когда в моих руках оказалась книга «Восприятие и действие» — одна из самых первых книг по психологии, купленных мною, студентом первого курса, в 1971 году, — я почему-то нисколько не сомневался, что этот том написан классиками. И В.П. — в первую очередь, хотя принадлежность Зинченко к молодому поколению — по сравнению с Александром Владимировичем Запорожцем — осознавалась и тогда достаточно отчетливо. И чуть позже небольшая книжка, написанная в соавторстве с Н.Ю. Вергилесом, произвела потрясающий эффект — «так вот оно как!». Выражение «викарные действия» представлялось просто волшебным. Кстати сказать, по моему и тогдашнему, студенческому, мнению, и сегодняшнему, спустя сорок лет, эта книга оказалась недооцененной психологической наукой... Как и многое другое, созданное В.П., заметим с чувством некоторой горечи. Впрочем, это не только о Зинченко... И когда в 1974 году на конференции по инженерной психологии в Ярославле мы, студенты уже третьего курса, впервые увидели и услышали выступление Владимира Петровича, это было явление живого Классика. И когда через три года я отправился на первую в своей жизни «взрослую» конференцию — V Съезд Общества психологов СССР в 1977 году в Москве — в первую очередь вспоминается блестящий доклад Владимира Петровича о видах редукционизма в психологии. Доклад Классика.

Мне в жизни очень повезло на встречи с замечательными людьми. Одной из них была Елена Юрьевна Артемьева. Мы познакомились, когда она приехала в 1972 году читать лекции в Ярославский университет. Лекции были по психосемантике, проблематика которой тогда в работах Е.Ю. Артемьевой и ее учеников только начинала разрабатываться. Автор настоящих строк тогда был студентом второго курса психологического факультета Ярославского

университета. Елена Юрьевна в одном из разговоров сказала: «Что же Вы в Москву не приезжаете? Ведь это так близко. Там на факультете психологии МГУ происходит столько интересного». С энтузиазмом молодости я это воспринял как руководство к действию. И с тех пор — благо расписание занятий это позволяло — стал частым гостем и на факультете психологии МГУ, и в гостеприимном доме Елены Юрьевны на улице Бакинских комиссаров на Юго-Западе Москвы, где, кстати, познакомился со многими психологами и факультетскими, и приезжими — у Е.Ю. редко обходилось без гостей... Так вот, благодаря частым поездкам на факультет, мне удалось в 1973–1976 годах прослушать лекции выдающихся ученых-психологов А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина и Д.Б. Эльконина, А.В. Запорожца и Б.В. Зейгарник. И, конечно, Владимира Петровича Зинченко, который тогда воспринимался как полноправный член этой «когорты великих», хотя и было ясно, что он из другого поколения...

Владимир Петрович Зинченко родился 10 августа 1931 года в Харькове в семье известного отечественного психолога Петра Ивановича Зинченко. Счастливое довоенное детство, война, тяготы и лишения эвакуации (вначале под Сталинград, затем в Казахстан, в голодную степь). Окончив школу в родном Харькове в 1948 году, он поступает на психологическое отделение философского факультета Московского государственного университета. Окончив университет в 1953 году, В.П. поступает в аспирантуру в НИИ психологии АПН РСФСР, где под руководством А.В. Запорожца работает над кандидатской диссертацией. В 1957 году В.П. Зинченко под руководством А.В. Запорожца успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков». Официальными оппонентами были А.Р. Лурия и П.Я. Гальперин. В 1966 году Владимир Петрович защитил докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете имени А.А.Жданова на тему «Восприятие и действие». Официальными оппонентами были Б.Г. Ананьев, А.А. Смирнов и Б.Ф. Ломов. Представляется, это было рекордом — защитить докторскую диссертацию по психологии в 35 лет в те годы было просто невероятно. До 1961 года В.П. Зинченко работает в лаборатории А.В. Запорожца в НИИ психологии АПН РСФСР. В 1961 году начинается новый этап деятельности Владимира Петровича, когда он организовал в НИИ автоматической аппаратуры первую в стране лабораторию инженерной психологии, которой руководил до 1970 года. С 1969 по 1984 год он руководил отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР. Одновременно с 1951 года занимался преподавательской деятельностью, в том числе в МГУ имени М.В. Ломоносова (с 1960 г.). В 1970–1982 годах возглавлял созданную им кафедру психологии труда и инженерной психологии на психологическом факультете МГУ.

В 1984 году Владимир Петрович организовал кафедру эргономики в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА). Кроме того, в конце 80-х годов был заместителем директора Института философии РАН (1988–1991) и руководителем Центра наук о



человеке (1988—1991), директором-организатором Института человека РАН (1988—1991). В 1998 году организовал и возглавил кафедру психологии в Государственном университете природы, общества и человека «Дубна», которой руководил до 2008 года. С 1998 года Владимир Петрович является главным научным специалистом Института общего и среднего образования РАО, руководителем Центра наук о человеке при этом институте, профессором Самарского педагогического университета. В 2005 году начинает работу в государственном университете Высшей школы экономики, с 2007 года до последних дней своей жизни он — ординарный профессор ГУ ВШЭ (ныне Национальный исследовательский университет высшей школы экономики).

Мы немного отвлеклись. Всех заслуг и достоинств В.П. Зинченко все равно не перечислить... Мы — о Классике. Хотелось бы отметить, что это Классик, который был доступен для общения, открытый и отзывчивый. Человечный... Приведу такой давний эпизод. Далекий 1977 год. Автор настоящих строк — тогда начинающий преподаватель университета — с группой студентов-психологов первого курса ярославского факультета приезжает в Москву, чтобы познакомиться их с факультетом психологии МГУ. (Ведь на факультете происходит столько интересного!) Суббота, полдень. Случилась какая-то «накладка» — предварительная телефонная договоренность не срабатывает, оказывается, что нас на факультете никто не ждет. Лекции по расписанию закончились. Мы уже готовы не солоно хлебавши покинуть факультет. И тут, по счастью, я вижу Владимира Петровича, выходящего с кафедры. Ему не надо было долго объяснять, он сразу понимает ситуацию и экспромтом устраивает блестящую часовую лекцию о психологии на факультете МГУ... Я иногда встречаю своих бывших студентов, участников той поездки. Они про нее вспоминают, хотя прошло почти сорок лет, для них это было событие на всю жизнь. Мне даже трудно представить, скольким людям Владимир Петрович с его доброжелательностью и отзывчивостью реально помог...

Доброжелательность и отзывчивость не означают, что это абстрактно добрый человек. В.П. мог быть и требовательным и принципиальным. Иногда кажется, что В.П. вообще человек из другой эпохи.

Владимир Петрович — классик веселый, с удивительным чувством юмора. Превосходный рассказчик, ценитель и знаток прекрасного во всех его проявлениях...

Потом было обучение на факультете повышения квалификации при факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, где В.П. Зинченко как всегда блистательно читал лекции... Настоящее, «личностное» знакомство с Владимиром Петровичем произошло значительно позднее, в 1993 году в осеннем Харькове. Еще один раз повезло. Там проходила конференция, посвященная 60-летию Харьковской психологической школы и 90-летию со дня рождения Петра Ивановича Зинченко. Помню, как я задал В.П. вопрос о любимой им гештальтпсихологии и вместо краткого ответа получил приглашение посетить его в

гостинице напротив корпуса университета. Тот доверительный разговор о психологии и жизни я помню и сейчас. Я тогда очень много узнал о выдающемся ученом как о человеке. В.П. Зинченко тогда приехал в родной город после очень длительного перерыва и поделился со случайным благодарным собеседником нахлынувшими воспоминаниями и переживаниями. Полудетективная история, связанная с харьковской встречей с В.П. Зинченко, с текстом статьи венгерских психологов Л. Гараи и М. Кечке про кризис психологии и Л.С. Выготского, мною уже была описана — не стану повторяться [15; 16]...

По счастью, такие встречи имели продолжение и в Москве, и в Ярославле.

Так вот, счастливая судьба В.П.! Что бы он ни делал, все становилось классикой. И ранние работы по детской психологии, и инженерно-психологические изыскания, и основы эргономики. И работы по когнитивной психологии. И труды по педагогической психологии. В древности семь городов спорили, который из них родина Гомера. То же и про В.П. Зинченко. Он по полному праву принадлежит и детской психологии, и инженерной, и когнитивной. И даже созданной им самим поэтической антропологии. Но для меня не подлежит сомнению, что главным в творчестве Владимира Петровича было и остается то, что роднит его с журналом «Методология и история психологии». Потому что Владимир Петрович Зинченко в первую очередь философ психологии, т. е. методолог и историк психологии в одном лице.

В далеком 1983 году В.П. Зинченко (в соавторстве с С.Д. Смирновым) публикует свою первую книгу по методологии «Методологические вопросы психологии» [2]. Затем в ряде книг [4; 11] и множестве статей В.П. Зинченко развивает свои методологические взгляды и идеи. Здесь, правда, требуется существенное уточнение. В.П. Зинченко развивает психологию органическую. Психология для В.П. Зинченко — это культурно-историческая психология. Наука гуманитарная. Поэтому история и культура в работах классика не могут не занимать ведущего места. И методология этой науки — культурно-исторической психологии — в работах В.П. Зинченко разработана. В процессе общения с Заслуженными Собеседниками. Чрезвычайно интересны и поучительны тексты Владимира Петровича, посвященные его великим учителям, выдающимся предшественникам, Заслуженным собеседникам. История психологии предстает в этих случаях как живой процесс трансляции и развития научного знания. В.П. Зинченко — замечательный писатель. Его книги и блестящие статьи — настоящая литература высокой пробы. У классика редкий литературный талант, потрясающее чувство слова. Во многих случаях тексты Зинченко — это самая настоящая поэзия. В авторском предисловии классик пишет, что интерес и любопытство повлекли его далеко за пределы его профессии — психологии. Это, конечно, так... На мой взгляд, Нобелевский комитет, который некогда уже присуждал философам и психологам премии по литературе, в очередной раз опоздал... (Здесь я явственно представляю себе выра-

жение лица В.П., если бы ему довелось прочесть эти строки. Посему умолкаю...).

Мне кажется, что очень значим проект создания Большого психологического словаря (в содружестве со своим учеником Борисом Гурьевичем Мещеряковым) — бесспорно, лучшего русскоязычного психологического толкового словаря [1]. Словарь, который создается в течение многих лет [об истории создания словаря см.: 3]. Этот словарь получился столь удачным во многом благодаря широчайшей эрудиции и энциклопедизму автора-составителя. И, конечно, заслуживают внимания нововведения: «возможно, для многих покажется необычным и оригинальным то, что некоторые статьи имеют дополнения, написанные либо редакторами, либо привлеченными авторами. На самом деле, эта вполне корректная и уважительная по отношению к авторам первоначальных статей форма совершенствования их содержания, в сущности, восстанавливает традицию фундаментальных словарей типа Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона» [3; 6]. Редакторские дополнения Зинченко, в частности, свидетельствуют, что объективность и пристрастность могут отлично сочетаться.

Сколько зарубежных изданий с легкой руки Классика получило «путевку в жизнь» на русском языке в виде предисловий и послесловий! Из них можно составить небольшую, но очень качественную психологическую библиотеку. Здесь и классические работы М. Вертгеймера «Продуктивное мышление» [6], и «Когнитивная психология» Р. Солсо [8], и знаменитый учебник «Введение в психологию» под редакцией Риты Аткинсон [10], и культовая книга Р. Грегори «Глаз и мозг» [5]. И много-много других важных и хороших книг по психологии. И по философии [7].

Мне кажется, что очень важно подчеркнуть: В.П. Зинченко был человеком свободным. В первую очередь внутренне свободным. Человеком живым, развивающимся, взгляды которого могут меняться. Имеющим силу и смелость отказаться от каких-то своих взглядов, которые оказались «изжитыми». И потому В.П. был человеком, открытым новому. Наверное, поэтому В.П. Зинченко было предложено и реализовано столько идей, сколько обычно совершенно недоступно обычному человеку. И это заставляет предположить, что Классик был человек не вполне обычный. Просто он был гений среди нас, его благодарных современников.

Ему была свойственна научная отвага. В научных построениях В.П. Зинченко много парадоксального и неожиданного. На это способен не только отважный человек, но и сильный. Для человека, воспитанного в строгих канонах научности, полагаю, не просто было допустить в строй своих активных понятий духовный слой сознания. Но зато мы видим результат — теория сознания Зинченко это совсем не пародия на сознание (мы знаем много таких теорий). А само сознание — полифоническая структура, охватывающая бытийный, рефлексивный и духовный слои сознания. И творчество представляется не решением «головомолки», а сложнейшим процессом... Впрочем,

здесь не время и не место анализировать и оценивать содержание теорий В.П. Зинченко.

Достаточно прочесть пару текстов Зинченко, чтобы понять, что В.П. — любитель и ценитель прекрасного. Энциклопедизм и широта взглядов В.П. Зинченко, разносторонность и разнообразие его интересов позволяли ему обозначить и в значительной степени реализовать в своих работах магистральную линию, подсказанную великими Заслуженными собеседниками, линию на достижения в будущем синтеза наук и искусств. В этом смысле В.П. Зинченко, несомненно, человек будущего [14].

Есть нечто, что объединяет В.П. Зинченко с другим классиком психологии и другим гением этой науки — Карлом Юнгом. Это отношение к тайне. Что может быть лучше, интересней, чем заниматься психологией человека? Исследовать Совершенное, Возвышенное и Удивительное. Если разобраться, занятия психологией — величайшая дерзость человеческого разума, пытающегося объяснить устройство и функционирование Души. Человеческий разум в психологии устремляется на разрешение мировых загадок. Вероятно, из семи мировых загадок, возможность разрешения которых манила ученых прошлого столетия, те, что относятся к психологии, в полной мере заслуживают наименования не просто загадок, но мировых Тайн. Тайна человеческой Души по-прежнему не раскрыта (и, пожалуй, со времен Аристотеля и Платона вряд ли человечество существенно приблизилось к тому, чтобы хотя бы немного ее приоткрыть: «тайна сия велика есть»). Здесь становится отчетливо заметно различие между пониманием и знанием: знаний накоплено огромное количество, необходимого понимания пока что нет. Но — парадокс, тайна необходима. Мы постигаем непостижимость. Прекрасно об этом сказал Карл Юнг: «Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное, нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который все еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности. Неожиданное, как и невероятное, всегда присутствует в этом мире. Жизнь без них неполна. Для меня с самого начала мир был бесконечен и непостижим» [17; 351]. Владимир Петрович, несомненно, причастен к этим тайнам. В авторском предисловии к фундаментальному труду «Сознание и творческий акт» он пишет, что это «... книга, посвященная двум тайнам — сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну» [12; 11]. В.П. Зинченко предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам» [12; 11]. И как совет читателям: «... тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под луной, кроме вечных проблем бытия и сознания» [12; 11].

Я думаю, что Владимир Петрович был очень счастливым человеком. Ему все было интересно, он не утратил любознательности и бескорыстного стремления к познанию. Наверное, поэтому тайны так часто приоткрывали покровы, когда их касался Классик... Каждая работа В.П. Зинченко — не только книга, но и статья (которые во множестве публиковались в «Вопросах психологии» и «Вопросах философии», в «Культурно-исторической психологии» и в «Методологии и истории психологии») — становилась ярким событием культурной жизни психологического сообщества. Идеи, высказанные В.П. Зинченко, обсуждаются, живут. Это — живое знание... В его работах — живой самоанализ: «Книга такого объема не могла быть написана в один присест. Первые подступы к анализу творческого акта были сделаны мною более 40 лет тому назад. Еще через 20 лет я осмелился вступить на территорию сознания» [12; 20]. «В моей душе (в соответствии с

представлениями К. Юнга о творчестве) образовался и начал созреть автономный комплекс “сознание”, который время от времени прорывался наружу в виде докладов, лекций и публикаций. Многие годы зародившиеся сюжеты не отпускали, но и не захватывали целиком. Сейчас, видимо, пришло время собирать камни» [12; 21].

Хорошо понимая, что в этих беглых заметках автору ни в коей мере не удалось раскрыть «феномен Зинченко», удовлетворимся тем, что мы хотя бы немного прикоснулись к тайне личности Владимира Петровича Зинченко. Отмечая 85-летие со дня рождения Владимира Петровича Зинченко, хочется пожелать всем нам, чтобы В.П. Зинченко по-прежнему оставался нашим заслуженным собеседником, в работах которого мы бы по-прежнему находили подсказки, несущие печать мудрости, столь свойственной нашему юбиляру — настоящему Классику психологической науки.

### **Литература**

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. СПб: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2005. 668 с.
2. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 164 с.
3. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Предисловие // Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. СПб: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2005. С. 5–7.
4. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
5. Зинченко В.П., Лурия А.Р. Предисловие // Р.Л. Грегори. Глаз и мозг. М.: Прогресс, 1970. С. 5–7.
6. Зинченко В.П. Вступительная статья // М. Вертгеймер. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987. С. 5–26.
7. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию // Г. Хант. О природе сознания. М.: АСТ, 2004. С. 11–16.
8. Зинченко В.П., Назаров А.И. Когнитивная психология и психология // Р. Солсо. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. С. 11–20.

9. Зинченко В.П., Назаров А.И. Последействие // Н.А. Бернштейн. Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997. С. 576–594.
10. Зинченко В.П. К читателю // Р. Аткинсон и др. Введение в психологию. СПб: Прайм-Еврознак, 2003. С. 31–33.
11. Зинченко В.П. Посох Манделштами и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М. Новая школа, 1997. 335 с.
12. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
13. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
14. Мазилев В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
15. Мазилев В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе: сб. / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 1998. С. 140–173.
16. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2004. 236 с.
17. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.

## The Classic: Details to the Portrait (In Celebration of the 85<sup>th</sup> Birthday of V.P. Zinchenko)

V.A. Mazilov\*,

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia,  
v.mazilov@yspu.org

This paper is dedicated to the 85th birthday of Vladimir Zinchenko (1931–2014), a prominent Russian psychologist and philosopher. It traces the main periods in the life of the scientist and attempts to reveal his personal features that shaped the style of his thinking. It is argued that Zinchenko's most important contribution to psychological science is methodology (even though his contributions reasonably and undoubtedly involve child psychology, engineering psychology, cognitive psychology, as well as poetic anthropology which he himself established), which is due to the fact that Vladimir Zinchenko's personality and intelligence were principally that of a philosopher in psychology and made him a methodologist and historian of psychology all in one. The paper also stresses the encyclopedic nature of knowledge and broadness of views in Vladimir Zinchenko, the diversity and multi-sidedness of his interests. As it is showed, his works embrace and to a great extent implement the main research pattern suggested by the great honored companions, that is, the future pattern of a synthesis of art and science. The paper concludes that Vladimir Zinchenko himself remains our honored companion and that his works reveal to us their messages of wisdom so distinctive of the classic of psychological science.

**Keywords:** V.P. Zinchenko, psychology, activity, biography, creative work, personality.

### References

1. Meshcheryakov B.G. (eds.) *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Saint Petersburg: Praim-Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2005. 668 p.
2. Zinchenko V.P., Smirnov S.D. *Metodologicheskie voprosy psikhologii* [Methodological issues of psychology]. Moscow: MGU, 1983. 164 p.
3. Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. *Predislovie. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Saint Petersburg: Praim-Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2005, pp. 5–7.
4. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. *Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiiskoj psikhologii*. Moscow: Trivola, 1994. 304 p.
5. Zinchenko V.P., Luriya A.R. *Predislovie* [Introduction]. In Gregori R.L., *Glaz i mozg* [Eye and brain]. Moscow: Progress, 1970, pp.5–7.
6. Zinchenko V.P. *Vstupitel'naya statya* [Introduction]. In Vertgeimer M., *Produktivnoe myshlenie* [Productive thinking]. Moscow: Progress, 1987, pp. 5–26
7. Zinchenko V.P. *Predislovie k russkomu izdaniyu* [Introduction]. In Hant G. *O prirode soznaniya* [About the nature of consciousness]. Moscow: AST, 2004, pp. 11–16.
8. Zinchenko V.P., Nazarov A.I. *Kognitivnaya psikhologiya i psikhologiya* [Cognitive psychology and psychology]. In Solso R., *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Moscow: Trivola, 1996, pp. 11–20.
9. Zinchenko V.P., Nazarov A.I. *Posleslovie. Bernshteyn N.A. Biomehanika i fiziologiya dvizhenii. Izbrannye psikhologicheskie Trudy* [Biomechanics and physiology of actions]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO "Modyek", 1997, pp. 576–594.
10. Zinchenko V.P. *K chitatelyu* [To the reader]. In Atkinson R. (eds.), *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to physiology]. Saint Petersburg: Praim-Evroznak, 2003, pp. 31–33.
11. Zinchenko V.P. *Posoh Mandel'shtami i trubka Mamar-dashvili. K nachalam organicheskoi psikhologii* [To the bases of organic psychology]. Moscow: Novaya shkola, 1997. 335 p.
12. Zinchenko V.P. *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and act]. Moscow: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
13. Zinchenko V.P., Pruzhinin B.I., Shhedrina T.G. *Istoki kul'turno-istoricheskoi psikhologii: filosofsko-gumanitarnyi kontekst* [Beginning of the cultural-historical psychology]. Moscow: ROSSPJEN, 2010. 415 p.
14. Mazilov V.A. *Psihologiya na poroge XXI veka: metodologicheskie problem* [Psychology and 20 century]. Yaroslavl: MAPN, 2001. 112 p.
15. Mazilov V.A. *Psihologiya: shizofreniya kak i bylo skazano. Psihotehnologii v social'noi rabote* [Psychology: shizofreniya]. Kozlov V.V. (ed.). Yaroslavl: MAPN, 1998, pp. 140–173.
16. Mazilov V.A. *Steny i mosty: metodologiya psikhologicheskoi nauki* [Walls and bridges6 methodology of psychology]. Yaroslavl: MAPN, 2004. 236 p.
17. Jung K. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memory, sleep, reflection]. Kiev, 1994. 406 p.

### For citation:

Mazilov V.A. The Classic: Details to the Portrait (In Celebration of the 85<sup>th</sup> Birthday of V.P. Zinchenko). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 74–79. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120407

\* *Mazilov Vladimir Aleksandrovich*, PhD in Psychology, professor, head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia. E-mail: v.mazilov@yspu.org



## В.П. Зинченко — на перекрестке путей в будущее психологии

А.И. Назаров\*,

университет «Дубна», Дубна, Россия,  
annaz1939@gmail.com

Обозначены основные даты жизни и темы творчества В.П. Зинченко. Более подробно рассмотрены основные направления его исследований восприятия и двигательных действий, а также некоторые его оригинальные методологические взгляды, касающиеся истории и будущей судьбы ряда краеугольных понятий культурно-исторической психологии — действия, деятельности, интериоризации, формирования высших психических функций. Изложена суть его представлений о внешней и внутренней формах действия, о дифференциации действия как альтернативы принципу интериоризации. Подчеркивается актуальность и перспективность рассмотренных тем в контексте дальнейшего развития психологического знания.

**Ключевые слова:** культурно-историческая психология, восприятие, двигательные действия, внутренняя и внешняя форма, интериоризация, дифференциация действия.

Владимир Петрович Зинченко родился 10 августа 1931 г. в г. Харькове (Украина). Отец, Петр Иванович Зинченко, — известный психолог, стоявший у истоков «харьковской школы» советских психологов. Мать, Вера Давыдовна Войтинская, преподавала психологию в харьковской консерватории. Напомню основные хронологические даты жизни Владимира Петровича.

1948. Окончил 131-ю среднюю школу г. Харькова.

1948—1953. Получил высшее образование, закончив психологическое отделение философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Последние два года совмещает учебу с работой учителя психологии и логики (в те годы был такой школьный предмет) в 593-й и 598-й средних школах г. Москвы.

1953—1956. Обучение в аспирантуре НИИ психологии АПН РСФСР.

1957. Защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (научный руководитель — профессор А.В. Запорожец).

1957—1961. Работал в лаборатории детской психологии (НИИ психологии АПН РСФСР) в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника.

1961—1969. Руководил первой в стране лабораторией инженерной психологии при отделе математики предприятия п/я 701 (НИИ автоматической аппаратуры).

1966. Защитил докторскую диссертацию на тему «Восприятие как действие».

1969. Удостоен звания профессора МГУ.

1969—1984. Руководил отделом эргономики ВНИИ технической эстетики.

1970—1982. Заведующий организованной им кафедры психологии труда и инженерной психологии на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

1974. Избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

1984—2007. Заведующий кафедрой инженерной психологии в МИРЭА (теперь Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (технический университет)).

1988. Избран почетным членом Американской академии искусств и наук.

1988—1991. Заместитель директора Института философии РАН, руководитель центра наук о человеке, руководитель-организатор Института человека РАН.

1991—1998. Действительный член АПН, член президиума РАО, академик-секретарь отделения психологии и возрастной физиологии.

1998—2007. Заведующий созданной им кафедры общей психологии в Государственном университете «Дубна»

2001—2007. Академик-секретарь отделения образования и культуры РАО.

**Для цитаты:**

Назаров А.И. В.П. Зинченко — на перекрестке путей в будущее психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 80–89. doi:10.17759/chp.2016120408

\* Назаров Анатолий Иосифович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии университета «Дубна», Дубна, Россия. E-mail: annaz1939@gmail.com

2007—2014. Ординарный профессор факультета психологии Высшей школы экономики (ВШЭ).

2012. Удостоен почетной грамоты Президента Российской Федерации.

2014, 6 февраля. Последний день в жизни В.П. Зинченко.

\* \* \*

О В.П. Зинченко написано немало [17], особенно после его ухода [15]. Не буду повторяться. Остановлюсь на некоторых фрагментах его творчества, главными темами которого были (почти в хронологическом порядке от начала их разработки).

- Восприятие: теория и эксперимент.
- Формирование зрительного образа.
- Инженерная психология.
- Метод микроструктурного анализа.
- Психологическая структура и динамика действия.
- Операциональный состав кратковременной памяти.
- Визуальное мышление и визуальная культура.
- Макро- и микроструктура сенсомоторного действия.
- Живое знание.
- Аффект и интеллект.
- Геном духовного развития человека.
- Методология и философская психология.
- Сознание, интуиция и творчество.
- Психология и искусство.
- Психологические портреты отечественных психологов.

Это — лишь заголовки тем, большая часть которых традиционна. Нетрадиционными являются характер анализа и раскрытие содержания этих тем в работах В.П.

\* \* \*

Отечественная психология 50-х гг. XX столетия развивалась по пути, который был результатом действия на нее трех «силовых» векторов: 1) философии диалектического материализма, 2) учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, 3) учения Л.С. Выготского о формировании высших психических функций. Иногда взаимодействие этих трех разнородных составляющих приводило к появлению низкопробных эклектических продуктов, которые пополняли арсенал вульгарного материализма. Но в умах наших видных психологов это взаимодействие скорее протекало, как в плавильном тигле<sup>1</sup>, в виде

творческого синтеза, благодаря которому психология в целом поднималась на более высокую ступень своего развития. Одним из конкретных примеров такого синтеза было понятие ориентировочно-исследовательской деятельности, прототипом которого послужило павловское понятие ориентировочного рефлекса<sup>2</sup>. В работах А.Н. Леонтьева, Д.Б. Элькониной, П.И. Зинченко, А.В. Запорожца была показана специфика ориентировочной деятельности человека и ее роль в формировании различных психических процессов на разных возрастных этапах. Оригинальную концепцию типов ориентировки в формировании умственных действий создал П.Я. Гальперин.

Не удивительно поэтому, что первое научное исследование В.П. Зинченко было посвящено выяснению особенностей ориентировочных движений руки и глаз в формировании двигательных навыков [8]. Будучи еще молодым ученым, В.П. проявил себя здесь как неординарный экспериментатор, применив для регистрации траектории движений руки методику циклографии, а для регистрации движений глаз — методику киносъемки<sup>3</sup>, которая ранее нашими психологами не применялась. В этой работе была обнаружена *модальная специфичность* ориентировочных движений руки и глаз при поиске пути выхода из лабиринта: движения руки были жестко привязаны к траектории ходов лабиринта, тогда как движения глаз были более свободными, охватывая большую площадь лабиринта. Это значит, что сенсомоторные единицы, из которых в ходе формирования навыка складывался целостный образ решения задачи, были разными не только по своему афферентно-эфферентному составу, но и по тому, какая по объему часть будущего правильного действия найдет в них свое отражение. Из более крупных единиц (зрительный поиск) быстрее синтезировать целое, чем из мелких (ручной поиск). Поэтому время зрительного поиска выхода из лабиринта оказалось существенно меньше времени ручного поиска. Кстати, такое укрупнение единиц (за счет отторгивания неэффективных, ошибочных операций и своего рода «агломинации» успешных) возможно и в пределах только ручного поиска, что подтверждается наблюдавшимися изменениями в характере их пространственно-временной динамики и сокращением времени решения задачи в конце тренировки. Сейчас, на основании непрерывно пополняющегося объема эмпирического материала, можно сказать, что сокращение ориентировочного состава и укрупнение смысловых единиц в ходе формирования навыков — сенсомоторных, перцептивных, умственных, мнемических — является всеобщим психологическим законом.

Уже в самом начале творческого пути В.П. Зинченко проявилась характерная для него установка на

<sup>1</sup> Метафора плавильного тигля упоминается в более поздней работе В.П., посвященной психологии творчества.

<sup>2</sup> Этимологическая связь между этими двумя разными, по существу, понятиями позволяла поддерживать у партийных чиновников иллюзию полной преемственности между понятийным аппаратом психологии и физиологии, как это диктовалось нормами вульгарного материализма.

<sup>3</sup> Впервые кинопереписку движений глаз осуществили К. Judd, McAllister, W. Steele в 1905 г.

синтетический (а впоследствии и глобальный) подход к исследованию психических явлений, что, впрочем, не исключало его интереса к их анализу (а затем и микроанализу). Восходящая к И.М. Сеченову идея общности функциональных свойств осязательного и зрительного восприятия была развита в ряде работ В.П. В одной из них, пожалуй, впервые четко обозначены функции, которые являются общими для осязательной и зрительной модальностей восприятия — это функции *построения* (образа предмета), *измерения* (пространственных свойств предмета), *контроля и коррекции* (результатов поисковых операций). Каждая из них имеет свою модальную специфику в составе и свойствах реализующих их моторных операций. Характерно, что пространственные характеристики последних (траектории осязающих движений или зрительных саккад) не всегда соответствуют критериям «правильности»:

«...отклонения в рисунке движений руки от контура воспринимаемого объекта... не случайны. Они вытекают из самого существа функции построения, которая неизбежно требует “вспомогательных линий”, перерывов в последовательном обведении контура, изменения направлений движения, скачкообразных переходов от одних элементов контура к другим. Определяемые логикой построения, эти отклонения обеспечивают адекватность образа» [8].

Объясняя специфику этих отклонений в разных модальностях (в зрительном восприятии они гораздо больше), авторы высказывают интересную мысль о роли «площади взаимодействия» (контактного и дистантного) рецепторной поверхности и объекта: чем больше эта площадь, тем крупнее «части», из которых синтезируется «целое», и тем свободнее поведение воспринимающего органа по отношению к целевому предмету. Отсюда понятна специфика движений глаз и их привязка к контуру объекта в условиях «трубчатого зрения», аналогичных тем, которые имеют место при наблюдении сцен через оптические приборы, суживающие поле зрения.

Оригинальная концепция восприятия, предложенная В.П. Зинченко в 1964 г. [13] формировалась не только на базе его экспериментальных исследований в русле академической тематики. Большую роль здесь сыграло событие, когда в 1961 г. на московском предприятии оборонного значения (п/я 701, позднее реорганизованный в НИИАА) была создана первая в СССР лаборатория инженерной психологии, которую возглавил В.П. Конечно, для многих из нас между проблемами генезиса восприятия и инженерной психологией — дистанция огромного размера, если не глубочайшая пропасть. Но чудо заключалось в том, что в нашей стране за решение инженерно-психологических, а затем и эргономических задач взялись профессиональные гуманитарии-психологи. Для В.П. взрослый человек-оператор автоматизированной системы управления мало чем отличался от ребенка: тот и другой многому должны научиться в новой для себя окружающей среде. Нужно было прежде всего выяснить, в чем состоит психологическая,

а не только материальная новизна этой среды и в чем состоит содержание тех переходных процессов, которые протекают на разных стадиях развития восприятия, начиная от его натуральных форм и кончая приобретением им свойств высшей психической функции. Это и было сделано в упомянутой работе «Теоретические проблемы...». Помимо затронутых здесь чисто профессиональных проблем, В.П. высказывает ряд критических соображений по поводу распространенных в то время моделей восприятия, разрабатываемых в рамках теоретико-информационного подхода к анализу или даже решению ряда психологических проблем.

Если в отдельных работах 1956—1966 гг. отражен начальный период творчества В.П., то в книге «Восприятие и действие» (1967 г.) подведен его итог, обобщающий опыт проведенных за это время теоретических и экспериментальных исследований в рамках генетического метода.

Начиная приблизительно с 1965 г., возникает другой вектор творчества В.П. Зинченко, ставший возможным благодаря его встрече с талантливым инженером-изобретателем Н.Ю. Вергилесом. Развитие психологии, особенно экспериментальной, всегда было связано с применением в ней достижений техники, позволявших воплощать творческие замыслы ученого в реальные события, пусть даже ограниченные лабораторным пространством. Вергилес ввел в контактный метод регистрации движений глаз два новшества: 1) используя люминисцентную пластину, закрепленную на глазной присоске, можно было предъявлять испытуемому разнообразные стимулы, варьируя их временные параметры; как говорил В.П., это был своего рода электронный тахистоскоп на глазу; 2) применяя цветовую модуляцию изображения, экспонируемого на плоскости электролюминисцентной пластины, можно было длительное время (ограниченное только допустимым периодом контакта присоски с глазом) наблюдать его в условиях стабилизации проекции этого изображения на сетчатке глаза; это было поистине открытие, которое, насколько мне известно, не было официально зарегистрировано прежде всего по бюрократическим причинам и, возможно, из-за легкомысленного отношения таланта к так называемому авторскому праву. Эти два новшества позволяли В.П. в более строгом формате проверить применимость разделяемой им праксеологической теории зрительного восприятия не только в плане генезиса последнего, но и в плане функционирования его в развитом виде. Результаты совместной работы Зинченко и Вергилеса отражены в книге «Формирование зрительного образа» [14] Выделю наиболее важные ее положения.

1. В условиях стабилизации многие зрительные задачи не могут быть решены без участия движений глаз, несмотря на то, что в этих условиях движения глаз не способны выполнять свои обычные функции — наведение взгляда на тот или иной участок поля зрения и удерживание устойчивой зрительной фиксации на нем.

2. Необходимость движений глаз в условиях стабилизации свидетельствует о существовании их неспецифической функции, предназначенной для модуляции чувствительности каналов зрительной системы:

«...функцию движений глаз, осуществляемых в условиях стабилизации при решении сложных зрительных задач, можно рассматривать как механизм последовательного и направленного включения различных рецептивных полей сетчатки, соответствующих информативным участкам изображения. **Моторика глаза, таким образом, организует движения внимания в зрительном поле даже в том случае, когда это поле неподвижно относительно сетчатки**» [14].

3. Движения глаз, наблюдавшиеся в условиях стабилизации, отличаются от обычных саккадических движений своей меньшей амплитудой и, соответственно, меньшей скоростью. Поэтому связанные с ними перцептивные действия были названы *викарными*. Несмотря на указанные различия, испытуемые не замечали особой разницы между ощущениями от движений глаз в двух различных условиях восприятия, отмечая, что их глаза (или внимание) в обоих случаях движутся по объекту. Однако для исследователя различие все же существует: в одном случае мы имеем дело с направлением *анатомической* фовеа на объект, в другом — *функциональной* фовеа, которая подчиняется идеальному образу.

4. При решении испытуемым мыслительных задач викарные перцептивные действия в виде дрейфов и малоамплитудных скачков глаз являются средством визуализации проблемной ситуации и ее переструктурирования во внутреннем, идеальном плане.

5. В зависимости от конкретных запросов выполняемого действия или решения проблемной ситуации можно вычерпывать необходимую информацию, производя с идеальным образом манипуляции, аналогичные манипуляциям с физическими объектами<sup>4</sup>. *Манипулятивная способность* зрительной системы позволяет преодолеть избыточное число степеней свободы образа восприятия, компенсировать неизбежные искажения в нем, обусловленные морфологическими свойствами воспринимающего органа.

Могут возникнуть сомнения относительно применимости данных, полученных в условиях стабилизации, к восприятию в обычных условиях. Но все дело в том, что в феноменальном поле обычного восприятия исчезают те его свойства, которые вначале развернуты во времени и пространстве и даже доступны самонаблюдению, а потом, в процессе автоматизации перцептивного навыка, превращаются в одномоментную операцию, процессуальная часть которой остается за пределами сознания, и осознается только ее конечный результат. Отсюда — часто возникающая иллюзия неправдоподобия результатов

научного анализа, в котором содержится не только то, что доступно непосредственному восприятию, но и то, что открывается только при рассмотрении всей его прошедшей истории<sup>5</sup>. Так или иначе, несомненной остается важность предложенных авторами новых понятий для полного понимания психологической природы развитого восприятия как составной части взаимодействия индивида с его окружением и со своим собственным опытом. Об этом говорят все последующие работы В.П. Зинченко по восприятию. Пожалуй, ни один из психологов не рассматривал восприятие в таком глобальном культурно-историческом контексте, как это было сделано В.П. Зинченко. Все, что было сказано по поводу результатов опытов со стабилизацией, нашло свое отражение в анализе перцептивных действий художника, восприятия художественных и литературных произведений. При этом восприятие предстало перед нами не голышом, как это характерно для подавляющего большинства его исследователей, а в завораживающем облачении вечно прекрасных творений человеческой культуры. В.П. Зинченко — первый, кто наметил путь восхождения от сенсорных оснований до духовных вершин восприятия. Конечно, этот путь — лишь пунктир, а не непрерывный контур, создавать который предстоит будущим психологам...

Восприятие изучалось В.П. Зинченко не само по себе, а в составе предметного действия, которое вначале рассматривалось им в традиционном для отечественной психологии плане. Начиная с «Функциональной структуры действия» [3] и во многих последующих своих работах, В.П. развивает эту традицию, критически анализируя ее и предлагая иной путь решения обнаруженных в этом анализе проблем. Одна из них, пожалуй, ключевая, была обозначена им как взаимопревращения внешней и внутренней форм действия. Если традиционно эта проблема рассматривалась преимущественно (я бы сказал — исключительно) со стороны превращения (интериоризации) внешнего действия во внутреннее, т. е. на этапах формирования действия, то В.П. на основе данных о свойствах действия, уже сформированного на уровне высших психических функций, пришел к выводу, что и на этом уровне внешняя и внутренняя формы продолжают свой бесконечный «разговор». Бесконечный, потому что действие функционирует в разных, неисчерпаемых в своем разнообразии ситуациях, требующих его модификации для сохранения своей адекватности. Послушаем самого В.П. Зинченко:

Проблема интериоризации тесно переплетена с проблемой границы между внешним и внутренним. Это не философская граница между объективным и субъективным, а граница в традиционном психологическом и более широко — гуманитарном смысле разделения психического мира на внешний и внутренний» [9, с. 137]

<sup>4</sup> В 1971 г. американскими психологами были начаты хронометрические исследования мысленного вращения изображений трехмерных фигур, имеющих разную ориентацию [18; см. также: 1].

<sup>5</sup> Обоснование необходимости такого исторического анализа природы психических функций дано в работах Л.С. Выготского.



[В традиционном понимании интериоризации и экстериоризации] «Первый процесс — это «вращивание» внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. От длительного употребления терминов “интериоризация” и “экстериоризация”, стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологического сознания, а стоящие за ними процессы как бы уподобились «водопроводной логике», как в задачках 5-го класса о «бассейнах и портвейнах». Столько-то куда-то втекает и столько-то от туда вытекает...» [Там же, с. 139].

«Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними..., то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним» [Там же, с. 140].

Далее В.П. отмечает, что та же судьба предписана и понятию экстериоризации, традиционно понимаемому как переход от внутреннего (идеального) плана действия к внешнему (материальному). Но так же как во внешнем действии, в отличие от рефлекса, всегда присутствует внутренний план (например, в виде субъективного образа этого действия), во внутренней репрезентации действия *в снятом виде* (например, в виде неосознаваемых операций фоновых уровней регулирования) даны все необходимые и достаточные компоненты его внешней реализации. В экспериментальных исследованиях микроструктуры и микродинамики двигательных действий, выполненных при участии и под руководством В.П., убедительно показано, как происходит взаимодействие изначально существующих внешних и внутренних форм, содержание которых модифицируется в зависимости как от ситуации, в которой исполняется действие, так и от его текущих, как правило, непредусмотримых заранее параметров.

В качестве альтернативы теории интериоризации В.П. предлагал идею дифференциации, раскрывая ее следующим образом:

«Целое действие не складывается, не составляется из готовых частей. Их просто еще нет. Наоборот, оно органически развивается, дифференцируется на части, которые впоследствии отрываются от целого, автономизируются. (О. Мандельштам сказал бы: выпархивают из целого)» [Там же, с. 140].

На мой взгляд, здесь указана лишь одна сторона действия, когда оно *осваивается* индивидом, формируется. В этом случае оно действительно представлено ему как внешний образец, но в разобранном, дифференцированном виде (например, как ориентировочная основа, по П.Я. Гальперину, состоящая из перечня всех существенных признаков понятия и строгой последовательности операций, которые должны быть выполнены в отношении этих признаков) — целое дано как эмпирическая совокупность его частей, каждая из которых должна стать предметом отдельного,

ранее освоенного индивидом действия. В процессе выполнения этих парциальных действий происходит их интеграция в новый (для индивида) образ, в котором на уровне сознания сохраняется представление о конечном продукте всей последовательности действий, а сама последовательность передается в ведение фоновых, неосознаваемых уровней. Теперь интегральный (симультанный) образ вновь может быть дифференцирован в сукцессивный ряд парциальных операций (по А.Н. Леонтьеву, — бывших действий, потому что они перестали осознаваться). Интеграция, за которую отвечает внутренний план действия, и дифференциация последнего в процессе его экстериоризации во внешнем плане — это две стороны, две формы активности, от которых зависят адекватность и ситуативная адаптивность действия.

Как возникают или как формируются внешние и внутренние формы психики? Отвечая на этот вопрос в своей книге «Психологические основы педагогики», В.П. Зинченко отмечает, что традиционная постановка вопроса — о том, как формируются и развиваются отдельные психические функции или их составляющие — оказывается уже недостаточной, а иногда и несостоятельной. Живое действие по своей природе интегрально. Включаясь во взаимодействие с социальным и природным окружением, оно дифференцируется на свои функциональные компоненты, каждый из которых может приобретать различный «удельный вес» в структуре и динамике целостного действия. В свою очередь, на основе возникших дифференциаций, позволяющих той или иной функции развиваться в большей степени, чем когда она находилась в составе целого комплекса, появляется возможность модификации или создания новых интегральных структур (образов, действий, операций). Это и есть бесконечный процесс развития не только индивидуальной, но и общечеловеческой психики.

Обе формы психики обладают противоречивыми свойствами. **Внешняя форма** характеризуется своей стабильностью, стереотипностью, однозначной заданностью; она всегда должна соответствовать некоторому объективному эталону, общественно выработанному образцу; даже если она создается впервые (новый способ действия с изобретенным орудием), она потом должна воспроизводиться так, а не иначе. Другое дело — **внутренняя форма**: изначально она очень капризна, неустойчива, неоднозначна, импульсивна, алогична; она отчасти сохраняет эти свои свойства даже когда уподобляется внешней форме (см. прекрасное описание свободной динамики образов-представлений в работах П.П. Блонского); первые моменты ее «обуздания» всегда сопровождаются переживанием волевого усилия. Отсюда и вытекает главный парадокс: с одной стороны — внешне точное, стереотипное, целенаправленное и легко управляемое действие (так оно выглядит для стороннего наблюдателя), а с другой стороны — избыточное число степеней свободы внутренней динамики, напряженная работа по удержанию ее в заданном русле. Привлекая релевантный материал многих других авторов, В.П. Зинченко обосновывает необходимость и

разумную целесообразность существования такого парадокса, рассматривает его проявления в разных видах человеческой деятельности и на разных стадиях онтогенеза психики.

Остановлюсь на одном моменте, имеющем отношение к теории и практике обучения. Проблема соотношения внутренней и внешней форм родственна (но ни в коем случае не тождественна!) проблеме соотношения идеального и материального в контексте двух более ранних теорий — теории развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова и теории формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Во всех трех концепциях одним из ключевых слов (внешняя форма) является «образ». Но смысл его (внутренняя форма) оказывается разным.

«Разумеется, Гальперин понимал роль образа в регуляции поведения и деятельности. Более того, он определял психику как особую форму деятельности субъекта — его деятельность в плане образа... Он даже признавал построение образа того или иного явления главным результатом мышления» [11, с. 206].

Здесь, пожалуй, — самое широкое и потому еще абстрактное понимание образа. У Давыдова понятие образа сужено до чувственного представления (кстати, это наиболее распространенное понимание образа лежит в основе многих малопродуктивных дискуссий об образной и словесной формах репрезентации знаний). В.П. Зинченко предельно расширяет, но вместе с тем и конкретизирует функции образа, понимая его как исходный и конечный (т. е. находящийся в динамике построения) пункт движения от внешней формы действия к внутренней, равно как и наоборот — от внутренней формы к внешней. При этом в образе не только сохраняются все существенные моменты взаимодействия двух форм, но и аккумулируется энергия живого действия, превращаясь из кинетической в потенциальную. Более того, на примере динамики живого движения (исследования Н.Д. Гордеевой) показано, что не только образ является регулятором действия, но и действие в ходе его исполнения регулирует образ. Действие без образа становится слепым и неразумным, а образ без действия быстро исчезает и, наверное, поэтому он обладает многими неприятными для исследователя свойствами.

С идеей взаимодействия<sup>6</sup> внешней и внутренней форм как неотъемлемых атрибутов материальных и идеальных действий связано еще одно положение, которое можно считать важным и перспективным шагом в направлении развития культурно-исторической теории психики. Я имею в виду преобразование структуры высших психических функций, которое они претерпевают уже после их формирования в процессе многократных реализаций:

«Действие опосредствовано многими внешними и внутренними обстоятельствами... Здесь действие выступает, так сказать, в страдательной роли, в своей зависимости от мира. Но одновременно с этим действие ведь выполняет и активную, творческую роль. Оно само опосредствует отношения человека с миром, с другими людьми, т. е. является не только опосредствованным, но и опосредствующим. Для того чтобы опосредствованное действие стало активным посредником в отношениях человека с миром, оно само должно стать как бы непосредственным, естественным и свободным, как полет Терпсихоры. Говоря философским языком, оно должно сохранять свою опосредованность в снятой или латентной форме» [9, с. 143].

(Вопрос о снятии опосредования мы обсуждали с В.П. еще до написания приведенной цитаты, в которой присутствует осторожное «как бы». Я был более категоричным, считая, что свою непосредственность высшие психические функции приобретают в форме ассоциаций).

Диалектичность взаимоотношений непосредственного и опосредствованного, о которой говорил еще философ Гегель, обсуждалась В.П. не только применительно к действию, но и в более широком контексте. В одной из последних своих книг он писал:

«Субъект подавляет свою непосредственность, а личность открывает ее в себе и открывается ей в своих поступках... Итак, субъект — опосредован, он опутан инструкциями и нормами. Личность — непосредственна, ей свойственна «участность в бытии», «поступающее мышление», свободные действия-поступки» [12, с. 545].

Превращение субъекта в личность — трудный и не сам по себе протекающий процесс:

«...достижение непосредственности<sup>7</sup> возможно лишь на пути преодоления опосредования. Последнее необходимо для построения внутреннего мира индивида, который презентирован ему и с которым он может обращаться значительно более свободно, чем с предстоящим ему миром внешним. Разумеется, первый виртуален, но не менее объективен, при всей своей субъективности и пристрастности, чем второй. Кстати, он не менее дорог человеку, чем внешний мир. Работа со своим внутренним миром предполагает отстройку, — художники и искусствоведы говорят об отрешении, отстранении от внешнего мира. Наш внутренний мир, как и внешний, не дан нам как целое. Поэтому для работы с ним необходимо сформировать соответствующие функциональные органы. Индивид должен научиться прислушиваться, присматриваться к нему, преодолевать его избыточность, быть способным к избирательному восприятию, к концентрации на нем своего внимания, уметь оперировать и манипулировать им» [Там же].

<sup>6</sup> Я предпочитаю говорить здесь о «взаимодействии», а не о «взаимопревращении», поскольку последний термин предполагает исчезновение одного в другом, тогда как при взаимодействии участвующие в нем стороны сохраняют свою автономность. В устных беседах В.П. Зинченко с этим соглашался, хотя в статьях чаще говорил о взаимопревращении или даже обратимости внешней и внутренней форм.

<sup>7</sup> Здесь имеется в виду вторичная непосредственность, в отличие от ее первичной (натуральной) формы.

Нельзя думать, что отечественная психология не готова к тому, чтобы продолжить свое движение по спирали развития:

«В психологии многое сделано для понимания акта опосредствования как такового, т. е. для понимания трансформации непосредственного в опосредованное, или, как принято говорить, естественного в культурное. Меньше изучена трансформация опосредованного во «вторичное» непосредственное. Будучи производным от первого, непосредственное столь же естественно (по форме своего функционирования), сколь и культурно (по своему содержанию). С этой точки зрения, например, новый смысл может приобрести печально известное в психологии понятие «ассоциация»: будучи естественной, натуральной (в смысле Л.С. Выготского) функцией, она, наряду с метафорой, вполне пригодна для того, чтобы замкнуть собой начало и конец длинной цепочки опосредований в динамике формирования высших психических функций» [6, с. 16].

Наиболее полное и конкретное воплощение идеи взаимодействия внешней и внутренней форм, которая в общих чертах и с использованием традиционной терминологии обсуждалась В.П. Зинченко еще в его ранних работах, было осуществлено им вместе с Н.Д. Гордеевой<sup>8</sup> на примере двигательных (исполнительных) действий.

Двигательные действия — это прижизненно приобретенные формы поведения, специфичные для человеческой деятельности. Они отличаются от врожденных форм моторики — двигательных рефлексов и инстинктов — тем, что причины их происхождения и развития находятся вне биологической организации индивида, в сфере его взаимодействия с окружающей средой, опосредованного различными видами и уровнями ее внутренней, психологической репрезентации. Этим определяется двойственность природы двигательных действий человека: их функциональные свойства (не редуцированные, а рассматриваемые в полном своем объеме) преимущественно психологичны, в то время как их реализация обеспечивается работой анатомо-физиологических механизмов, имеющих свою, непсихологическую специфику. Двигательное действие, таким образом, — одна из высших форм психофизического единства, неисчерпаемого в своих конкретных проявлениях. Нельзя говорить о психологической составляющей движения безотносительно к его анатомо-физиологическим механизмам и биомеханическим свойствам, равно как нельзя представить себе формирование, развитие и функционирование последних безотносительно к психологическому контексту, в котором происходят эти процессы.

Двигательные действия психологичны не только в том смысле, что они регулируются психическим образом. Они с самого начала являются одним из

источников, пожалуй, всех психологических новообразований. По существу, об этом говорил Ж. Пиаже, раскрывая понятие сенсомоторного интеллекта:

«Нам хотелось бы в нескольких словах объяснить, почему мы считаем, что язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта. Действительно, сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику — логику действий, когда нет еще ни мышления, ни представления, ни языка. Эти действия скоординированы согласно некоторой логике, *уже содержащей множество структур, которые разовьются позднее самым ярким образом*» (Курсив мой. — А.Н.) [16].

И, как показано в работах В.П., сенсомоторный интеллект стоит не только в начале жизненного пути. Движение — это развивающийся функциональный орган, который во взаимодействии с восприятием, мышлением, памятью и аффектом инкорпорирует, по крайней мере, некоторые их черты, становясь умным и выразительным:

«На уровне искусства, мастерства естественные и искусственные органы, движение и предмет, знак, символ смыкаются в единое психофизиологическое и даже психофизическое образование» [10, с. 11].

«Движения оказываются умными не потому, что ими руководит внешний и высший по отношению к ним интеллект, а сами по себе» [Там же, с. 17].

Интеллектуальность двигательных действий состоит, во-первых, в том, что они чувствительны не только к внешней ситуации, которая, с одной стороны, задана, а с другой — непрерывно меняется как следствие выполняемых в ней движений; они чувствительны также к своей внутренней репрезентации, формирующейся как под влиянием концептуальной модели действия, так и полимодальных путей внутренних обратных связей. Во-вторых, в силу своей одновременной ориентации на конечную цель, внешнюю ситуацию и внутреннюю картину происходящего движение должно обладать свойством своеобразной рефлексии, которая в условиях быстрой динамики двигательного акта не может быть осознанной; В.П. Зинченко назвал ее фоновой (наверное, по аналогии с бернштейновскими фоновыми уровнями регуляции). В-третьих, движение, как и любое другое предметное действие, непрерывно по своей устремленности к удерживаемой в сознании конечной цели, но дискретно по характеру своей пространственно-временной (хронотопной) реализации, которая представляет собой последовательность «волн» (квантов) разной длины и амплитуды. Эти три признака интеллектуальности двигательных актов сохраняются независимо от того, какое место в структуре конкретной деятельности они занима-

<sup>8</sup> Я имею в виду многолетний цикл экспериментальных исследований, в которых принимали участие сотрудники кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ М.С. Белоховская, И.В. Евсевичева, Е.Б. Сироткина, С.Б. Ребрик, А.Н. Кричевец, Л.И. Юматова [см.: 2].



ют, — либо это самостоятельные целенаправленные действия, либо это подчиненные им операции (по А.Н. Леонтьеву).

\* \* \*

Казалось бы, что проблемы, обрисовавшиеся в ходе методологического анализа (взаимодействие внешних и внутренних форм действия) и экспериментальных исследований восприятия, памяти, визуального мышления, живого движения, связаны с сугубо академической тематикой, не выходящей за пределы предметной области психологии. На самом деле, как это показано в работах В.П. Зинченко, посвященных различным аспектам духовности, они тоже являются частью более масштабного целого, образуемого разнообразной деятельностью людей, создающих материальные и духовные ценности. Человек — атомарная единица социума, и в каждой такой единице отражается какая-то часть того особого содержания, которым наполнена жизнь общества. В психологии советского периода *взаимодействие* между индивидом и обществом было редуцировано только к одному направлению — *воздействию* общества на индивида. Обратное направление взаимодействия (Л.С. Выготский обозначил его как *индивидуализация социального опыта*) упоминалось скорее из чисто теоретических соображений и ограничивалось абстрактным принципом активности субъекта при восприятии предметного мира, усвоении учебного материала и социальной адаптации. В своих работах конца XX и начала XXI столетий В.П. Зинченко остро критиковал такой идеологизаторский подход, который в несколько модифицированном виде сохранился вплоть до наших дней. Это видно на примере различных образовательных проектов, ориентированных на «формирование нового человека», которое предполагается реализовать не только с помощью внедрения новейших научных достижений, но и путем целенаправленного манипулирования сознанием людей. В.П. соглашается с оценкой такого подхода, которую дал часто цитируемый им философ М.К. Мамардашвили:

«...мы обычно предполагаем (это очень наглядно видно в просветительстве, во всяких волюнтаристских манипуляциях с социальной материей, в идее «нового человека», которая одна из самых глупых и трагических в XX веке и примером которой может быть фраза: «писатели — инженеры человеческих душ»), что как существование самого вопроса о том, каков человек в определенном состоянии, в определенном бытии, так и ответ на этот вопрос есть привилегия кого-то другого, который лучше самого этого человека может знать, что хорошо этому человеку, а что — плохо. И поскольку и тот и другой (например, и воспитуемый, и воспитатель) приобщены, согласно классической

посылке, к одной и той же цепи бытия, которая однородна по всему пространству и допускает перенос знания, то «знающий» может перенести знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перестраивать ее. А если будет сопротивляться, то, как говорил Чернышевский, 70 тысяч голов не жалко для установления истины, кому-то ясной за других (с тех пор масштабы «не-жалкого» несопоставимо и чуть ли не космически возросли). Отсюда фантастическое развитие своего рода торжествующей социальной алхимии. И, конечно, алхимическое претворение «социального тела» в непосредственное царство божье на земле, естественно, должно обращаться к массовому насилию, потому что люди обычно сопротивляются этому и не дают себя «тащить в истину»<sup>9</sup>.

У человека нельзя отнимать свободу выбора своей индивидуальности, не только психофизиологической, но и духовной, конечно, если эта свобода не деморализована, как это характерно для современного западного мировоззрения.

Свобода и духовность взаимообусловлены. В.П. Зинченко полагал, что одной из высших светских форм духовности является искусство (в широком смысле этого слова). Призывая психологию возвратиться к изучению целостного человека по всей вертикали его развития, он показал, насколько современная психология отстала от искусства в деле репрезентации различных качеств человеческой природы. В связи с этим необходимо отметить бесценный вклад В.П. Зинченко в образование не только российских, но и зарубежных психологов. Он восстановил прерванную связь времен, убедительно показав, что как достижения, так и неудачи отечественной психологии восходят не только к феномену Л.С. Выготского и философии диалектического материализма; за ними — многовековой разрез богатейшей российской и мировой культуры. О. Манделштам стал известен нам как прирожденный, хотя и не профессиональный, психолог. Актуальная для нашего времени психологическая тематика была обнаружена в работах М. Бахтина, А. Введенского, В. Вернадского, А. Лосева, Ю. Лотмана, Г. Шпета, А. Ухтомского, и многих других, о которых мы раньше кое-что знали как о неудачных, если неудобных, философах, поэтах, литераторах или биологах.

В.П. Зинченко придерживается, с моей точки зрения, довольно радикального взгляда на отношение психологии к искусству:

«Искусство на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого. Но главное даже не в этом. Искусство порождает иное знание. Наука расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются, не komponуются в целостную картину. Особенно она преуспела в своей дезинтегративной деятельности, изучая человека. Искусство же сохраняет мир целостным. Оно постоянно напоминает науке о существовании целостного, неосколочного мира» [11, с. 38].

<sup>9</sup> Цит. по: 7, с. 39—40.



В.П. Зинченко сравнивает психологию (как науку) с искусством не только по уровню их достижений в деле познания человека, но и по стилю такого познания:

«Поэты, вырывая события из контекста, подчиняются Музе, ученые — Логике. Когда Муза изменяет поэтам, получаются плохие стихи. Когда Логика изменяет ученым, возможны открытия. Наука ведь по своей природе абсурдна. Она имеет право на любую гипотезу. Ей нужны «иррациональные числа», «чистые культуры», «сверхнизкие температуры», «сверхпроводимость», «башни молчания», «абсолютная сенсорная изоляция», «tabula rasa», «слепоглухие обязательно от рождения». Словом, ей нужно все то, что в реальной жизни не встречается или недоказуемо. Уверен, что науке не меньше нужна идеальная правда духа, за которой она не так часто обращается к мифологии, к искусству, в том числе к поэзии...» [7, с. 8].

Я бы сказал, что такое *иногда* бывает. Но наука и искусство неоднородны не только по содержанию, но и во времени. Дифференциация и интеграция свойственны и науке, и искусству, в разное время в разной степени, и все это происходит далеко не синхронно. Не все направления в современном искусстве (независимо от его жанров) демонстрируют целостность мира; скорее наоборот, в нем больше мертвых осколков, фрагментов чувственной ткани и вообще того, что можно переживать только в условиях длительной сенсорной изоляции или в изолированных пси-

хофизических экспериментах. А если в искусстве игнорируется логика, то оно теряет всякий смысл. Поэтическая антропология может служить для психологии хорошим стимулом и, возможно, примером для подражания. Поэтическая антропология — это продолжение психологии, расширение наших знаний о человеке, находящемся в той реальности, которая превосходит по своим масштабам и содержанию то, что доступно психологу.

\* \* \*

Читая произведения В.П. Зинченко, возникает чувство, которое можно сравнить с переживанием выхода из устья маленькой речушки с заросшими берегами в безбрежный океан. Каждая проблема из узковедомственной превращается в органический элемент многовековой человеческой культуры, да и она сама вырисовывается перед вами не как литература или наука, а как нечто единое и неразделимое, влекущее к себе и обещающее бесконечную и ненасыщаемую радость творчества. Он подарил науке и всем плоды своих трудов, и это навсегда останется в ней и в нас. Поэтому его дары и его душа будут открыты для всех грядущих поколений. Сила его творчества — не только в неординарном содержании, но и во вложенном в него вдохновении, которое легко передастся тому, кто, желая постичь тайны душевной жизни, обратится к его трудам.

### Литература

1. Беспалов Б.И. Действие (психологические механизмы визуального мышления). М.: МГУ, 1984. 192 с.
2. Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995. 324 с.
3. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия М.: МГУ, 1982. 208 с.
4. Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г. Восприятие и действие. — М.: Просвещение, 1967. 370 с.
5. Зинченко В.П. Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект) // Культурно-историческая психология. 2009. № 3.
6. Зинченко В.П. Нужно ли преодолевать постулат непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 16.
7. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? М.: Российский открытый университет, 1994. 44 с.
8. Зинченко В.П. Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков // Вопросы психологии. 1956. № 6.
9. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии — М.: Новая школа, 1997. 335 с.
10. Зинченко В.П. Предисловие / Н.Д. Гордеева Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995. 324 с.
11. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 432 с.
12. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
13. Зинченко В.П. Теоретические проблемы психологии восприятия / Инженерная психология. М.: МГУ, 1964.
14. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа — М.: МГУ, 1969. 105 с.
15. Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2; 2015. Т. 11. № 1.
16. Семиотика / Сост., вступ. статья и общая редакция Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 638 с.
17. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания / Под ред. Т.Г.Щедриной. М.: РОС-СПЭН, 2011. 640 с.
18. Shepard R.N. & Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects // Science. 1971. Vol. 171. P. 701–703.

## V.P. Zinchenko: On the Crossroads to the Future of Psychology

A.I. Nazarov\*

“Dubna” University, Dubna, Russia,  
annaz1939@gmail.com

This paper provides an insight into the major milestones and topics in the life and work of Vladimir P. Zinchenko. It focuses on his research of perception and movement as well as on some of his original methodological ideas about the history and future of several fundamental concepts in cultural-historical psychology, such as action, activity, interiorization, higher mental functions development. Also, the paper outlines Zinchenko's thoughts on the inner and outer forms of action and on differentiation of action as an alternative to the principle of interiorization. It stresses the importance and potential of the reviewed issues for the future development of psychological knowledge.

**Keywords:** cultural-historical psychology, perception, motor actions, inner and outer forms, interiorization, differentiation of action.

### References

1. Bepalov B.I. Deistvie (psikhologicheskie mekhanizmy vizual'nogo myshleniya) [Action]. Moscow: MGU, 1984. 192 p.
2. Gordeeva N.D. Eksperimental'naya psikhologiya ispolnitel'nogo deistviya [Experimental psychology of action]. MOSCOW: Trivola, 1995. 324 p.
3. Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. Funktsional'naya struktura deistviya [Functional structure of action]. Moscow: MGU, 1982. 208 p.
4. Zaporozhets A.V., Venger L.A., Zinchenko V.P., Ruzskaya A.G. Vospriyatie i deistvie [Perception and action]. Moscow: Prosveshchenie, 1967. 370 p.
5. Zinchenko V.P. Zhivaya pamyat' v issledovaniyakh P.I. Zinchenko (retrospekt i prospekt) [Memory in P.I. Zinchenko research]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2009, no. 3, pp.
6. Zinchenko V.P. Nuzhno li preodolevat' postulat neposredstvennosti? [If we need to overcome the postulate of immediacy]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 2009, no. 2, pp. 16.
7. Zinchenko V.P. Vozmozhna li poeticheskaya antropologiya? [is it possible poetic anthropology?]. Moscow: Rossiiskii otkrytyi universitet, 1994. 44 p.
8. Zinchenko V.P. Nekotorye osobennosti dvizhenii ruki i glaza i ikh rol' v formirovanii dvigatel'nykh navykov [Some features of the movements of hands and eyes, Their role in formation of action]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1956, no. 6.
9. Zinchenko V.P. Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoi psikhologii [the rod of Mandelstamm and tube of Mamardashvili]. Moscow: Novaya shkola, 1997. 335 p.
10. Zinchenko V.P. Predislovie [Introduction]. In Gordeeva N.D. *Eksperimental'naya psikhologiya ispolnitel'nogo deistviya* [Experimental psychology of action]. Moscow: Trivola, 1995. 324 p.
11. Zinchenko V.P. Psikhologicheskie osnovy pedagogiki: ucheb. Posobie [Psychological basis of pedagogics]. Moscow: Gardariki, 2002. 432 p.
12. Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskii akt [Consciousness and art]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
13. Zinchenko V.P. Teoreticheskie problemy psikhologii vospriyatiya. Inzhenernaya psikhologiya [Theoretical problems of psychology of perception]. Moscow: MGU, 1964.
14. Zinchenko V.P., Vergiles N.Yu. Formirovanie zritel'nogo obraza [Formation of visual image]. Moscow: MGU, 1969. 105 p.
15. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-psychological psychology], 2014. Vol. 10, no. 2; 2015. T. 11. № 1.
16. Stepanova Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga, 1983. 638 p.
17. Shchedrina T.G. (ed.) *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya* [Style of thinking]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 640 p.
18. Shepard R.N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects. *J.*, 1971. Vol. 171, pp. 701–703.

### For citation:

Nazarov A.I. V.P. Zinchenko: On the Crossroads to the Future of Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 80–89. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120408

\* *Nazarov Anatoly Yosifovich*, PhD in Psychology, associate professor, “Dubna” University, Dubna, Russia. E-mail: annaz1939@gmail.com

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ  
И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**  
*CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH*

## Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике)

**О.С. Павлова\***,  
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,  
*os\_pavlova@mail.ru*

**В.М. Миназова\*\***,  
ФБГОУ ЧГУ, Грозный, Россия,  
*veneraminazova@mail.ru*

**О.Е. Хухлаев\*\*\***,  
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,  
*huhlaev@mail.ru*

В статье представлены результаты социально-психологического исследования, целью которого явилось изучение структуры и содержания различных компонентов религиозной идентичности у мусульманской молодежи по методам К. Лича и Д. Ван Камп, а также выявление взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и такой социально-психологической категорией, как социальная консолидация. В исследовании, проведенном в г. Грозный (Чеченская республика РФ) осенью 2015 г., приняли участие 417 студентов первых–вторых курсов чеченских вузов, средний возраст которых – 19 лет. Из них 164 студента – юноши, 253 – девушки. Эмпирическая проверка предположения о соответствии исходных моделей выборке студентов-мусульман показала, что религиозная идентичность чеченской молодежи представляет собой четырехфакторную структуру, в которую входят следующие параметры: индивидуальная духовная идентичность; идентичность по вероисповеданию; социальная духовная идентичность; религия как способ социального взаимодействия. Были выявлены значимые взаимосвязи между различными параметрами религиозной идентичности и социальной консолидацией респондентов.

**Ключевые слова:** религиозная идентичность, социальная категоризация, ислам, студенты-мусульмане.

### Введение

Российский религиозный ренессанс последних десятилетий способствовал актуализации изучения

роли и места религии, как в общественной жизни, так и в индивидуальном психологическом пространстве личности. К рассмотрению различных аспектов религии, религиозности и религиозной идентичности

**Для цитаты:**

*Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е.* Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 90–99. doi:10.17759/chp.2016120409

\* *Павлова Ольга Сергеевна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доцент кафедры школьной психологии ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: os\_pavlova@mail.ru

\*\* *Миназова Венера Магомедовна*, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Чеченский государственный университет, Грозный, Россия. E-mail: veneraminazova@mail.ru

\*\*\* *Хухлаев Олег Евгеньевич*, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: huhlaev@mail.ru

обращаются ученые практически всех областей гуманитарного знания. При этом исследователей интересует самый широкий круг вопросов: от рассмотрения религии как фактора «социального конструирования и механизма для грамотного понимания политической и общегуманитарной обстановки в современной России» до ее анализа как стратегии «выживания в условиях отрыва от традиции» [3, с. 11, 12].

Изучение религиозной идентичности осуществляется по двум параметрам: в контексте индивидуальной идентичности как «приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта» [8, с. 27] и в контексте социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, к мусульманской умме). При этом религия может выступать одновременно и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса. Так, М.М. Мчедлова религиозную идентичность определяет как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью [11, с. 123]. Автор выделяет внутреннюю религиозность — т. е. Веру как таковую, и внешнюю религиозность — т. е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов.

Широкою известность обрела концепция религиозности Г. Олпорта (Allport G.), на основе которой построен целый ряд исследовательских методов. Г. Олпорт выделяет внешнюю, инструментальную религиозность, которая используется для достижения каких-либо целей, и внутреннюю религиозность как важнейшее духовное начало человека, являющееся основой душевного здоровья личности [13, с. 123]. Концепция Г. Олпорта легла в основу четырехфакторной структуры религиозной идентичности Д. Ван Камп (Van Camp D.), согласно которой в религиозной идентичности выделяют внутреннее и внешнее содержание, личную и социальную направленность. Подробно модель Ван Камп и ее использование на русскоязычной выборке описаны в работах О.Е. Хухлаева и В.А. Шороховой [18; 19]

Важным аспектом психологического анализа религиозной идентичности является идентификация с религиозной группой, так как ее выраженность определяет поведение индивида, степень согласованности мыслей и действий с ценностями и целями группы. В этом контексте подход К. Лича с соавторами (Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.) представляется нам наиболее интересным. Исследуя ингрупповую идентификацию в целом, авторы выделили пять основных ее компонентов: самостереотипизация (individual self-stereotyping), ингрупповая гомогенность (in-group homogeneity), сплоченность/единение (solidarity), удовлетворенность (satisfaction) членством в группе и выраженность (centrality) ингрупповой идентичности [1, с. 144–145].

Заметное усиление роли религии в жизни современного российского общества ставит, по мнению В.А. Ильина, «... целый ряд практических задач, в том числе социально-психологического плана, свя-

занных с взаимодействием религиозных конфессий и различных социальных структур, межконфессиональными отношениями, отношениями верующих с той частью общества, которая придерживается атеистических взглядов» [7, с. 33–34]. В связи с этим перед исследователями встает важная задача: ответить на вопрос, как связана религиозная идентичность и другие категории социальной идентичности (этническая, гражданская). В контексте теории социальной идентичности Г. Тэшфела (Tajfel H.) социальная категоризация есть осмысление социальной окружения как состоящего из различных групп. Социальная категоризация является первой ступенью в осознании группового членства, за которой следует социальная идентификация — выбор группы, в которую индивид определяет себя, сделанный на основе сравнения, а потом уже полное осознание своей принадлежности группе, что и представляет собой социальную идентичность как таковую [4, с. 266].

Целью нашего исследования являлось изучение структуры и содержания различных компонентов религиозной идентичности у мусульманской молодежи по методам К. Лича и Д. Ван Камп, а также выявление взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и такой социально-психологической категорией, как социальная консолидация. Базовые гипотезы состояли, во-первых, в проверке предположений о соответствии структуры религиозной идентичности, предложенной Д. Ван Камп, выборке студентов-мусульман, а также о применимости универсальной структуры социальной идентификации (по К.Личу) для анализа религиозной идентичности в российской исламской среде; во-вторых — в предположении о наличии у чеченцев-мусульман взаимосвязи между религиозной идентичностью и всеми основными компонентами социальной консолидации (достаток, национальность, вероисповедание, соседство), кроме российского гражданства.

## Метод

Исследование было проведено в столице Чеченской Республики, городе Грозном, осенью 2015 г. В нем приняли участие 417 студентов первых—вторых курсов ЧГУ и ЧГПУ. Все респонденты идентифицировали себя как мусульмане, большая часть которых старались соблюдать религиозные обычаи и обряды. Средний возраст — 19 лет. Их них 164 студента — юноши, 253 — девушки. Для обработки результатов исследования использовалась программа IBM SPSS Statistics.

Для изучения религиозной идентичности, ее внешних и внутренних компонентов использовалась методика Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» [21] (адаптация русскоязычной версии произведена В.А. Шороховой, исламской версии О.С. Павловой) [18, с. 54–55]. Методика представляет собой опросник из 32 вопросов, по каждому из



которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 5 (полностью согласен) до 1 (полностью не согласен).

Для изучения идентификации с религиозной группой использовалась методика измерения интрагрупповой идентификации К. Лича [20] в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова [1], которая представляет собой опросник из 14 вопросов, по каждому из которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 7 (полностью согласен) до 1 (полностью не согласен). Методика была адаптирована для измерения социальной идентификации с религиозной группой.

Кроме того, в исследование была включена методика для изучения категорий социальной консолидации (вопрос: «В какой степени Вы ощущаете близость с перечисленными ниже группами — “в максимальной степени”, “в большой степени”, “в небольшой степени”, “не ощущаю совсем”?»); список групп: «Люди Вашей веры, вероисповедания»; «Люди той же национальности, что и Вы»; «Жители Вашего города»; «Люди того же достатка, что и Ваша семья»; «Граждане России»), используемая в исследованиях Института социологии РАН [5].

## Результаты исследования

Посредством исследовательского факторного анализа (метод главных компонент, вращение варимакс) ответов на опросник Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» было определено содержательное наполнение компонентов религиозной идентичности

мусульманской студенческой молодежи (для определения количества факторов использовался критерий Кеттелла). По результатам конфирматорного факторного анализа можно говорить о высоком соответствии с исходными данными, демонстрируемом на основании анализа наиболее популярных критериев согласия (RMSEA = 0.06 (HI90 = 0.08), CFI = 0.93, GFI = 0.94, AGFI = 0.91). Выраженность компонентов религиозной идентичности представлена в табл. 1.

Все различия выраженности компонентов религиозной идентичности значимы на уровне  $p \leq 0.001$  (t-критерий для зависимых выборок). Таким образом, наиболее выражен такой компонент, как «Индивидуальная духовная идентичность», а наименее — «Религия как способ социального взаимодействия».

Достоверные различия между мужчинами и женщинами отсутствуют, за исключением компонента «Социальная духовная идентичность», более выраженного у мужчин ( $p \leq 0.001$ ).

Результаты изучения идентификации с религиозной группой представлены в табл. 2. Соответствие модели с исходными данными было проверено с помощью конфирматорного факторного анализа (RMSEA = 0.07 (HI90 = 0.08), CFI = 0.99, GFI = 0.97, AGFI = 0.95). Все показатели находятся в пределах допустимых значений.

Все различия выраженности компонентов религиозной идентичности значимы на уровне  $p \leq 0.001$  (t-критерий для зависимых выборок). Таким образом, наиболее выражен такой компонент, как «Удовлетворенность членством в группе», а наименее — «Интрагрупповая гомогенность».

Достоверные различия между мужчинами и женщинами отсутствуют, за исключением компонента

Таблица 1

Структура религиозной идентичности мусульманской молодежи. Сравнительная выраженность компонентов по методике Д. Ван Камп (в баллах от 1 до 5)

Выборки	Компоненты религиозной идентичности							
	Индивидуальная духовная идентичность		Идентичность по вероисповеданию		Социальная духовная идентичность		Религия как способ социального взаимодействия	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	4,86	0,43	4,09	0,75	3,62	0,96	3,12	1,11
Мужчины	4,83	0,47	4,12	0,84	4,09	0,8	3,12	1,14
Женщины	4,99	0,4	4,07	0,69	3,32	0,93	3,13	1,09

Таблица 2

Идентификация с религиозной группой. Сравнительная выраженность компонентов по методике К. Лича (в баллах от 1 до 7)

Выборки	Компоненты идентификации с религиозной группой									
	Удовлетворенность членством в группе		Выраженность групповой идентичности		Сплоченность/единение с группой		Самостереотипизация		Интрагрупповая гомогенность	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	6,76	0,61	6,14	0,91	6,09	0,94	5,54	1,22	5,49	1,14
Мужчины	6,72	0,67	6,10	1,00	6,20	0,99	5,66	1,29	5,69	1,20
Женщины	6,77	0,58	6,16	0,84	6,02	0,90	5,46	1,16	5,36	1,09

«Ингрупповая гомогенность», более выраженного у мужчин ( $p \leq 0,01$ ).

Важным для понимания места и роли религиозной идентичности в структуре социальной идентичности чеченских респондентов было изучение социальной консолидации. Полученные результаты отражены в табл. 3.

Наивысшую степень социальной консолидации респонденты ощущают с представителями своей религии (мусульманами) и своей национальности (чеченцами), а также с жителями своего города, подавляющее большинство которых также являются чеченцами-мусульманами. Наименьшую степень социальной консолидации респонденты проявили в отношении граждан своей страны.

На втором этапе исследования были рассмотрены взаимосвязи между компонентами религиозной идентичности, выделенными с помощью методики Д. Ван Камп, и категориями социальной консолидации. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 4. (отмечены только достоверные взаимосвязи).

Было обнаружено большое количество небольших, но достоверных взаимосвязей между компонентом «Социальная духовная идентичность» и практически всеми социальными категориями. Наиболее сильные взаимосвязи обнаружались по данному параметру с такими социальными категориями, как «Жители Вашего города» и «Люди той же наци-

ональности, что и Вы». Аналогичные тенденции были отмечены в корреляционном анализе по параметру «Идентичность по вероисповеданию». Здесь значимые взаимосвязи обнаружались, прежде всего, с «людьми одной веры», что вполне очевидно, а также с «жителями своего города» и «людьми своей национальности». Параметр «Индивидуальная духовная идентичность» имеет значимые взаимосвязи с такими категориями, как «Люди Вашей веры, вероисповедания» и «Люди Вашей национальности».

Интересно, что такой внешний и инструментальный компонент религиозной идентичности, как «Религия как способ социального взаимодействия» не обнаружил значимых взаимосвязей с различными социальными категориями.

Аналогичные результаты были получены нами в корреляционном анализе социальной консолидации и религиозной идентификации по методике К. Лича (представлены в табл. 5).

Наибольшее число взаимосвязей было обнаружено между таким показателем религиозной идентификации, как «сплоченность» и выраженностью социальной консолидации с «людьми своей веры», «своей национальности», «жителями своего города», а также с людьми одинакового достатка. Остальные компоненты религиозной идентификации демонстрируют значимые взаимосвязи с тремя социальными категориями: «Люди моей веры», «Люди моей национальности» и «Жители моего города». Значимых

Таблица 3

Категории социальной консолидации (в баллах от 1 до 4)

Выборки	Категории социальной консолидации									
	Люди Вашей веры, вероисповедания		Люди той же национальности, что и Вы		Жители Вашего города		Люди того же достатка, что и Ваша семья		Граждане России	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	3,65	0,68	3,40	0,76	3,20	0,82	2,97	0,94	2,75	0,98
Мужчины	3,68	0,69	3,42	0,73	3,25	0,87	2,98	0,92	2,80	1,01
Женщины	3,63	0,68	3,40	0,79	3,16	0,78	2,97	0,95	2,72	0,96

Таблица 4

Взаимосвязь выраженности социальной консолидации и религиозной идентичности по методу Д. Ван Камп

Категории социальной консолидации	Компоненты религиозной идентичности			
	Индивидуальная духовная идентичность	Идентичность по вероисповеданию	Социальная духовная идентичность	Религия как способ социального взаимодействия
Граждане России				
Люди того же достатка, что и Ваша семья			0,113*	
Люди той же национальности, что и Вы	0,131*	0,177***	0,151**	
Жители Вашего города		0,139**	0,194***	
Люди вашей веры, вероисповедания	0,278***	0,203***	0,110*	

Примечание: «\*» –  $p \leq 0,05$ ; «\*\*» –  $p \leq 0,01$ ; «\*\*\*» –  $p \leq 0,001$ .

Взаимосвязь выраженности социальной консолидации и религиозной идентичности  
 по методу К. Лича (корреляция Пирсона)

Категории социальной консолидации	Индивидуальная идентификация				
	Сплоченность	Удовлетворенность	Выраженность	Самостереотипизация	Индивидуальная гомогенность
Граждане России					
Люди того же достатка, что и Ваша семья	0,131*				
Люди той же национальности, что и Вы	0,245***	0,217***	0,143**	0,137**	0,192***
Жители Вашего города	0,277***	0,200***	0,189***	0,175***	0,179***
Люди вашей веры, вероисповедания	0,368***	0,324***	0,232***	0,199***	0,156**

Примечание: «\*» —  $p \leq 0,05$ ; «\*\*» —  $p \leq 0,01$ ; «\*\*\*» —  $p \leq 0,001$ .

взаимосвязей по компонентам религиозной идентификации с такой социальной категорией, как «Граждане России», получено не было.

### Обсуждение и интерпретация результатов

Обсудим результаты изучения структуры религиозной идентичности мусульманской молодежи. В первый компонент, объясняющий 19% дисперсии, названный «Индивидуальная духовная идентичность», вошли такие утверждения как: «Для меня важно знать, что я мусульманин»; «Мне важно заслужить довольство Аллаха»; «Моя религия не зависит от влияния моего окружения, будь я на необитаемом острове, мои взаимоотношения с Аллахом остались бы прежними»; «У меня есть важные обязательства перед Аллахом». Согласно модели Д. Ван Камп, — это внутренний личный параметр религиозной идентичности, составляющий ядро мусульманской (в данном случае) веры; он отражает такое важное для мусульман понятие, как *ихсан* (араб.) — искренность в поклонении Богу. Средняя оценка этого компонента оказалась очень высокой, приближающейся к мнению «полностью согласен» (4,9 при макс. 5,0). Это вполне согласуется с установленными в исламе духовными нормами, так как «религия есть проявление искренности» [16, с. 64].

Второй по значимости компонент, объясняющий 15% дисперсии, названный «Идентичность по вероисповеданию», объединил такие утверждения как «Я ощущаю сильную связь с людьми одной веры со мной»; «В своей религиозной практике я ориентируюсь на других известных мне людей, исповедующих мою религию»; «Моя религия помогает мне ощутить связь с другими людьми в обществе». Это

внутренний и социальный параметр, соответствующий модели Д. Ван Камп, который выражает субъективное ощущение взаимосвязи с религиозной группой и место значимости религиозной группы для формирования Я-образа. Данный компонент является очевидным отражением культурно-универсального феномена социальной идентификации в целом [4].

Следующим по значимости был компонент, объясняющий 11% дисперсии, в который вошли следующие утверждения: «Намаз в мечети, в обществе других людей для меня — одна из наиболее важных составляющих моей религиозной жизни»; «Посещение мечети для меня — важная часть повседневной жизни»; «Намаз в мечети для меня более значим, чем индивидуальный намаз (дома и т. д.)»; «Я принимаю активное участие в общественной жизни, связанной с Исламом». Этот компонент выходит за рамки авторской модели Д. Ван Камп, в которой «духовная» идентичность относится к индивидуальным сторонам религиозной идентичности. Для его интерпретации необходимо обратиться к анализу некоторых аспектов специфики ритуальной практики в исламе, ее индивидуального и коллективного начала. В исламе коллективный намаз, в частности намаз в мечети, является более предпочтительным, чем индивидуальный намаз. Так, один из хадисов<sup>1</sup> гласит «Достоинство общего намаза в двадцать пять раз превосходит достоинства намаза, совершенного одним человеком» [2, с. 84]. Преимущества коллективного намаза объясняются тем, что «мусульмане больше сближаются друг с другом. Человек, не обладающий знаниями, пользуется знаниями других, приобретая хорошие привычки и со временем оставляя вредные. Пребывание в джамаате<sup>2</sup> улучшает взаимоотношения, усиливает

<sup>1</sup> Хадис (араб.) — предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Хадис — изречение, одобрение, образ или действие пророка Мухаммада, сумма которых образует Сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата. Хадисы передавались посредством сподвижников пророка.

<sup>2</sup> Джамаат (араб.) — коллектив мусульман.

любовь, чувство братства и взаимопомощи между мусульманами. Намаз, совершенный индивидуально, Всевышний может и не принять из-за наших упущений в нем. Но намаз, совершенный вместе с коллективом, Аллах принимает из уважения к джамаату, который собрался на намаз ради Него. Поэтому все обязательные намазы надо стараться совершать вместе с коллективом. Это может быть как в мечети, так и в другом месте»<sup>3</sup>.

Здесь мы видим, что модель, разработанная на материале исследований в культурах индивидуалистской ориентации, по-особому преломляется в более коллективистской культуре, где, видимо, разрыв между индивидуальным и социальным либо не такой широкий, либо не ощущается вовсе. Таким образом, в исламе для верующего выполнение коллективного намаза (социальное действие) имеет большую духовную ценность и значение (как индивидуальное переживание). Очевидно, что этот параметр имеет значение и в отношении личностной духовной идентичности, и в отношении социальной идентичности. В результате, данный компонент получил название «Социальная духовная идентичность».

Важно учитывать особенности гендерных различий в религиозной практике в исламе. В отношении посещения мечети и совершения там коллективного намаза значительно разнятся обязанности мужчин и женщин; в частности, выполнение обязательного пятничного (*джума*) намаза в мечети является обязанностью мужчин; женщинам же лучше совершать намаз дома. Именно поэтому наблюдается столь значительная разница в ответах по данному параметру (см. табл. 1) между девушками (3.3) и юношами (4.1).

Четвертый компонент, объясняющий 7% дисперсии, соответствует модели Д. Ван Камп (внешняя и социальная идентичность) «Религия как способ социального взаимодействия». В него вошли такие утверждения, как: «*Моя личная жизнь — это одно, а мое вероисповедание — это другое*»; «*Для меня важно то, что другие воспринимают меня как религиозного человека*». Для интерпретации этого параметра необходимо иметь в виду, что для современного чеченца неотделимы, слиты религиозная и этническая идентичности [15, с. 124]: «чеченец — это в первую очередь чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции» [10, с. 62]. «Этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности» [6, с. 12]. Поэтому религиозная исламская идентичность в определенном смысле является обязанностью для чеченца, показателем его лояльности своей этнической группе. По мнению Б.Б. Нанавой, «... особенностью этнического мировоззрения чеченцев является исключительная зависимость от общественного мнения. Только требуемая, ожида-

емая общественная оценка, выражающая мнение общества, является побудительным или стимулирующим фактором для индивида» [12, с. 53]. В коллективистической культуре чеченцев модели поведения заданы обществом и имеют императивный характер, а общественное мнение играет функцию поддержки или осуждения поступков и поведения человека. Как социально-психологический механизм регуляции поведения общественное мнение не позволяет человеку отклониться от заданного обществом вектора. Именно поэтому для чеченца важно то, что другие воспринимают его как религиозного человека. Это относится к сфере публичной идентичности личности.

Далее обратим внимание на результаты изучения исключительно социальной религиозной идентичности в разрезе компонентов идентификации с религиозной группой (по модели К. Лича). Как видно из табл. 2, у студентов-мусульман наиболее выражена субъективная удовлетворенность членством в религиозной группе. Это аффективный компонент, который отражает позитивные эмоции, возникающие у верующего от принадлежности к мусульманской умме, а также по отношению к самой религиозной группе: радость, гордость и счастье.

Следующим по значимости является компонент «Выраженность (центральность) групповой идентичности», который отражает, какое место в Я-концепции респондента занимает принадлежность к мусульманам. Его выраженность свидетельствует о важной роли религиозной идентификации в самовосприятии студентов-мусульман.

Компоненты, отражающие когнитивную самокатегоризацию — самостереотипизация и ингрупповая гомогенность, наименее значимы для студентов-мусульман. Это означает, что чеченские респонденты не считают себя абсолютно похожими на других мусульман, на их «усредненный» образ. Еще на этапе заполнения анкеты такие утверждения, как «*У меня много общего со среднестатистическим мусульманином*», «*Я похож на среднестатистического мусульманина*», вызвали у чеченских студентов сомнения и активные обсуждения. Для наших респондентов не столь очевидно, что все мусульмане схожи между собой и друг с другом. Не исключено, что это связано с особенностями, региональной спецификой чеченского мусульманства. Чеченцы исповедуют ислам суфийского толка, к которому в России принадлежат также мусульмане Ингушетии и Дагестана, и в котором сложилась своя специфика религиозных практик, отличающая его последователей от других мусульман [подробнее об этом см.: 14].

Таким образом, результаты изучения различных компонентов идентификации со своей религиозной группой отражают большую выраженность аффективного компонента религиозной социальной идентичности. Интересно, что при изучении этнической

<sup>3</sup> Ислам в Дагестане. <http://www.islamdag.ru/verouchenie/1870>



идентичности чеченских респондентов [14, с. 464] обнаружена аналогичная тенденция в отношении этнической идентичности: аффективный компонент доминировал над когнитивным.

Далее обратим внимание на то, что, по результатам изучения категорий социальной консолидации (табл. 3), наименьшую степень социальной консолидации студенты-мусульмане из Чечни проявили в отношении граждан своей страны. При этом не было обнаружено значимых взаимосвязей параметров религиозной идентичности с такой социальной категорией, как «граждане России» (табл. 4, 5). Это означает, что ни рост, ни снижение уровня религиозной идентичности не связаны со степенью близости с гражданами России.

Подобные результаты обнаружены и в других эмпирических исследованиях на чеченской выборке [9, с. 158; 14, с. 476; 17, с. 31]. Так, в исследованиях Л.У. Курбановой отмечается, что «... российская гражданская идентичность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии» [9, с. 158].

Что касается иных категорий социальной консолидации, то корреляционный анализ показал, что чем выше уровень таких компонентов религиозной идентичности, как индивидуальная и социальная духовная идентичность, а также идентичность по вероисповеданию, тем сильнее связь с людьми своего вероисповедания, своей национальности и с жителями своего города. При этом вновь необходимо подчеркнуть, что в данной выборке жители одного города (г. Грозный) в подавляющем большинстве и есть чеченцы-мусульмане, так как в настоящее время Чеченская Республика представляет собой фактически мононациональный регион (по данным на 2010 г., 95,08% населения Чечни — это чеченцы)<sup>4</sup>. Вероятно, что такие категории социальной консолидации, как вероисповедание, этничность и соседство сплетаются в единый фе-

номен, центральный для социальной идентичности студента-мусульманина из Чечни.

## Выводы

1. Религиозная идентичность студентов-мусульман из Чечни представляет собой четырехфакторную структуру, в которую вошли следующие параметры (в порядке убывания значимости):

- индивидуальная духовная идентичность;
- идентичность по вероисповеданию;
- социальная духовная идентичность;
- религия как способ социального взаимодействия.

2. Изучение идентификации с религиозной группой по методу К. Лича показало, что наибольший вес в структуре религиозной идентичности чеченской молодежи имеют такие компоненты как:

- удовлетворенность членством в группе;
- выраженность (центральность) ингрупповой идентичности;
- сплоченность/приверженность группе.

3. Изучение социальной консолидации показало, что наивысшую ее степень чеченские студенты ощущают с представителями своей религии (мусульманами) и своей национальности (чеченцами), а также с жителями своего города, подавляющее большинство которых также являются чеченцами-мусульманами. Наименьшую степень социальной консолидации наши респонденты проявили в отношении граждан своей страны.

4. Были выявлены значимые взаимосвязи между различными параметрами религиозной идентичности и социальной консолидацией.

Значимых взаимосвязей не было обнаружено между параметрами религиозной идентичности и гражданской консолидацией. Это означает, что ни рост, ни снижение уровня религиозной идентичности не связаны со степенью ощущения близости с гражданами России.

## Финансирование

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

## Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.

2. Ал-Бухари Мухаммад ибн Исмаил. Жемчужины ал-Бухари. Хадисы Пророка с комментариями ал-Касталани. СПб: Диля, 2011. 320 с.

3. Александрова Е.А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 10–22.

4. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.

5. Дробижина Л.М. Российская идентичность в массовом сознании [Электронный ресурс] // <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc> (дата обращения 23.04.2016).

6. Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтничной среде: дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 285 с.

<sup>4</sup> [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/results2.html](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html) (дата обращения: 24.04.2015).

7. *Ильин В.А.* К вопросу о религиозной идентичности: опыт культурно-исторического анализа с позиций психосоциальной теории развития // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 33–34.
8. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М.: Икар, 2012. 306 с.
9. *Курбанова Л.У.* Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев. Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2012. 303 с.
10. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
11. *Мчедлова М.М.* Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 123–127.
12. *Нанаева Б.Б.* Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. Р.-н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2012. 352 с.
13. *Олпорт Г.В.* Личность в психологии. М.: Ювента, 1998. 345 с.
14. *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2013. 558 с.
15. *Павлова О.С.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123–124.
16. Хадис: учеб. пособие. СПб: Диля, 2014. 272 с.
17. *Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В.* Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403
18. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 44–62.
19. *Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б.* Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107
20. *Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennenkamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. 95(1). P. 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144
21. *Van Camp D.* Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity: PhD. thesis [Электронный ресурс]. Howard University, Washington, D.C., 2010. URL: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (дата обращения: 13.05.2016).

# Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic)

**O.S. Pavlova\***,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,  
os\_pavlova@mail.ru

**V.M. Minazova\*\***,

Chechen State University, Grozny, Russia,  
veneraminazova@mail.ru

**O.E. Khukhlaev\*\*\***,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,  
hukhlaev@mail.ru

The paper presents outcomes of a social psychological study on the structure and content of various components of religious identity in Muslim youth using the methods of C. Leach and D. Van Camp. The study also aimed to reveal the relationship between the components of religious identity and social consolidation. The study was carried out in Grozny (Chechen Republic, Russia) in the autumn of 2015. The sample consisted of 417 first- and second-year students of Chechen universities with an average age of 19, 164 male and 253 female. Empirical testing of the original models on the sample of Muslim students showed that religious identity in the Chechen young people represents a four-factor structure comprised of the following parameters: individual religious identity; faith identity; social religious identity; religion as a means of social interaction. The study also revealed significant correlations between the various parameters of religious identity and social consolidation.

**Keywords:** religious identity, social categorization, Islam, Muslim students.

## Funding

The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (№15-06-10843 “Risks and Resources of Religious Identity in Modern Russia: A Cross-Cultural Analysis”).

## References

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya in-grupповoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [The measurement model of ingroup identification: validation on a Russian sample]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 143–157.
2. Al-Bukhari Mukhammad ibn Ismail. Zhemchuzhiny al-Bukhari. Khadisy Proroka s kommentariyami al-Kastalani [Pearls of al-Bukhari. The hadiths of the Prophet with commentary of al-Qastalani]. Saint Petersburg: Publ. Dilya, 2011. 320 p.
3. Aleksandrova E.A. Religioznaya identichnost' v rossiiskikh kul'turno-antropologicheskikh issledovaniyakh [Religious identity in the Russian cultural-anthropological studies].

*Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 2015, no. 6, pp. 10–22.

4. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zaru-bezhnaya sotsial'naya psikhologiya KhKh stoletiya: Teoreticheskie podkhody: Ucheb. posobie dlya vuzov. [Foreign social psychology of the twentieth century: Theoretical approaches: Textbook. manual for schools]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2002. 287 p.

5. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost' v massovom soznanii [Russian identity in the mass consciousness]. Available at: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc> (Accessed 01.07.2016).

6. Zhemchuraeva S.Sh. Teoretiko-metodologicheskie aspekty soziologicheskoy diagnostiki identichnosti chechenzev v polietnicheskoy srede [Theoretical and methodological aspects of sociological diagnosis identity of Chechens in multiethnic environment. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saratov, 2010. 285 p.

### For citation:

Pavlova O.S., Minazova V.M., Khukhlaev O.E. Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 90–99. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120409

\* Pavlova Olga Sergeevna, PhD in Pedagogy, associate professor, Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, associate professor, Chair of Preschool Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: os\_pavlova@mail.ru

\*\* Minazova Venera Magomedovna, senior lecturer, Chair of Pedagogy and Psychology, Chechen State University, Grozny, Russia. E-mail: veneraminazova@mail.ru

\*\*\* Khukhlaev Oleg Evgenyevich, PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: hukhlaev@mail.ru

7. Il'in V.A. K voprosu o religioznoi identichnosti: opyt kul'turno-istoricheskogo analiza s pozitsii psikhosotsial'noi teorii razvitiya [To the question of religious identity: the experience of cultural-historical analysis from the standpoint of psychosocial development theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 33–34. (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Krylov A.N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve [Religious identity. Individual and collective identity in the post-industrial space]. 2-e izd. Moscow: Ikar, 2012. 306 p.

9. Kurbanova L.U. Problemy i protsessy gendernoy samoidentifikatsii chechenzev [Problems and processes of gender identity Chechens]. Krasnodar, Publ. Prosveschenie-Yug, 2012. 303 p.

10. Malashenko A.V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza [The Islamic guidelines of the North Caucasus]. Moscow: Publ. Gendal'f, 2001. 180 p.

11. Mchedlova M.M. Religioznaya identichnost' [Religious identity]. In Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t.* [Political identity and policy of identity: in 2 vol.]. Moscow: Publ. ROSSPEN, 2012. Vol. 1, pp. 123–127.

12. Nanaeva B.B. Traditsionnoe obshchestvo chechentsev: sotsiokul'turnyi analiz [Traditional Chechen society: socio-cultural analysis]. Rostov-on-Don: Publ. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2012. 352 p.

13. Olport G.V. Lichnost' v psikhologii [Personality in psychology]. Moscow: Publ. Yuventa, 1998. 345 p.

14. Pavlova O.S. Chechenskiy etnos segodnya: cherty sozial'no-psichologicheskogo portreta [Chechen ethnic group today: traits of socio-psychological portrait]. Moscow: Publ. Sam Poligrafist, 2013. 540 p.

15. Pavlova O.S. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' chechentsev i ingushei: sodержanie i problemy sootnosheniya [Ethnic, religious and national-civil identity of the Chechens and Ingush: the contents and problems of correlation]. *Sotsial'naya psikhologiya*

*i obshchestvo* [Social psychology and society], 2013, no. 2, pp. 123–124.

16. Khadis: uchebnoe posobie [Hadith: a tutorial]. Saint Petersburg: Publ. Dilya, 2014. 272 p.

17. Khukhlaev O.E., Minazova V.M., Pavlova O.S., Zykov E.V. Sotsial'naya identichnost' i etnonatsional'nye ustanovki studencheskoi molodezhi Chechni. [Social identity and ethno-national installation of student's youth of Chechnya]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403

18. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh: teoreticheskie modeli i sposoby izucheniya. [Religious identity in foreign psychological studies: theoretical models and ways of learning]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 44–62.

19. Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Dagbaeva S.B. Vzaimosvyaz' tsennosti i religioznoi identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroispovedaniya. [The relation between values and religious identity among Buddhist students of religion]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107

20. Leach C.W., van Zomeren M., Zebl S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. 95(1), pp. 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144

21. Van Camp D. Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity. [Elektronnyi resurs]. PhD. thesis. Howard University, Washington, D.C., 2010. *ProQuest Dissertations and Theses (PQDT)* URL: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (Accessed 13.05.2016)



**ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ**  
**THE PROBLEM OF DEVELOPMENT**

**Умное тело**  
**или**  
**проблема формирования человеческой**  
**телесности в ситуации жизненного аутсорсинга.**  
**Часть 2.**

**С.А. Смирнов\***,

Новосибирский государственный университет экономики и управления (ФГБОУ НГУЭУ),  
Новосибирск, Россия,  
*smirnoff1955@yandex.ru*

Статья является продолжением предыдущей работы, посвященной проблематике формирования культурного неорганического тела личности. Автор продолжает рассматривать данную проблематику на материале работ Э.В. Ильенкова, в стыке с работами Б. Спинозы и Л.С. Выготского. И далее автор рассматривает продолжение развития личностной проблематики в культурно-исторической концепции на материале работ Д.Б. Эльконина и Б.Д. Эльконина, вводящих такие базовые для понимания процессов личностного строительства концепты, как «посредническое действие», «событие действия». В завершение автор рассматривает конкретный феномен культурного развития и культурной телесности на примере практики тифлосурдопедагогики. Автор делает акцент на том, что опыт работы со слепоглухонемыми детьми показывает яркий пример правоты культурно-исторической концепции, направленной на орудийно-деятельностный характер формирования личностной структуры человека, которую можно описывать в категориях умной телесности. Без такой практики освоения и овладения собственным поведением человек становится функциональным инвалидом. В этой связи практика культурного развития рассматривается автором как антропологическая альтернатива тренду аутсорсинга, который воплощается в отказе человека от своих базовых культурных функций и практик. Тем самым эта альтернатива выступает в качестве ответа на вызов все возрастающей культурной, функциональной, личностной инвалидизации человека.

**Ключевые слова:** умное тело, телесность, неорганическое тело, личность, функциональный орган, жизненный аутсорсинг.

**Введение**

В предыдущей статье мы рассмотрели проблему изменения тела личности в контексте современного тренда, получившего название жизненного аутсорсинга [15; 16].

Мы показали, что в связи с функциональным перераспределением, которое происходит в интерфейсе между человеком и машиной, и с тем, что человек все больше функций отдает техническим устройствам, проблема построения тела личности становится все более острой с точки зрения культурного развития че-

**Для цитаты:**

*Смирнов С.А.* Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 2 // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 100–112. doi:10.17759/chp.2016120410

\* *Смирнов Сергей Алевтинович*, доктор философских наук, заведующий лабораторией стратегических и форсайтных исследований и разработок, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ФГБОУ НГУЭУ), Новосибирск, Россия. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

ловека как существа, совершающего предметные действия по формированию своей личности, имеющей свою форму и структуру, свою особую телесность.

На примере положений работ Л.С. Выготского мы показали, что онтологически ситуация не только не изменилась, но стала еще более острой, а положения культурно-исторической антропологии оказались еще более актуальными и своевременными.

### Неорганическое тело личности. Э.В. Ильенков

На фоне репрессивной науки и философии проблема тела и телесности как проблема именно философии человека, а не его физиологии и анатомии, почти не обсуждалась в отечественной мысли. М.М. Бахтин после ссылки в Кустанай обсуждал только тему гротескного тела в романе Ф. Рабле и тематику «Философии поступка» зашифровал, уйдя в мысленную эмиграцию. Рукописи П.А. Флоренского, посвященные органопроекции, лежали и ждали своего часа. Работы Л.С. Выготского по дефектологии и тифлосурдопедагогике также лежали в рукописях в архиве семьи<sup>1</sup>.

Новое, послевоенное поколение молодых авторов могло обратиться лишь к официально разрешенным авторам-классикам, изданным с купюрами. Один их таковых, Э.В. Ильенков, фактически единственный продолжал прорабатывать тему неорганического тела человека, отталкиваясь от ранних работ К. Маркса.

Э.В. Ильенкова интересовал (равно как и Л.С. Выготского) коммунистический мировоззренческий идеал *совершенного человека* и проблема его формовки, лепки, чеканки.

В сущности, Э.В. Ильенков продолжал линию Л.С. Выготского и отстаивал давно понятную и озвученную позицию, согласно которой человеческая психика формируется в предметной деятельности, в которой задействован весь телесный совокупный орган-функция — рука, мозг, предмет. И собственно телом, человеческим телом, является тело деятельности, неорганическое тело человека.

Здесь Э.В. Ильенков отталкивался от базовых идей К. Маркса, который в рукописях 1844 г., используя натурфилософскую терминологию Л. Фейербаха, обсуждает проблему отчуждения человека и проблему снятия отчуждения, проблему сугубо антропологическую — в чем состоит онтологическая идентичность человека как существа, отличного от других живых существ и в чем состоит его освобождение от природных стихийных сил. К. Маркс фиксирует границы и пространство человеческого неорганического тела, вводя эту терминологию, вокруг которой далее Э.В. Ильенков будет строить всю свою философию личности в цикле работ [9].

К. Маркс пишет: «Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что че-

ловек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера его неорганической природы, которой он живет. Подобно тому, как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а, во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело» [11, с. 92].

Для К. Маркса было важно показать, что производственная предметная деятельность человека и есть его родовая сущность, его природа. Посредством деятельности человек становится самим собой, собственно человеком. Посредством деятельности человек включает и природу в свое собственное пространство, в том числе и пространство телесное, формируя уже собственно свое человеческое неорганическое тело. В рамках деятельности происходит преобразование и природы, и самого себя как исходно природного существа. К. Маркс указывает: «... именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его *родовую жизнь*, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращает для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу» [11, с. 94]. Все работы, посвященные проблематике личности у Э.В. Ильенкова, суть комментарии к этим базовым положениям К. Маркса.

Коль скоро люди составляют совокупность (ансамбль) общественных отношений, в которую вступают в процессе предметной деятельности, то этот ансамбль и образует это коллективное тело, создан-

<sup>1</sup> Многие работы Выготского, в том числе «Орудие и знак в развитии ребенка», вышли лишь в его Собрании сочинений в 80-х гг. [3].

ное, слепленное не природой, а трудом людей, преобразующих эту природу и самих себя как природных существ, формулирующих своё собственное неорганическое тело [9, с. 393].

Далее Э.В. Ильенков переходит к идее и проблематике личности: «тело» человека, выступающего как личность, — это его неорганическое тело вместе с его искусственными органами, которые он создает из вещества внешней природы, «удлиняя» и многократно усиливая естественные органы своего тела и тем самым усложняя и многообразя свои взаимные отношения с другими индивидами, свою «сущность». «Личность, — пишет Э.В. Ильенков, — и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» — отношений «Я» к самому себе как к некоторому «Не-Я». Поэтому «телом» ее является не отдельное тело особи вида «*homo sapiens*», а, по меньшей мере, два таких тела — «Я» и «Ты», объединенных как бы в одно тело социально человеческими узами, отношениями, взаимоотношениями» [9, с. 393]<sup>2</sup>.

В принципе, это и есть базовая идея Э.В. Ильенкова, которую он в разных версиях и вариациях пересказывает в разных работах и на множестве страниц: личность есть неорганическое деятельностное тело человека, формируемое им как коллективный исторический субъект в процессе предметной деятельности. Собственно, далее концепт не был развит и построен как конструкт.

Идею неорганического тела Э.В. Ильенков увязывал с идеей мыслящего тела Б. Спинозы. Кто мыслит? Мыслит не отдельный орган. Не мозг человека. Мыслит субстанция, понимаемая как это неорганическое тело. Мыслит целостное неорганическое тело людей: «Мышление — не что иное, как способ активного действия протяженного тела человека, живущего среди других протяженных тел и взаимодействующего с ними» [9, с. 105]. И тут Э.В. Ильенков, несколько увлекшись и приписав Спинозе некий марксизм, приписал ему и идею «мыслящего тела». По его логике, Спиноза «... связывает феномен мышления вообще с реальной деятельностью мыслящего тела (а не с понятием бестелесной души) и в этом мыслящем теле предполагает активность — и опять-таки вполне телесную» [9, с. 108–109]. Э.В. Ильенков увязал проблему свободы воли, по Спинозе, и феномен мыслящего тела через действие: свобода есть «... акт постоянно длящегося освобождения из плена ближайших внешних обстоятельств, как деятельность мыслящего тела в мире вещей, тел» [9, с. 109].

Необходимо, конечно, оговориться. У Б. Спинозы понятия мыслящего тела не было. Здесь идет обыгрывание Ильенковым спора Б. Спинозы и Р. Декарта, у которого есть понятие «мыслящей вещи» (*res cogitans*). Но что есть вещь мыслящая? По Р. Декарту, — это Я, мыслящий, совершающий медитации. «Я», ставящий вопросы, так размышляющий, у Р. Декарта и есть вещь мыслящая. И только она (т. е.

автор, субъект мысли) очевидным образом и существует, поскольку мыслит.

Если вспомнить латинский этимон понятия *res*, то это — вещь, предмет, мир, природа, факт, действительное положение вещей, действительность, суть, содержание, дело, действие, деяние, событие, случай. Согласно этимону, если говорить о мыслящем теле, то это шаг дальше в сторону укоренения и заземления того, что происходит в действии с мыслящей вещью. Я, вещь мыслящая, совершая акт мышления, так и существую через этот акт мышления. И посредством акта мышления я, вещь мыслящая, оседаю в мыслящем теле. Понятно, что речь идет не о вещи и вещиности, а о событии и действии, т. е. о вещах сугубо не вещественных, но предметных. «Вот такое положение вещей» — привыкли мы говорить. Тем самым мы говорим о существе, о положении дел, о правде, о том, что реально происходит. Мыслящее тело — то, которое реально складывается в актах и складках мысли, совершаемых вещью мыслящей — субъектом мысли.

Э.В. Ильенков не сильно преувеличил, приписав Б. Спинозе понятие мыслящего тела, которого у того вообще-то не было, и здесь современный автор Майданский прав [10]. Э.В. Ильенков превратил мыслящую вещь в мыслящее тело, хотя мыслит не тело, а субъект. Но Э.В. Ильенков говорил не о натуральном теле, он говорил о неорганическом деятельностном теле. У Б. Спинозы же в «Этике» так и говорится: «Под идеей я разумею понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая (*res cogitans*)» [20, с. 630]. В другом месте у Б. Спинозы говорится и другое: «Мышление составляет атрибут Бога, иными словами, Бог есть вещь мыслящая (*res cogitans*)» [20, с. 632]. Это означает, как объясняет сам Б. Спиноза, что Бог обладает атрибутами, выражающими его сущность. К таковым атрибутам относятся и мышление. А душа через акты мышления становится модулем Бога.

Ильенков же ищет, в отличие от Б. Спинозы, не Бога, а материалистическую (т. е. деятельностную) субстанцию, основу, фундамент для объяснения природы духовных вещей — мышления, свободы. И находит ее у Б. Спинозы, в отличие от И.Г. Фихте, который вроде тоже вводит принцип деятельности, но как принцип деятельности Духа, идеального Я, Абсолютного Субъекта.

Б. Спиноза, как его понял Э.В. Ильенков, выводил проблему свободы воли из предметного мира деятельности, т. е. из неорганического тела, а Фихте — из самосознания Я: «... в мыслящем теле Спиноза предполагает способность строить свое движение во внешнем пространстве сообразно “форме и расположению” вещей вне этого тела, а не сообразно форме и расположению частей собственного организма...» [9, с. 113]. А Фихте, полагает Ильенков, хочет вывести все многообразие внешнего предметного мира из Духа. Поэтому Фихте становится у Ильенкова «перевернутым Спинозой» [9, с. 112–113].

<sup>2</sup> Здесь слышится голос Л. Фейербаха.

В своих набросках о свободе воли, где Ильенков сравнивает подходы Фихте и Спинозы, в итоге он фиксирует: «...дальше развернуть вопрос о том, как расшифровывается (конкретизируется) в марксизме понятие “мыслящего тела” (краеугольного камня системы Спинозы). — Человек не как индивид, и не как то, что одинаково общо каждому индивиду, не nemá “общность рода”, а как конкретно-исторически развившаяся совокупность всех общественных отношений, как их полный ансамбль. — Притом отношений “опосредованных” вещами, созданными человеком для человека. — Мозг как функциональный орган управления этим телом человека. — И тот же мозг как орган управления органическим его телом» [9, с. 115].

Ильенкову было важно вывести феномен мышления и личности за пределы тела индивида как особи. Личность формируется и живет не внутри тела особи, а внутри неорганического тела деятельности человека как общественно-деятельностного существа. По этому поводу он спорил с вульгарными материалистами, пытаясь доказать, что обсуждать надо не то, что внутри мозга, и доказывать, что без мозга мыслительная деятельность невозможна, а то, что такое природа мышления, что есть процесс мышления.

Но далее Ильенков увлекается и, пытаясь указать на материалистичность своей позиции, настаивает на том, что личность — «...не теоретическая отвлеченность, а вполне “вещественно осязаемая реальность”, это “телесная организация” того коллективного тела (“ансамбля социальных отношений”), частичкой и “органом” которого и выступает каждый отдельный человеческий индивид» [9, с. 394].

И, по Марксу, утверждает Ильенков, личность понимается «...вполне материалистически, вполне вещественно-телесно, — как реальная телесно-вещественная совокупность вещественно-телесных отношений, связующих данного индивида с любым другим таким же индивидом культурно-историческими и естественно-природными узлами» [9, с. 395].

В общем, мы видим игру слов и даже редукцию — сведение материалистической природы к вещественно-телесной, характеристику личности как сугубо даже телесно-вещественную организацию, но тут же — организацию коллективного тела и т. д.

Ища союзников, Ильенков обратился не только к Марксу, но и к Спинозе. У последнего мыслящее тело, полагал Ильенков, — это «природа в целом, ... она же «субстанция», она же — «Бог» [8, с. 42].

И в этой позиции Ильенков почти отождествляет Маркса и Спинозу, но на уровне метафоры: мыслящее тело есть тело предметной деятельности, т. е. деятельностное тело субъекта действия [8, с. 38]. И это мыслящее тело, человек, строит свое движение по форме любого другого тела. Эта способность мыслящего тела строить свое собственное действие по фор-

ме любого другого тела отличает, согласно Спинозе, как считает Ильенков, мыслящее тело от других тел, т. е. показывает собственно сам акт мышления, феномен мышления. А телесность мышления, продолжим Ильенкова, есть телесность, т. е. *структурность, организованность, предметность* действия, которое продельвает субъект действия, но как общественное существо, связанное с другими общественными существами социальными связями.

Чтобы как-то дополнить этот круговорот метафор и как-то попытаться выйти из этого круга, приведем пример из практики самого Ильенкова. Он свои теоретические поиски сочетал с вполне предметной практикой — работой со слепоглухонемыми детьми в интернате в Загорске у Мещерякова.

Сравнивая позиции Спинозы и Фихте, Ильенков сделал отсылку на реальный случай — «Юля Виноградова и овраг» [9, с. 451]. Слепеглухая Юля однажды гуляла вдоль оврага. Вернувшись с прогулки, она воспроизвела в пластилине форму, повторяющую очертание этого оврага. Своим телом пройдя вдоль оврага, она его запомнила и затем по памяти его построила в пластилине<sup>3</sup>. Этот случай, говорит Ильенков, спинозист и фихтеанец описывают по-разному. Спиноза объяснил бы этот феномен с точки зрения предметного действия. Юля воспроизвела форму оврага своим телом, своим движением пройдя вдоль него и потом посредством пластилина повторила это движение своего тела. Причем использовала естественно здесь свои руки. Руками, пальцами она воспроизвела в пластилине форму оврага. Классический пример действия мыслящего тела по форме другого тела. И эта форма действия мысли опосредована формой оврага. Вполне понятное материалистическое объяснение. Но от этого сам случай не перестает быть удивительным.

А Фихте этот феномен объяснил бы тем, что форма и контур действия определяются не оврагом, а формой, контуром моего действия, действия моего сознания, моего Я.

Но существо проблемы не в том, чтобы спорить и выбирать позицию Фихте или Спинозы. Существо проблемы в том, чтобы понять устройство самой духовной практики построения вот этого духовно-предметного тела личности, которое пестуется посредством работы пальцев, памяти, всего целого тела. Вот здесь ни Спиноза, ни Фихте, ни Ильенков ничего пока не сказали. Что есть практика, лепка новой телесности, которая, разумеется, не сводится к натуральной телесности? Что есть практика выделки личностных начал-органов, на которые пальцем не показать, но они имеют, безусловно, свое предметное основание и свою природу?

Зачем было нужно Ильенкову так активно и часто прибегать к этой идее мыслящего тела, неорганическо-

<sup>3</sup> Был не менее сложный пример. Слепеглухой ученик А.И. Мещерякова Юрий Лернер, когда умер их учитель, вылепил его скульптурный бюст из глины, ни разу не видя живого учителя. Не видя учителя, ученик вылепил его портрет в объемной форме. Также Лернер занимался созданием наглядных натуральных пособий для незрячих — горельефов, барельефов, как раз для того, чтобы незрячие могли «читать» руками и представлять формы.



го тела личности, когда достаточно было подчеркнуть предметно-деятельностный характер становления и формирования человека как субъекта, как сознательного существа, строящего и формирующего себя? Нельзя ли было обойтись понятиями субъект, деятельность, предметная деятельность, культурно-историческая деятельность и не прибегать к проблематике тела и телесности, которая у того же Маркса оставалась сугубо наследием терминологии Фейербаха?

Думаю, для того, чтобы показать предметность, конкретность, приземленность характера и природы формирования человеческой психики. Стремясь показать рукотворность этой психики и видя, как это происходит у слепоглухонемых детей, Ильенков и прибегал постоянно к метафоре мыслящего тела.

На проблематике тела и телесности споткнулись вульгарные марксисты, сведя тело к эмпирическому телу индивида, а ансамбль общественных отношений метафорически назвали неорганическим телом личности, идя вслед за Марксом. Они осваивали наследие Маркса частями, взяв сначала сугубо материалистический пафос, за которым далее стояла и Логика Гегеля, и Антропология Фейербаха. Но далее они оказались в онтологическом и мыслительном тупике, поскольку собственно онтологический горизонт был утерян, потому что бытие человека было взято в редуцированном вещном виде.

Но тем самым они ушли от понятия духовной практики и построения собственно феномена личности, отличающегося не физическим субстратом, а энергичной силой и структурой. А потому у Ильенкова тело и телесность остались метафорой, хотя и весьма плодотворной и на тот период исследований вполне пионерской на фоне марксистской идеологии.

Фактически уже в сфере практической работы со слепоглухими детьми в интернате в Загорске (его знаменитая четверка ребят<sup>4</sup>) Ильенков развивал идею становления и формирования неорганического тела, доказывая и показывая предметно-практически, как из «куска мяса» (как он сам говорил, споря с генетиками и физиологами) формируется личность.

Ильенков на примере работы со слепоглухими воспитанниками и показывал, что исходно психики у человека просто нет. Нет и душевного организма. Психику человеку необходимо буквально формировать, лепить, создавать. И буквально становиться органами этих воспитанников. *Взрослый становится сложно организованным органом слепоглухонемого ребенка.*

Ильенков вспоминает, как однажды у него спросили на одной из встреч: «А не опровергает ли ваш эксперимент старую истину материализма? («Ничего нет в разуме, чего не было бы в чувствах»). Ведь они ничего не видят и не слышат, а понимают все лучше нас...». Ильенков перевел своему воспитаннику А. Суворову на дактильном языке этот вопрос

и тот ответил: «А кто вам сказал, что мы ничего не видим и не слышим? Мы видим и слышим глазами и ушами всех наших друзей, всех людей, всего рода человеческого [9, с. 43].»

В деле работы со слепоглухонемыми проблема формовки культурного тела личности выступает в чистом и наглядном виде.

У слепоглухонемого от рождения в принципе нет никакой психики. У него нет даже ориентировочно-поискового движения. Любое животное ищет себе пищу. Слепоглухонемый ребенок и этого не умеет. Даже если рядом на полметра от его рта находится пища, ребенок не тянется к ней. Сама по себе потребность в пище не порождает потребность в поиске пищи. Ее приходится формировать: «Делается так: соску отводят от губ ребенка на миллиметр, и, если он это минимальное расстояние сумел преодолеть собственным движением, отводят на сантиметр. Постепенно расстояние увеличивается. Потом между ртом и соской ставится препятствие, которое ребенок вынужден обходить. И так до тех пор, пока в самой сложной лабиринтообразной ситуации он не научится находить, ориентируясь по запаху и осязанию, верный путь, строить траекторию движения, соотносящуюся с формой и расположением внешних тел. Тут-то и только тут, возникает у него адекватный образ, субъективная копия форм этих тел — вместе с образом пространства вообще. Если этого удалось добиться — психика возникла. Психика вообще» [9, с. 34].

Что получается? Вспомним Юлию Виноградову. Образ предмета у слепоглухонемого формируется посредством *прорисовки телом* в пространстве передвижения (поиска пищи по запаху) всей линии поиска. Линия, траектория поиска пищи и сама пища в конце пути формирует у ребенка *образ* искомой пищи! Я рисую образ предмета всем своим телом! И это принципиально. Иначе этот предмет в моем сознании не появится. Просто у нормального ребенка он формируется быстрее, в более свернутом виде, а у слепоглухонемого он формируется в некоем замедленном темпе, как при замедленной съемке. Кадр за кадром<sup>5</sup>.

Ильенков фактически на этих примерах продолжал доказывать и показывать, что опыт работы с такими детьми не нуждается в том, чтобы прибегать к идее чуда или к идее Бога. Ильенкову-марксисту достаточно идеи, что разум вначале существует вне индивида в виде деятельности и продуктов человеческого труда. Этот разум буквально овеществлен в конкретных предметах — соске, горшке, ложке, одеяле, одежде, умывальнике, осваивая которые шаг за шагом, в совместно-разделенной деятельности со взрослым, слепоглухонемый ребенок становится полноценным социализованным и развитым существом. А освоение этих предметов осуществляется посредством прикосновения, жеста, телесно-орудийного действия.

<sup>4</sup> Воспитанники Э.В. Ильенкова в интернате: Александр Суворов, Юрий Лернер, Наталья Корнеева, Сергей Сироткин.

<sup>5</sup> Эту метафору привел однажды А.Н. Леонтьев, говоря о формировании человеческой психики у слепоглухонемых детей: на их примере делаются зримыми, осязаемыми, и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки узловые события процесса формирования личности [9, с. 33].

Ильенков полагал, что как раз марксизм и дал объяснительный принцип Мещерякову. Без него феномен знаменитой Элен Келлер объяснялся как чудо, как результат ее гениальной одаренности. В то время как на самом деле Келлер всему научилась благодаря любви и терпению другой девочки — Анны Сулливан.

### Событие предметного действия

Разговор о неорганическом (т. е. предметно-деятельностном) теле рискует быть сугубо фразеологическим, если не выходить на аналитику и выделение единицы предметной деятельности — предметного действия. Что есть предметное действие, как оно строится, совершается? Что оно такое есть, когда свершается? В чем событийность предметного действия? Что есть предметное действие как событие?

Эти вопросы в своих работах ставят отец и сын Эльконины, но с разными акцентами. Д.Б. Эльконин больше ставил вопрос о существовании предметности действия и показывал, что предметность не «написана на предмете», а разворачивается во взаимности действий ребенка и взрослого. А Б.Д. Эльконин больше пишет о событийности и переходности предметного действия. Осмысление и переосмысление феномена предметного действия помогает нам выйти за пределы сугубо идеологического спора Ильенкова со своими противниками, вульгарными материалистами, в область действительности предметного действия и в область предметной антропологии.

Д.Б. Эльконин в полемике с П.Я. Гальпериным, на материале наблюдений за собственным внуком, осмысляет опыт освоения ребенком предметного действия (действия с предметом), предполагающего как осмысление его (действия) орудийности, так и освоение его общественной функции.

Когда ребенок осваивает действие с ложкой? — спрашивает Д.Б. Эльконин. И отвечает словами П.Я. Гальперина: кажется, что ребенок сначала приспособляется к сугубо орудийной стороне ложки, соотносимой с его рукой (кистью) как удлинением, продолжением его руки. Ложка в руке ребенка первоначально еще не орудие, а замена его ручки, кисти, точнее ее продолжение. Ребенок действует ложкой как своим кулачком, держа ее не за ручку, а буквально за основу, почти за саму ложку.

В этом состоит кажущаяся «шимпанзеподобность» поведения ребенка этого возраста. Для приматов как раз характерно такое поведение — палка, орудие, используемое для доставания плода, воспринимается обезьяной как продление передних конечностей.

По этой аналогии пойдём далее. Человек, чтобы усилить свои ослабленные и больные органы, конструирует специальные орудия для их усиления. Мы надеваем очки для усиления зрения глаз. Делаем костыли, ходули для замены и удлинения ног. Письменная ручка становится предметом для письма на материале, на котором невозможно написать просто пальцем. Звуковой аппарат вставляем в уши для усиления слуха.

То есть технический прогресс у человека идет сугубо по линии усиления натурального органа и его последующей замены при наличии физического натурального вывиха, точнее ослабления функции органа. Тем самым родовое качество и отношение к человеку здесь формулируется как отношение к инвалиду. К своим ногам, рукам, ушам, глазам мы обязательно хотим приделать что-то техническое, что усилило бы наши сугубо физические, натурально-телесные функциональные возможности. Мы усиливаем тело, надевая на него панцирь техники, не замечая, что однажды этот панцирь начинает нас сжимать в своих объятиях.

Но мы при этом забываем, что тем самым мы атрофируем смысловое содержание предмета-орудия. Точнее, мы забываем, что это орудие передает нам другой, взрослый, ранее его освоивший и им орудующий.

Фокус в том, что оперирование ребенком ложкой как удлинением его кулачка суть лишь фактическая констатация исходной ситуации. Собственно, освоение предметного действия начинается тогда, когда осваивается не столько орудийная сторона ложки, сколько образец действия с ложкой. Ребенок не просто ест кашу ложкой-рукой, он смотрит, как это делает рядом находящийся взрослый. Ребенок включает предмет, ложку, в образец его правильного использования [31, с. 92].

Здесь главное — становление *совокупного действия* (я бы сказал — социального действия) через включение *образца предметного действия* в свое действие.

Орудие тем самым осваивается через освоение отношения со взрослым. Сначала — *смысл ситуации*, который задается общением взрослого и ребенка, а потом — *предмет ситуации*, собственно ложка и каша. Мало говорить о том, что человек хочет есть и ему надо овладеть предметом, с помощью которого он удовлетворяет свою физиологическую потребность. Здесь параллельно выстраивается *смысловая ситуация* отношения со взрослым, помогающим ребенку этим предметом овладеть. И этот смысл становится мотором, *движителем* предметного действия. Через смысловое поле, задаваемое общением со взрослым, происходит овладение предметным действием, внутри его — его орудийной составляющей, и посредством этого совершается и сам акт развития. Собственно, в этом весь пафос и смысл культурно-исторической антропологии, задающей и понимание того, что есть умное тело или собственно личность.

Но смысл — не орудие. Им не овладевают, его вырывают и осваивают. Это как в игре. Мнимая игровая ситуация, как писал тот же Выготский, выстраивается ребенком самим, и она, смысловая ситуация, важнее для него в игре, нежели собственно орудийное наполнение игры (набор игрушек). Тапок в игре становится кораблем. Вот это «становится» в игре важнее. Важен не тапок, а то, что тапок становится кораблем. В игре ребенок играет со смыслом, а потом с игрушкой как с предметом. И эта игра со смыслом задает ребенку, играющему, необходимую степень свободы, свободы от натурального поля, от натуральности, вещности, физичности. Не делает его рабом

вещи. Ребенок может всегда остановиться, отказаться от вещи-игрушки и взять другую, потому что играет он со смыслом. Тем самым смысловое наполнение ситуации взаимодействия с предметом и со взрослым в этот игровой период — важнее для ребенка.

А вот в ситуации присвоения и освоения человеком нужных предметов-орудий, усиливающих его натуральное тело, в ситуации аутсорсинга, о чем мы говорили выше, как раз наоборот происходит усиление зависимости от орудий. Человек перестает играть и оперировать со смыслом. Ему важен орудийный характер вещи, который усиливает его телесно-физически, но поработает его волю и мысль. И он становится придатком орудия.

Вернемся к ребенку. Б.Д. Эльконин продолжает и уточняет Д.Б. Эльконина. Совокупное действие в общении со взрослым и возникает как событие, в акте свершения и переживания в этом акте живого действия, опробуя его всей своей телесностью. И эта телесность — полная, она погружена в смысловое общение со взрослым. Здесь в живом смысловом действии телесность человека одухотворена. Испытывание, опробование событийности предметного действия происходит телесно-целостно, целиком, всем существом. И через это оно событийно. Событие действия есть тройственный переход: смысловой, телесный, ситуативный [32].

Человек утверждает себя, свое предметное действие телесностью, т. е. всей своей целостностью, включая и самочувствие, самоощущение, и всю органику, и этим утверждает и свою собственную телесность.

Через это утверждение телесности происходит и обратное воздействие на процесс освоения орудия. Получив подтверждение от взрослого, от видения образца и поддержки («так, так», «хорошо», «молодец»), переживая событийность своего действия, ребенок все более решителен и устремлен в освоении собственно орудийности предмета, его технической части.

Д.Б. Эльконин отмечал ранее: непосредственное приспособление к материальным свойствам предмета-орудия происходит только на основе включения их в образец действия, постепенно создаваемый ребенком. Ребенок ориентируется на образец действия не непосредственно, а посредством создания образа этого действия. В этом смысле предмет включен в образ предмета, свой образ, который формирует ребенок посредством общения со взрослым. Причем, именно возникновение образа предметного действия и «...знаменует собой конец формирования предметного действия» [31, с. 99].

Тем самым нам важно зафиксировать следующее. Если тело может быть только мыслящим телом, иначе оно — не тело вообще, если мыслящее тело — это орудийно-деятельностное, энергичное тело, если

орудие осваивается посредством включения в смысловую ситуацию, в которой ребенок общается со взрослым и осваивает целостно всем существом сначала смыслы и образы, а потом предметы и орудия, если это освоение должно получить телесное живое целостное подтверждение, если освоение предмета тем самым происходит окольным путем — не прямую материальное овладение орудием, а включение его в процесс освоения им смыслового образного поля, то тем самым и телесность, и тело существуют не иначе как такое *событийное энергичное тело*, оно существует как такое событие и переживание, принятое и понятое целостно, всем существом.

Вспомним теперь наш тренд аутсорсинга. Что происходит при таком процессе? Передавая функции орудиям и машинам, высвобождаясь от них, выходим ли мы также и из смыслового поля? Взаимодействие со взрослым может идти и не обязательно с этим орудием. Отказываясь от орудия, мы не должны отказываться от смыслового поля, от игровой мнимой ситуации. Мы убираем и заменяем игрушки. Но не должны убирать Бога игры. А заменяя игрушки все более совершенными техническими изделиями, обогащаем ли мы смысловое поле игры?<sup>6</sup>

А если мы обедняем или вовсе убираем и смысловое поле общения ребенка со взрослым, мы убираем главный движитель игры и предметного действия. Тем самым мы перестаем чувствовать и переживать собственно событийность действия. И тем самым мы исчезаем не только как культурные существа, но мы исчезаем и телесно, поскольку главное в нашей телесности — ее энергичность и событийность, а не физичность. Точнее физичность наша теряет свою душевную органику. Исчезает событийное тело — исчезает любое другое тело, орудийное, деятельностное, энергичное.

### Слепоглухонемое умное тело. Случай А.В. Суворова

Это поразительно, но факт. Казалось, что особенного нами было сказано выше в главе об Л.С. Выготском касательно проблем тифлосурдопедагогики? Вроде бы вполне тривиальные и известные вещи. Но надо сказать, что эти уроки из Выготского нами до сих пор не извлечены и не использованы. В целом работа со слепоглухонемыми детьми у нас остается «инвалидной и дефективной» педагогией, как говорил сам Л.С. Выготский, построенной в духе филантропии, заботы и попечения. Такое воспитание готовит инвалидов, оно замораживает вывих и не выводит детей на реальный путь развития. Исключения лишь подтверждают правило. А случай А.В. Суворова, пожалуй, именно тот исключительный случай, а

<sup>6</sup> Ответ здесь, кстати, давно известен. Специалисты уже давно показали, что развитие игры идет не обязательно по линии усложнения ассортимента игрушек (вместо простого карандаша возьми цветной), а может идти по линии развития смысла (нарисовал себе — нарисуй для мамы). Точнее, здесь идет взаимодействие двух плоскостей и видов деятельности, операционно-технической и мотивационно-смысловой. Но технический прогресс идет по линии орудийной. Он смысловое поле не обогащает, а все более сплюсчивает.

не общее правило. Прецедент, не ставший нормой. Но все по порядку.

Случай А.В. Суворова, и не только его — блестящее подтверждение адекватности культурно-исторической концепции, согласно которой человек буквально строит самого себя как культурное существо. По шагам, по крупницам. И здесь сама терминология носит характер реального строительства, архитектурного конструирования и инженерного дела.

Свой уникальный опыт А.И. Мещеряков описал сам в своей книге [12]. Также свой опыт второго рождения описал и А.В. Суворов [21–27]. А.И. Мещеряков обобщил обучение десятков и сотен воспитанников Загорского детского дома слепоглухонемых, детей из экспериментальной группы Института дефектологии АПН СССР. Обучение было начато еще И.А. Соколянским в 1955 г.. Более массовое групповое обучение было начато с 1963 г. и продолжалось до смерти А.И. Мещерякова в 1974 г..

Что удивляет? После смерти А.И. Мещерякова прошло 40 лет. Но культурно-историческая психология концептуально ни на йоту не продвинулась в деле понимания феномена формирования человеческой психики, построения личности у слепоглухонемых детей. Методологически по сравнению с работами Э.В. Ильенкова, А.И. Мещерякова мы ничего нового не сказали. Были опубликованы работы Л.С. Выготского по дефектологии, работы Э.В. Ильенкова. Но что дальше?

Работы А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова написаны в 70-е гг.. Работы и дневники Д.Б. Эльконина написаны в те же годы. Они развивали идеи своего учителя Л.С. Выготского, выдвинутые еще в 20–30-е гг.. Но методологически мы дальше и не продвинулись.

Особенно мировоззренческий и методологический дефицит мы испытываем, когда пытаемся понять феномен формирования умного тела в психике слепоглухонемых. Хотя там-то как раз все вопиюще прозрачно.

Саша Суворов, один из знаменитой четверки Э.В. Ильенкова, воспитанников из интерната в Загорске, которых он развивал и воспитывал и которые поступили затем на факультет психологии МГУ, стал доктором наук, специалистом по развитию слепоглухих детей.

Он сам — позднооглохший слепой. Плохое зрение обнаружили на 4-м году жизни, потеря слуха произошла, когда ему было 9 лет. Он из всей четверки оказался самым продвинутым и известным и всей своей жизнью доказывал и показывал верность хода Э.В. Ильенкова и А.И. Мещерякова относительно того, что умное культурное тело личности у человека формируется в совместно-разделенном предметном открытом действии-событии ребенка и взрослого. Своего словаря исследователя А.В. Суворов не создал, фактически идя по стопам Э.В. Ильенкова, говоря его словами и

видя его умо-зрением. Но важно не это. Важно то, что обнаруживается в деталях, которые он сам обнаружил в своих многочисленных работах, дневниках, записях, статьях. Его жизнь — интереснейший дневник наблюдений. По этим деталям и пройдем.

**Телетактор-посредник.** Слепоглухие дети не пишут в привычном для нормальных смысле. Они осваивают язык и письмо с помощью шрифта Брайля и тактильного языка. Они не выводят на листе бумаги буквы. Они видят пальцами, воспринимают мир всем своим телом, подключая всю свою органику к связям с внешним миром. Сейчас это звучит банально. Но это не банально с точки зрения формирования личностной структуры, тела личности. А.В. Суворов научился распознавать людей, с которыми он общается, например, по запаху и по ладоням. Он фактически формировал в себе новые культурные органы.

Что здесь не тривиально? То, что на вопрос «Что выстраивается взамен привычным орудиям (письму, тексту, знаку) в качестве культурного посредника между слепоглухонемым и зрячеслышащим?», который мы задавали в начале работы, обсуждая феномен ауторсинга, мы фактически получаем более сложный ответ: предметом и орудием для письма и чтения становится сложно организованное орудие, состоящее из руки, шрифта Брайля, тактильного языка, особого дисплея, особой клавиатуры, снабженной шрифтом Брайля.

А.В. Суворов рассказывал, что впервые именно у них в интернате был использован так называемый телетактор, первый в мире прибор, который использовался для общения со слепоглухими, чтобы они могли и сами «слышать-видеть» воспитателя, который им говорит и пишет, и сами они смогли бы ему ответить<sup>7</sup> [23].

Телетактор был прообразом брайлевского дисплея. Воспитанники Загорского дома познакомились с телетактором задолго до того, как появился брайлевский дисплей. Первые телетакторы появились в Загорске в 1965 г.

Телетактор — это техническое устройство, состоящее из центрального пульта, за которым сидит зрячеслышащий воспитатель, и нескольких рабочих мест для слепоглухих воспитанников. Они могут общаться друг с другом. Пульт представлял собой пишущую машинку, к которой подключена клавиатура, на которой размещены кубики-такторы с шеститочиями Брайля на верхней панели. На рабочих местах воспитанников — тоже клавиатуры со шрифтом Брайля. При нажатии воспитателем той или иной клавиши на центральном пульте у воспитанника выскакивали соответствующие сочетания точек — брайлевские буквы. Передача букв сопровождалась вибрационным сигналом, который воспитанники могли почувствовать всем телом.

<sup>7</sup> Хотя сам А.В. Суворов убежден, что человек должен уметь и учиться писать рукой. Именно необходимость писать рукой, овладеть навыками письма, пусть и по Брайлю, и формирует у человека необходимую культурную органику. Эта необходимость писать по Брайлю от руки также не отменяет, как необходимость писать от руки для зрячих.



До будущего брайлевского дисплея телектактору было далеко, он был несовершенен, громоздок. Но принципиальная схема была построена. Даже в ситуации слепоглухоты и немоты можно построить особое устройство-посредник, формирующее не только коммуникацию, но и развивающее и формирующее необходимые способности.

Более того. Освоив печать и переписку на версабрайле, А.В. Суворов далее освоил и обычную печатную машинку для зрячих и далее — компьютер<sup>8</sup>. Известно, что зрячие машинистки печатают вслепую, запоминая, какая клавиша где находится. Принцип тот же. И затем А.В. Суворов и вовсе смог освоить компьютер при помощи приставки «Брайльбокс».

Итак, проблема развития заключается не только и не столько в смене орудийного набора, верстака. Это то же самое, как и в детской игре происходит смена набора игрушек. Можно поиграть с одной игрушкой, потом с другой. А можно вообще играть в чисто символическом пространстве, с ролями и смыслами, поскольку главное в игре — смысловое поле игры. Поэтому для работы со слепоглухим ребенком важно было построить путь, коммуникацию, создав адекватные средства этой коммуникации, обеспечивающие контакт со взрослым. А пишет при этом ребенок или не пишет, как зрячий, это уже не важно. Важно обеспечить контакт и построить совместное предметное действие.

Именно здесь кроется и серьезная социальная проблема. Мало того, что многие слепоглухонемые дети просто изначально асоциальны и нужно много времени, терпения, сил потратить, чтобы оснастить, сформировать у них новые органы-чувства, новые способности с помощью специальных устройств и специально организованной предметной деятельности. Нужно еще сделать так, чтобы по окончании школы-интерната эти воспитанники были социальны, смогли жить и полноценно существовать среди зрячеслышащих, быть такими же нормальными и дееспособными.

Более того. Большинство из них лишены возможности приобретать дорогостоящие специальные устройства (как смог себе позволить А.В. Суворов иметь современный брайлевский компьютер и другие устройства), иметь хорошую брайлевскую библиотеку. И главное — они все нуждаются в особой среде общения, в которой они были бы приняты, где к ним относились бы как к нормальным и полноценным людям, а не как к неполноценным инвалидам.

И здесь мы выходим за рамки нашей работы в область серьезных государственных социальных программ развития и поддержки слепоглухонемых детей и взрослых, которых в стране тысячи.

**Умная рука.** А.В. Суворов не видел лиц, не видел тел. Но его глазами стали его руки: «Рука бывает задумчивая, грустная, усталая, спокойная, нетерпе-

ливая. Бывает хмурая и ясная. Вот она потихоньку высвобождается из моей руки — дай отдохнуть, подумать, подумай, не приставай. А вот резко вырывается из моей руки — чем-то обидел, рассердил. Рука может кричать на меня — очень резкие, «злые» движения. Но вот гроза прошла и рука доверчиво ложится ладонью в мою ладонь — прости, бес попутал. Не бери плохого в голову, все хорошо...» [25].

А.В. Суворов фактически открыл для себя естественным путем тот же язык тела, который знают актеры театра, пантомимы, психотерапевты — специалисты по телесной терапии и все те, кто чувствует и читает язык тела. Но дело как раз в том, что слепоглухонемой и не видит никогда тел, в отличие от зрячеслышащих. И тогда он вынужден формировать на пальцах новые органы зрения: «У рук своя интонация. Без кавычек — тон, тонус. Кто-то пишет по ладони (или дактилирует, т. е. говорит посредством пальцевого — дактильного — алфавита) уверенно, энергично, с крейсерской скоростью — быстро, но как раз так, чтобы успеть понять. Кто-то очень медленно выводит на ладони каждую букву, боится быстрее — вдруг я его не пойму. Подбадриваю. Кто-то еле-еле касается моей кожи — пишет почти в воздухе, понять невозможно. Стесняется давить на кожу, вдруг причинит неприятные ощущения... Подбадриваю. Вот начал давить, вдавливать пишущий палец мне в кожу, или дактильно — напружинил пальцы, каждая буква словно выстреливает...» [25].

У слепоглухих тоже есть свой почерк. И свой способ ориентации, установления контактов, понимания, приятия и неприятия. Просто почерк этот формируется с помощью своих особых средств: «...на мою кожу, когда пишете по ладони, прошу нажимать! Пальцем, длинным ногтем, непишущим концом авторучки либо карандаша. Иногда к моей коже почти не прикасаются, пишут почти в воздухе, и попробуй тут хоть что-то понять... Точно так же, ради разборчивости дактильной речи, пальцы должны пружинить. Всю руку надо напрягать, держать кистью вверх, а не вниз, как дохлую змею. Пускай «змея» стоит на хвосте. То есть локоть внизу, кисть — вверх. Ни в коем случае не наоборот. Иначе мне придется выворачивать мою «слушающую» руку, что страшно утомляет. И, повторяю, пальцы должны пружинить! Каждой буквой надо как бы «выстреливать». Все комбинации пальцев должны быть чистыми, а не лишь намекающими нужное. Если пальцы в букве должны быть прямыми — их и надо выпрямлять, а не оставлять полусогнутыми, как часто бывает. Иначе общение превращается в пытку» [25].

Кроме того, что слепоглухой компенсирует сенсорный дефицит с помощью дактильного языка и телесного контакта, он фактически имеет этот телесный канал в качестве единственного. И тогда тело, все целиком, целостно, целокупно, действительно становится

<sup>8</sup> А.В. Суворов писал, что освоение обычной пишущей машинки для зрячих сделало его в свое время «зрячим». Сначала он писал тексты с помощью Брайля, затем перепечатывал их на пишущей машинке. Освоив же клавиатуру на машинке, он смог быстро освоить и клавиатуру на компьютере.

ся органом коммуникации и всей жизнедеятельности. От того, насколько цельно, целостно, сформировано твое культурное личностное тело, выступающее органом бытия, зависит вообще твое место в этом мире. Если оно не доделано, не слеплено, не сформировано (что воплощается в том числе и во вполне элементарных вещах, например, в уровне грамотности на языке Брайля или дактильного алфавита), то ты становишься культурным инвалидом. Ты реально не слышишь и не видишь мир, не ловишь никаких сигналов, не можешь прочитать никакое послание и не сможешь сформировать отклик в ответ другому.

К каким же методологическим выводам пришел его учитель А.И. Мещеряков, друг и соратник Э.В. Ильенкова? И может ли он помочь нам своими методологическими выводами, сделанными еще 40 лет назад? Помочь нам, переживающим некий аутсорсинг, тренд отказа человека от своего тела? Воспитанники из Загорска своим примером показали, что суть и смысл культурного развития человека заключается в строительстве тела личности посредством совместно-распределенной деятельности со взрослыми, посредством разнообразной социальной деятельности или деятельности по социализации слепоглухонемого ребенка. Чудес здесь не бывает. Но такое ощущение, что практика, личный опыт А.В. Суворова и других воспитанников интерната гораздо богаче, чем его собственные объяснения. Его словарь беден на фоне того удивительного опыта, который проделан и описан на многочисленных страницах работ А.И. Мещерякова, Э.В. Ильенкова, самого А.В. Суворова. В своем опыте А.В. Суворов больше самого себя, описывающего свой опыт.

Что касается проблематики личностной телесности, то здесь, видимо, и у А.И. Мещерякова, и у Э.В. Ильенкова не хватало словаря. Э.В. Ильенкову достаточно было ввести принцип деятельности, чтобы говорить о процессе мышления (мышление мыс-

лит, а не мозг; в мозгу ничего нет, его физиология нам ничего не даст для объяснения природы мышления). Э.В. Ильенкову было достаточно деятельностной концепции К. Маркса, идей о социальной, деятельностной природе человека, о том, что человек есть ансамбль общественных отношений. И далее — поразному и в разных вариациях обсуждается и пересказывается фактически этот базовый тезис.

Но при этом он не выходил на ключевую для нас проблему — что есть тело личности, отличное от первого натурального тела? Идея неорганического тела у Ильенкова оставалась большей частью метафорой, предметно не достроенной.

Получилось ли что-то у Мещерякова? Удалось ли ему продвинуться в этом направлении? Поскольку ведь перед ним стояла задача не просто объяснить природу становления человеческого в человеке предметной деятельностью, но и показать то, как лепится культурное тело человека, поскольку первое тело слепоглухонемого ребенка было фактически «куском мяса».

И нам это важно именно потому, что если мы полагаем, что человеку современному уже не обязательно писать, рисовать, лепить, вступать в телесный контакт с другим, строить, считать, читать, запоминать, если он может все это разнообразие предметной деятельности отдавать машине в аутсорсинг, то что остается ему и что происходит с ним, с его личностной телесностью? Что происходит с его глазами, ушами, руками, всем телом — т. е. что и как он видит, слышит, чувствует, понимает? Не происходит ли тем самым обратный метаморфоз: попадая в ситуацию аутсорсинга, человек постепенно вновь становится ничего не умеющим, не видящим, не слышащим немым существом? Только при этом обвешанным разным рода гаджетами и дивайсами, без которых он реально ничего не умеет, он не может без них и шагу шагнуть, он растерян в мире техносферы.

Или мы чего-то главного не понимаем?

#### Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-03087 «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»).

#### Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Проблема сознания. М.: Педагогика, 1982. С. 156–167.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Проблема развития в структурной психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 238–290.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
5. *Выготский Л.С.* Проблемы дефектологии / Сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т.М. Лифанова; авт. коммент. М.А. Степанова. М.: Просвещение, 1995. 527 с.
6. *Зинченко В.П.* От классической к органической психологии. М., 1996. 80 с.
7. *Зинченко В.П.* Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // Человек. 2000. № 3. С. 5–20.
8. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
9. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
10. *Майданский А.О.* «деятельностной стороне» учения Спинозы. // Логос. 2007. № 2 (59). С. 201–212.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
12. *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. 274 с.
13. *Палласмаа Ю.* Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2013. 176 с.

14. Смирнов С.А. Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск: Офсет, 2001. 261 с.
15. Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88–104.
16. Смирнов С.А. Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2013. № 1. С. 216–241.
17. Смирнов С.А. Идея произведения в работах М. Хайдеггера и П.А. Флоренского // Культура и искусство. 2014. № 3. С. 336–348. doi: 10.7256/2222-1956.2014.3.12530
18. Смирнов С.А. Структура акта автопоэзиса. Опыт поэтической антропологии. // Культура и искусство. 2014. № 2. С. 171–182. doi: 10.7256/2222-1956.2014.2.12162
19. Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск: Офсет, 2010. 492 с.
20. Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков; Изд-во «Фолио», 1998. 864 с.
21. Суворов А.В. Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.
22. Суворов А.В. Экспериментальная философия: сб. статей. М.: Изд-во УРАО, 1998. 244 с.
23. Суворов А.В. Телетактор — прообраз брайлеровского дисплея [Электронный ресурс] М.: 2011. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (дата обращения: 09.07.2015).
24. Суворов А.В. Два варианта читательского становления в условиях слепоглухоты [Электронный ресурс]. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (дата обращения: 09.07.2015).
25. Суворов А.В. Невербальная ориентировка. URL: <http://suvorov.reability.ru/epub/neverb.html> (дата обращения: 09.07.2015).
26. Суворов А.В. Образ формируется раньше действия. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (дата обращения: 09.07.2015).
27. Суворов А.В. Теоретическая матрешка: одиннадцать деталей для тифлосурдопедического конструктора. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (дата обращения: 09.07.2015).
28. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.
29. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
30. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
31. Эльконин Д.Б. Психическое развитие детских возрастов: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна; вступ. статья Д.И. Фельдштейна. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 416 с. (Серия «Психологи Отечества»).
32. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.
33. Эльконин Б.Д. Событие действия (заметки о развитии предметных действий II). // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 11–19.
34. Bostrom N.A. History of transhumanist thought [Электронный ресурс] // Journal of Evolution and Technology. 2005. № 14 (1). URL: <http://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (дата обращения: 09.07.2015).

# Smart Body or the Problem of Human Corporeality Development in the Context of Outsourced Life. Paper Two.

S.A. Smirnov\*,

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,  
smirnoff1955@yandex.ru

This paper continues to explore the problem of formation of non-organic body of personality touched upon in the previous part. The author shows how this problem is addressed in the works of E.V. Ilyenkov, B. Spinoza and L.S. Vygotsky and, in particular, in the works of D.B. Elkonin and B.D. Elkonin who introduced the concepts of 'mediatory action' and 'event of action', crucial for the understanding of personality construction. In the final part of the paper the author reviews the practices of blind, deaf and dumb pedagogy as the phenomenon of cultural development and cultural corporeality. Working with blind, deaf and dumb children proves the correctness of the cultural-historical concept aimed at tool/activity-based character of personality structure formation that may well be described in terms of smart corporeality. Without such practices of exploration and acquisition of his/her own behavior the individual becomes a functionally disabled person. Thus the author considers the practice of cultural development an anthropological alternative to the trend of outsourcing that implies the individual's rejection of his/her basic cultural functions and practices. And this alternative acts as a response to the challenge of the increasing cultural, functional and personal disabilities.

**Keywords:** smart body, non-organic body, personality, functional organ, life outsourcing.

## Funding

The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (project №14-18-03087 "Designing Non-classical Anthropology. New Human Ontology").

## References

1. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Problema soznaniya* [Collected Works: in 6 vol. vol 1 The problem of conscience]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 156–167.
2. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Problema razvitiya v strukturnoi psikhologii* [Collected Works in 6 vol. vol. 1 The problem of development in structural psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 238–290.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Orudie i znak v razvitiu rebenka* [Collected Works in 6 vol. vol. 6 The Tool and sign in child development]. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 5–90.
4. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Collected Works in 6 vol. vol. 3. The history of development high psychological function]. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 5–328.
5. Vygotskii L.S. *Problemy defektologii* [The problem of defectology]. Sost., avt. vstup. st. i bibliogr. T.M. Lifanova; avt. komment. M.A. Stepanova Moscow: Prosveshchenie, 1995. 527 p.
6. Zinchenko V.P. *Ot klassicheskoi k organicheskoi psikhologii* [From classic to organic psychology]. Moscow, 1996. 80 p.
7. Zinchenko V.P. *Gipoteza o proiskhozhdenii ucheniya A.A. Ukhtomskogo o dominante* [The gypotesis about Uhtomskiy concept's genesis dominant]. *Chelovek [Human Being]*, 2000, no. 3, pp. 5–20. (In Russ., abstr. In Engl.).
8. Il'enkov E.V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [The dialectical logic. Essay of history and theory of dialectical logic]. Izd. 2-e. Moscow: Politizdat, 1984. 320 p.
9. Il'enkov E.V. *Filosofiya i kul'tura* [The philosophy and culture]. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
10. Maidanskii A. *O "deyatelnostnoi storone" ucheniya Spinozy* [About active side of Spinoza concept]. *Logos [Logos]*, 2007, no. 2(59), pp. 201–212. (In Russ., abstr. In Engl.).
11. Marks K., Engel's F. *Sochineniya. T. 42. Ekonomicheskofilosofskie rukopisi 1844 g.* [The Works. The economical-philosophical manuscripts 1844]. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 41–174.
12. Meshcheryakov A.I. *Slepoglukhonemye deti. Razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya* [Deaf-blind children. Development of the psyche in the process of behavior formation]. Moscow: Pedagogika, 1974. 274 p.
13. Pallasmaa Yu. *Myslyashchaya ruka: arkhitektura i ekzistentsial'naya mudrost' bytiya* [The thinking hand: existential and embodied wisdom in architecture]. Moscow: Publ. "Klassika XXI", 2013. 176 p. (In Russ.)
14. Smirnov S.A. *Kul'turnyi vozrast cheloveka. Filosofskoe vvedenie v psikhologiyu razvitiya* [The cultural age of man. The philosophical introduction to psychology of development]. Novosibirsk: Ofset, 2001. 261 p.
15. Smirnov S.A. *Farmatsevtika antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsait* [The pharmaceuticals of anthropological trends. The anthropological foresight]. *Vest-*

## For citation:

Smirnov S.A. Smart Body or the Problem of Human Corporeality Development in the Context of Outsourced Life. Paper Two. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 100–112. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120410

\* Smirnov Sergei Alevtinovich, PhD in Philosophy, head of the Laboratory of Strategic and Foresight Research and Development, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, smirnoff1955@yandex.ru



- nik NGUEU [*Bulletin of NSUEM*], 2012, no. 1, pp. 88–104. (In Russ., abstr. In Engl.).
16. Smirnov S.A. Novye identichnosti cheloveka: analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii for-sait [The new identities of man: the analysis and prognosis of anthropological trends]. *Vestnik NGUEU [Bulletin of NSUEM]*, 2013, no. 1, pp. 216–241. (In Russ., abstr. In Engl.).
17. Smirnov S.A. Ideya proizvedeniya v rabotakh M. Khaiddeggera i P.A. Florenskogo [The idea of creature in the works of M. Heidegger and P.A. Florensky]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*, 2014, no. 3, pp. 336–348. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.3.12530.
18. Smirnov S.A. Struktura akta avtopoezisa. Opyt poeticheskoi antropologii. antropologii [The structure of the autopoiesis act. The poetic anthropology experience]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*, 2014, no. 2, pp. 171–182. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12162.
19. Smirnov S.A. Chertov most. Vvedenie v antropologiyu perekhoda. perekhoda [Devil's Bridge. Introduction to Anthropology transition]. Novosibirsk: Ofset, 2010. 492 p.
20. Spinoza B. Ob usovershenstvovanii razuma: Sochineniya [About improvement of mind. The Writings]. Moscow: "Publ. EKSMO-Press", Khar'kov; Publ. "Folio", 1998. 864 p. (In Russ.).
21. Suvorov A.V. Samorazvitie lichnosti v ekstremal'noi situatsii slepoglukhoty: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. [Personal development in an emergency situation deafblindness. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1994.
22. Suvorov A.V. Eksperimental'naya filosofiya [The experimental philosophy]. Moscow: Publ. URAO, 1998. 244 p.
23. Suvorov A.V. Teletaktor — proobraz brailеровского displeya [Elektronnyi resurs] [Teletaktor — the prototype of the Braille display]. Moscow, 2011. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (Accessed 09.07.2015).
24. Suvorov A.V. Dva varianta chitatel'skogo stanovleniya v usloviyakh slepoglukhoty [Elektronnyi resurs] [Two variants of the reader's formation in conditions of deafblindness]. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (Accessed 09.07.2015).
25. Suvorov A.V. Neverbal'naya orientirovka [Elektronnyi resurs] [Nonverbal orientation]. URL: <http://suvorov.reability.ru/epub/neverb.html> (Accessed 09.07.2015).
26. Suvorov A.V. Obraz formiruetsya ran'she deistviya [Elektronnyi resurs] [The image is formed before the action]. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (Accessed 09.07.2015).
27. Suvorov A.V. Teoreticheskaya matreshka: odinnadtsat' detalei dlya tiflosurdopedicheskogo konstruktora. [Elektronnyi resurs] [Theoretical matryoshka: eleven parts for tiflosurdopedical designer]. URL: [http://suvorov.reability.ru/r\\_blind.html](http://suvorov.reability.ru/r_blind.html) (Accessed 09.07.2015).
28. Ukhtomskii A.A. Izbrannye trudy [The selected writings]. Leningrad: Nauka, 1978.
29. Khoruzhii S.S. Ocherki sinergiinoi antropologii [Studies in synergetic anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. 408 p.
30. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [The selected psychological writings]. Moscow: Pedagogika, 1989.
31. El'konin D.B. Psikhicheskoe razvitie v detskikh vozrastakh [The psychological development in child's ages]. Moscow, 1995. 416 p.
32. El'konin B.D. Oposredstvovanie. Deistvie. Razvitie [The mediation. The action. The development]. Izhevsk: ERGO, 2010. 280 p.
33. El'konin B.D. Sobytie deistviya (zametki o razvitii predmetnykh deistvii II) [The event action. The notes on the development of object-related actions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2014, no. 1, pp. 11–19. (In Russ., abstr. In Engl.).
34. Bostrom N. A History of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. 2005. № 14(1). URL: <http://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>. (Accessed 09.07.2015).

---

**НЕКРОЛОГИ**  
**OBITUARY**

---

## **Людмила Филипповна Обухова** **Человек, в котором живет «внутренний ребенок»**

**Инна Корепанова**

---

Во мне, как, вероятно, и во многих людях, с детства живет святая наивная уверенность — наши родители вечны. Они, как и волшебники, не умирают...

Людмила Филипповна — моя научная мама. Она сама себя так назвала незадолго перед защитой моей диссертации, договорившись об этом с моей (теперь уже необходимо пояснять) биологической мамой.

Тяжело сейчас писать про Людмилу Филипповну в прошедшем времени. Не укладывается в голове, что ее уже нет в этом физическом мире... Но родители остаются с нами. Навсегда.

У каждого из нас «своя» Людмила Филипповна.

В этом небольшом тексте — моя попытка рассказать о «моей» ЛФО, о моем Учителе и очень близком человеке, о моей научной маме.

В нем не будет анализа научного наследия Людмилы Филипповны, детального разбора содержания ее основных публикаций, не будет перечислений ее заслуг перед российской и мировой психологией. Ее вклад предстоит еще оценить. Лишь пара штрихов к портрету Учителя.

Когда и как Людмила Филипповна все успевала? Где находила силы? Где черпала вдохновение? Последние пятнадцать лет Людмила Филипповна работала в МГППУ. С утра до позднего вечера ее можно было увидеть в здании на Сретенке. Со студентами, аспирантами, докторантами, коллегами. Лекции, доклады, консультации. И почти никогда — совещания. Потому что Людмила Филипповна никогда не была функционером от науки. Она была и есть человек содержания, человек дела.

Многочисленные статьи и книги, охватывающие громадный спектр проблем современной психологии развития, доклады на российских и международных конференциях, организация первой в России периодической научно-практической конференции по психологии развития, участие в работе редакционных коллегий и советов научных журналов (в их числе «Культурно-историческая психология», «Пси-

хологическая наука и образование», «Вестник Московского университета. Серия Психология», «Психологический журнал Университета «Дубна»), преподавательская деятельность в МГУ, МГППУ, Университете «Дубна», создание международной магистерской программы по психологии развития (МГППУ). Учебник «Возрастная психология», впервые вышедший в 1995 году (первое издание имело другое название — «Детская психология. Теории. Факты. Проблемы») пережил минимум 15 переизданий и является фактически первым базовым университетским учебником на русском языке, в котором подробно проанализированы классические и современные подходы к психическому развитию в онтогенезе. На его основе сделано несколько электронных учебных комплексов в сотрудничестве с факультетом дистанционного образования МГППУ, иллюстрированных учебными фильмами. С особой любовью, кропотливо, на протяжении многих лет Людмила Филипповна собирала материалы для документального фильма о Василии Васильевиче Давыдове. Ее стремление во всем дойти до самой сути воплотилось и в фильме об эволюции отношения к детству и ребенку, воплощенному в картинах. Она привозила репродукции из всех музеев мира, заразила этой страстью учеников.

Людмила Филипповна сделала понятными учение и тексты Жана Пиаже для русскоязычных психологов на страницах небольшой книжки «Концепция Жана Пиаже: за и против» (1981). Она рассказывала, что выучила французский язык, чтобы читать его тогда еще не переведенные тексты в оригинале. К тематике Пиаже ее привел Петр Яковлевич Гальперин, которого в середине 60-х годов прошлого столетия интересовали процессы исследования формирования математических понятий у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Людмила Филипповна вела под его руководством по этой теме диссертационное исследование, которое было еще до защиты

**Для цитаты:**

Корепанова И.А. Людмила Филипповна Обухова. Человек, в котором живет «внутренний ребенок» // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 113–116. doi:10.17759/chp.2016120411

опубликовано в виде книги «Этапы развития детского мышления» (1972).

На XVIII Международном конгрессе психологов в Москве в 1969 году Людмила Филипповна имела возможность встретиться с Жаном Пиаже. А уже в начале XXI века началось ее многолетнее продуктивное сотрудничество с последней дипломницей Жана Пиаже — Анной-Нелли Перре-Клермон, директором института психологии и образования университета г. Нёвшатель, выросшее в создание международной магистратуры по психологии развития в МГППУ.

Под руководством Людмилы Филипповны было защищено официально более 30 кандидатских диссертаций. Но своим научным руководителем могут назвать ее намного больше исследователей, которым она помогала сформулировать научную проблему, найти адекватные методы ее исследования, со многими буквально сутками она правила текст автореферата или диссертации. Будучи еще сама аспиранткой и работая под руководством Петра Яковлевича Гальперина, курировала его аспирантов, поддерживая их в организации и проведении исследований, помогая обобщать и структурировать результаты.

Меня всегда восхищало, что Людмила Филипповна помнит практически всех своих студентов. Часто, слушая на какой-нибудь международной конференции доклад степенного психолога, она тихо вспоминала — о теме его курсовой работы на 2 курсе, написанной под ее руководством или об ответе на госэкзамене. Через ее руки, а точнее лекции, семинары, написанные под ее руководством курсовые или дипломные работы «прошли» многие психологи, которые сейчас определяют лицо психологии не только в России, но и за рубежом.

У Людмилы Филипповны было особое отношение и к ученикам. Заходя в любой книжный магазин, подходя к книжному развалу на конференциях, она выбирала книги не только для себя, но и для своих учеников: «Катя пишет курсовую работу про детей-мигрантов. Ей эта книга пригодится. А Наташа — про детей с особенностями развития. Ее порадует вот эта книжка».

По словам Людмилы Филипповны, такое отношение к ученикам она унаследовала от своих учителей и несет как эстафетную палочку дальше.

Людмила Филипповна очень любила и уважала своих Учителей. Любовью и уважением к Учителям заражала и нас.

Первую книгу «Этапы развития детского мышления» Людмила Филипповна посвятила Якову Яковлевичу Рогинскому, а книгу «Детская психология: теории, факты, проблемы», впервые вышедшую в 1995 году и ставшую вскоре классическим учебником по возрастной психологии начала эпиграфом «Вечная признательность Учителям».

Последний доклад в России Людмила Филипповна прочитала о научном творчестве своего учителя («Развитие идей Л.С. Выготского в теории П.Я. Гальперина», июнь 2016, международный симпозиум «Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации»). Вместе со своей университетской подругой Ладой Иосифовной Айдаровой они часто вспомина-

ли, что их как бы разделили между собой учителя, и Лада Иосифовна стала «Эльконинская», а Людмила Филипповна «Гальперинская».

Память об учителях была у Людмилы Филипповны не мемориальной, а живой. Они осязаемо присутствовали в ее жизни и наполняли жизнь особым смыслом.

Как-то спонтанно решили пойти в кино. По дороге Людмила Филипповна рассказывала, что и Петр Яковлевич любил ходить со студентами в кино. Обедая в студенческой столовой, Людмила Филипповна вспоминала, как жена Гальперина, Тамара Израилевна, угощала приходящих в дом студентов простой, но вкусной едой.

Смотря на Волгу и проплывающие по ней теплоходы, она обязательно приговаривала, что П.Я. Гальперин любил так путешествовать, набирался сил и искал вдохновения.

В Манеже на выставке Юрия Роста бесконечно долго стояли у фотографии Эвальда Васильевича Ильенкова...

Во время одной из конференций в Афинах ночью забрели на Ареопаг. Летнее ночное звездное небо, под ногами раскинулась древняя Агора. За спиной — Акрополь. Болтали о чем-то незначительном. Людмила Филипповна внезапно замолчала и погрузилась в тишину. Через некоторое время сказала, что постоянно разговаривает со своими Учителями, с Яковом Яковлевичем Рогинским, Петром Яковлевичем Гальпериним, Эвальдом Васильевичем Ильенковым...

Широко известен факт, что Людмила Филипповна в 70-е годы курировала обучение четырех слепоглухих студентов на психологическом факультете МГУ. И это не случайно. Подруга ее мамы работала дефектологом и была дружна с основателем тифлосурдопедагогики Иваном Афанасьевичем Соколянским и слепоглухой Ольгой Ивановной Скороходовой, дефектологом и писательницей. Поэтому проблематика была ей известна с детства. Вероятно, в том числе и поэтому Людмила Филипповна получила приглашение работать со слепоглухими студентами. Команда собралась звездная. Помимо А.Н. Леонтьева, в то время декана психфака, непосредственно со студентами занимались автор этой идеи директор детского дома для слепоглухих Александр Иванович Мещеряков, Эвальд Васильевич Ильенков, Феликс Трофимович Михайлов. На Людмиле Филипповне лежала вся организационная нагрузка: подготовка расписания, перепечатка учебного материала, перевод лекций.

Об этом удивительном времени Людмила Филипповна вспоминала часто и с любовью. Глава о проблеме психического развития и обучения детей с сенсорными нарушениями вошла в ее учебник, стала неотъемлемой частью лекционного курса по психологии развития.

Ее вообще интересовали проблемы нарушенного онтогенеза. Она следила за работами Игоря Арнольдовича Скворцова, занимающегося вопросами профилактики и лечения психоневрологической инвалидности и возглавляющего Российский научно-учебно-методический центр реабилитации и со-

циальной адаптации детей с врожденными и наследственными заболеваниями нервной системы.

Людмила Филипповна поддерживала и помогала осмыслить, например, практическую деятельность Кристель Мански, талантливейшего терапевта и дефектолога из Германии, работающую с детьми со сложной структурой дефекта.

Она была человеком мечты, человеком идеи. Если она чем-то загоралась, то не было ничего невозможного. Начинала действовать и вдохновляла своим энтузиазмом других.

На конференцию по психологии развития «У истоков развития» в 2013 году она захотела пригласить Людмилу Улицкую. Прямых контактов с Улицкой ни у кого из организаторов конференции не было. Но Людмила Филипповна умеет заражать своей мечтой. И через несколько дней телефон Улицкой у нее был. Как был и ответ писательницы — приду!

А еще Людмила Филипповна никогда не жаловалась. Ни на что. Если что-то ее огорчало или расстраивало, то она не позволяла себе раскисать и расслабляться. Минутное переживание — и двигалась дальше.

Мне казалось, что она никогда не уставала. После лекционного дня, встреч со студентами и административной работы, говорила, что падает от усталости и шла домой. Но уже через полчаса звонила и с увлечением рассказывала о новой идее к исследованию, статье или конференции, пришедшей только что в голову. Усталости как не бывало. Работаем!

Людмила Филипповна была по-детски восторженно любознательна. Ей было все интересно! Ей было интересно, как живут студенты. Один раз, во время или после экзамена, разговорились с одной студенткой из многолетней семьи. И Людмила Филипповна загорелась! Вскоре уже сидели на уютной кухне, разговаривали с мамой студентки, театральной художницей о том, как это — воспитывать девять творческих детей.

Людмила Филипповна приходила и на работу к своим студентам-аспирантам. Как-то зашла и ко мне, когда я работала во вспомогательной школе с детьми с интеллектуальными нарушениями. Прошла по классам, зашла в учебные мастерские, поговорила с учителями. В этом визите было одновременно что-то и домашнее, и наставническое.

Очень любила путешествовать. В поездках была неутомима и жадна до всего нового. В Красноярске штурмовала высокие скалы «Столбы», в Гранаде бродила по загадочному Красному дворцу Альгамбра, в Иерусалиме — по кривым улочкам старого города, в Бразилии не упустила возможность посмотреть знаменитые водопады Игуасу. Всегда находила необычные цели для путешествий. В последние годы много путешествовала со своей подругой Жанной Марковной Глозман. Как будто спешила наглядеться, наполнить этим миром.

О религиозности Людмилы Филипповны мне судить сложно. В ее московской квартире были православные иконы, в деревенском доме висела молитва оптинских старцев. В паре километров от деревни стоит храм святителя Василия Великого. Людмила

Филипповна поддерживала строительство храма, участвовала в финансировании реставрационных работ. Людмила Филипповна была знакома со священником Георгием Кочетковым. Ходила на службы в московские храмы.

Осенью 2006 года вместе ездили на Валаам в особую паломническую поездку, жили в монастыре и неделю участвовали в монастырских работах. Меня тогда поразило, как Людмила Филипповна умело разделявала громадные рыбины.

Людмила Филипповна трепетно и бережно относилась к людям. Восхищалась, удивлялась, сочувствовала и со-переживала. Особо чутко Людмила Филипповна относилась к молодым коллегам. Поддерживала, помогала найти работу. Нередко можно было услышать: «Меня Людмила Филипповна привела сюда работать, благодаря ей я нашла (нашел) свое призвание, свою судьбу».

Людмила Филипповна не была трудоголиком в традиционном смысле этого слова. Для нее работа не была чем-то отчужденным, не наполненным смыслом. Поэтому сказать, когда начинался и заканчивался ее рабочий день, рабочая неделя или рабочий год было нельзя. Она не уходила в отпуск. Она всегда была на работе. Все 24 часа в сутки. Но это не было работой от звонка до звонка. Это был путь духа.

Однокомнатная московская квартира была наполнена книгами. Книги, книги, книги. И словари. Писать статью вместе с Людмилой Филипповной было истинной радостью и настоящим мучением. Она оттачивала каждое предложение, подбирала слово к слову как драгоценные жемчужины. Особенно трепетно относилась к текстам, если они касались Льва Семеновича Выготского. Если фраза была неудачной, брала в руки словарь синонимов русского языка, искала аналоги в книгах любимых учителей. Не любила небрежности. Мысль должна была быть лаконичной и ясной. «Слишком много лишних слов» — любила она повторять, редактируя очередной принесенный ей опус. И каждый раз вспоминала, как Петр Яковлевич учил ее писать.

Последние годы Людмила Филипповна при первой возможности стремилась в деревенский дом, в небольшую, всего на четыре дома, деревушку на высоком берегу Волги, под Угличем. Настоящий сруб, летом вкусно пахнувший деревом и сеном. Из окон видна Волга и проплывающие белые теплоходы (как любил Петр Яковлевич). Людмила Филипповна была умелой огородницей и садоводом, очень многое сама делала по дому. Любила собирать и заготавливать грибы.

Само место было очень гармонично и созвучно Людмиле Филипповне и ее жизни. Она сама называла эти места местами Тарковского и Андрея Рублева. В нескольких километрах пешего пути жила университетская подруга Лада Иосифовна Айдарова, чуть ближе — сестра Лады Иосифовны, Роксана Иосифовна Бардина. Что-то завораживающее было в их вечерних неспешных визитах друг к другу. — Вечером, на закате, в первозданной тишине, тихо сидеть рядом и ощущать полноту бытия...



Впервые я увидела Людмилу Филипповну в 1990 году в МГУ, куда пришла в качестве переводчика и сопровождающего слепоглухого психолога Александра Васильевича Суворова. Его пригласила Людмила Филипповна на свой спецкурс, который читала для студентов спецотделения, получавших второе высшее образование на факультете психологии.

Тогда я ничего не знала про психологию, а училась в 8 классе, вместе с другими подростками по выходным ездила волонтером в Загорский детский дом для слепоглухих детей. Ту лекцию помню совсем плохо, в основном рассказывал А.В. Суворов, а я переводила ему вопросы аудитории. Запомнила лишь добрые и чуть уставшие глаза Людмилы Филипповны. С первой встречи осталось теплое ощущение чего-то родного и домашнего. Через Суворова попросила позволения приезжать на дальнейшие лекции — для себя и для подруги. Лекции были по вечерам, коридоры факультета на Моховой были пусты и гулки, а на Манеже около не снесенной тогда еще гостиницы «Москва» шумели митинги в защиту и поддержку кого-то от чего-то. Лекций было не очень много, они были трудны для восприятия. Но почему-то манили, и мы с подругой с нетерпением ждали «лекционного дня». Удивительно было то, что Людмила Филипповна относилась к нам, четырнадцатилетним, серьезно, апеллировала к нашему, пусть и не богатому, но все же опыту общения со слепоглухими детьми. Надо ли говорить, каково это было — восьмиклассникам быть услышанными! На одну из лекций Людмила Филипповна принесла статью из какого-то англоязычного журнала, в которой говорилось об этапах принятия диагноза родителями младенца с врожденными множественными дефектами. Лекция врезалась в память на всю жизнь. Удивительно было через 20 лет, сидя в деревне у горячо натопленной печки и разбирая архивы, натолкнуться на эти материалы. Оказывается, Людмила Филипповна тоже помнила ту лекцию!

Второй раз мы уже встретились в МГППУ (в то время, в 1993 году, это еще был МОиПК — Международный образовательный и педагогический колледж), где Людмила Филипповна во втором семестре на первом курсе начала нам читать возрастную психологию. Каково же было мое удивление и радость, когда она меня вспомнила!

С тех пор Людмила Филипповна — один из главных людей в моей жизни, моя научная мама...

Сейчас уже смешно и грустно вспоминать, как, готовя заявки на гранты, программы конференций,

какие-то статьи, я сердилась на Людмилу Филипповну. Она часто «затягивала сроки». Сдавать уже завтра, а ее главы, параграфы, отчета еще нет. Жду, сержусь, волнуясь. Но вот приходит Людмила Филипповна и приносит текст, в котором найдены те самые важные слова, схвачены те глубокие идеи, благодаря которым текст обретает многомерность и глубину. Людмила Филипповна так искренне радовалась получившемуся тексту, что сердиться уже становилось просто смешно.

Прошедшей весной Людмила Филипповна делилась, как мучительно сложно и одновременно с этим легко писался текст предисловия к переизданию монографии Л.С. Выготского «Мышление и речь». Она очень гордилась тем, что была приглашена к написанию предисловия. И так получилось, что текст этот — один из последних.

Свои лекции по детской (возрастной) психологии Людмила Филипповна начинала всегда с одной темы. Она говорила о самой главной профессиональной цели и ценности психолога — защите права ребенка на детство. Людмила Филипповна как никто другой внесла колоссальный вклад в эту область. Она много писала о новом, современном детстве, по крупицам собирала уникальные свидетельства изменения условий взросления современного ребенка.

С 2007 года в МГППУ по инициативе и под руководством Людмилы Филипповны проводились все-российские научно-практические конференции по психологии развития — «Ребенок в современном обществе» (2007), «Другое детство» (2009), «На пороге взросления» (2011), «У истоков развития» (2013), «Горизонты зрелости» (2015).

Пять конференций — пять глобальных вопросов психологии развития. Завершая подготовку четвертой конференции в 2013 году, мы обсуждали, что пятая, о зрелых возрастах, станет последней, итоговой. Так оно и случилось.

Завершить текст осмелюсь предложением. Давайте не будем останавливаться, давайте будем продолжать! Пусть конференция по психологии развития носит имя Людмилы Филипповны, пусть раз в два года собираются возрастные психологи со всей страны и обсуждают проблемы современного взросления, продолжая и развивая ее дело!

Дорогая, любимая Людмила Филипповна! Вы с нами! Вы учите любить этот мир и смотреть на него глазами ребенка. Спасибо!

## **Lyudmila Filippovna Obukhova. The Person with the 'Inner Child' Inside**

**Inna Korepanova**

**For citation:**

Korepanova I.A. Lyudmila Filippovna Obukhova. The Person with the 'Inner Child' Inside. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 113–116. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120411